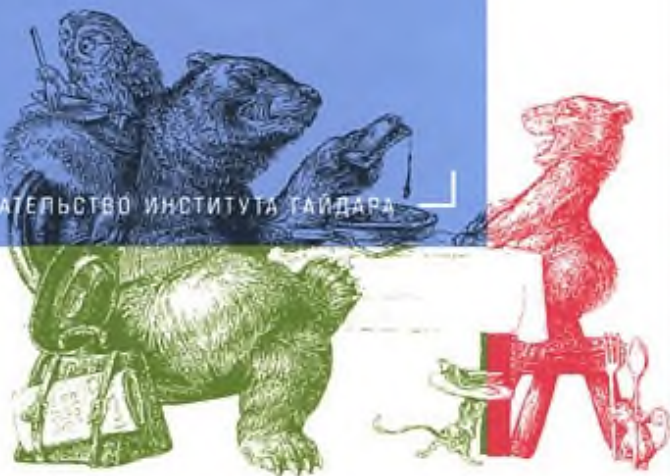

Гордон ТАЛЛОК

ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА,

перераспределение
и поиск ренты

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

Gordon Tullock

Public Goods, Redistribution and Rent Seeking

Edward Elgar

Cheltenham, UK • Northampton, MA, USA

2005

Гордон Таллок

Общественные блага, перераспределение и поиск ренты

*Перевод с английского
Людмилы Гончаровой*

Издательство
Института Гайдара
Москва / 2011

УДК 364.24

ББК 65.272

T16

Таллок, Г.

T16 Общественные блага, перераспределение и поиск ренты [Текст] / пер. с англ. Л. Гончаровой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. — 224 с. — ISBN 978-5-93255-332-9.

Экономисты часто оправдывают действия государства тем, что оно имеет дело с экстерналиями, то есть выгодами или издержками, создаваемыми в результате экономической деятельности, но напрямую с ней не связанными. В настоящей книге Гордон Таллок, классик теории общественного выбора, утверждает, что правительство само может производить экстерналии.

Монархические правительства первыми стали заниматься — для блага монарха, а вовсе не для устранения экстерналий — строительством дорог, содержанием войск и обеспечением правопорядка. Правительства тратят больше денег на перераспределение, чем на более традиционные виды государственной деятельности. Это можно считать еще одной попыткой снизить экстерналии, поскольку неблагоприятная ситуация в обществе создает экстерналии для всех. Рентоориентированное поведение, сравнительно новая область экономических и политических исследований, тесно связано с экстерналиями и структурой правительства. В книге предлагается подробный анализ поиска ренты, а также даются рекомендации по улучшению структуры правительства.

ISBN 978-5-93255-332-9

© Gordon Tullock, 2005

© Издательство Института Гайдара, 2011

Содержание

Предисловие	7
1. Некоторые разногласия в существующей теории экстерналий	8
2. Коуз и все такое	33
3. Еще о том, зачем нужно правительство	47
4. Бедные	64
5. Наследие Бисмарка	78
6. Некоторые биологические проблемы	89
7. Богатые	103
8. Обзор существующей системы	117
9. Поиск ренты	142
10. Война	154
11. Монархии и диктатуры	174
12. Что делать и надо ли вообще что-то делать?	199
Библиография	218

Предисловие

Я начал работу над этой книгой как раз в момент обострения разногласий с Ираком. Как помнит читатель, мы довольно долго находились в состоянии боевой готовности. И поэтому в воздухе веяло войной, покуда я писал рукопись. Не думаю, однако, что этот факт существенно повлиял на нее. В моей книге встречается несколько упоминаний о войне и терроризме, но они, конечно же, не преобладают.

По сути, она представляет собой пересмотр и уточнение работ, написанных в рамках теории общественного выбора, на тему «зачем нам государство и почему было бы хорошо, если бы оно работало лучше». Проще говоря, издание предназначено в помощь студентам, незнакомым с теорией общественного выбора; однако в нем достаточно новых идей, чтобы оно было интересно и для серьезных ученых. В конце книги мною предлагается несколько радикальных поправок к Конституции США, призванных сделать ее более справедливой путем предоставления гражданам разных штатов равного представительства в видоизмененном Сенате и усложнения участия в своего рода поиске ренты, который, как правило, делает нас беднее. Последнее довольно радикально, но хорошо известно, что я радикален, хотя и в нетипичной области.

1. Некоторые разногласия в существующей теории экстерналий

Заглавие этой книги может озадачить многих читателей. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты кажутся не столь близкими понятиями, чтобы сочетаться друг с другом в одном издании. Более того, словосочетание «общественные блага» в ее названии может даже ввести в заблуждение. Обычно я говорю об экстерналиях, а не об общественных благах. Экстерналии являются причиной необходимости существования правительств и во многих случаях ведут к обсуждению определенных видов деятельности правительства, которые генерируют дальнейшие экстерналии и тем самым требуют намеченной правительственной деятельности. При этом они обыкновенно не обсуждаются вместе с перераспределением и поиском ренты. Я надеюсь убедить читателя, что логично говорить о них в комплексе. Начну, однако, с экстерналий, напомнив, что, по утверждению Милтона Фридмана, существование в сообществе неимущих людей само по себе порождало нечто подобное экстерналии. Этот вопрос рассмотрен далее, в части, посвященной перераспределению, где его связь с экстерналиями очевидна. В дальнейшем станет ясна и связь обеих этих проблем с поиском ренты. И поэтому полагаю, что читатель проявит толику терпения, покуда я буду пробираться сквозь то, что он, возможно, посчитает

отступлениями перед переходом к главным темам. Тогда что же такое «экстерналия»? Слово подразумевает что-то, что имеет место как некий побочный продукт любого действия. Если я кошу траву на своей лужайке газонокосилкой, шум может раздражать соседа. Вот это — экстерналия, внешний эффект. Также если я нанимаю кого-нибудь скосить траву на газоне, то и это добровольное соглашение может беспокоить соседа производимым шумом. Это тоже экстерналия. Подобные экстерналии — частные, однако правительство может делать вещи, которые приносят беспокойство людям, живущим за пределами его юрисдикции. Война — очевидный случай, но существует множество гораздо более незначительных вещей, которые может делать правительство и которые причиняют неудобства другим. Рассмотрим случай с еще более примитивными и принципиальными мотивами правительства. Для этого необходимо вернуться к исходной точке — возникновению правительства, а это было так давно, что на самом деле мы знаем об этом не так уж много. Ближайшие наши родственники — шимпанзе — живут в группах, в которых имеется нечто, лишь отдаленно напоминающее правительство. В большинстве обезьяньих групп действует порядок доминирования, но он не функционирует как правительство, а просто обеспечивает доминантных членов особыми привилегиями (De Waal 1989, 1992)*. Зачастую у них есть племенные территории, за которые они сражаются**.

* Книга 1989 г. — «Установление мира среди приматов» — имеет несколько неудачное название, поскольку ее кульминационным событием является убийство с особой жестокостью.

** Джейн Гудолл считала шимпанзе миролюбивыми до тех

Если обратиться к предкам человека, то нам ничего об этом не известно, за исключением того, что они жили в группах и у них были центры, куда они возвращались время от времени. Предположительно, в этих центрах хранились запасы пригодных для работы камней, которые собирались неподалеку, — вот то, что мы знаем. По-видимому, в группах у них тоже были доминантные члены.

Самые примитивные племена, существующие ныне, также дают нам ключи к разгадке ранней истории рода человеческого. Обычно там имеются отдельные члены племени, которых ученые называют «вождями» или «матриархами» и которые могут не только получать от соплеменников особые привилегии, но и урегулировать споры между ними. Вполне вероятно, что те, кто обладают особым талантом в применении силы, получают общий контроль над этими племенами. В ходе эволюции эти племена могут разрастаться и даже устраивать оседлые поселения. Тем не менее у многих примитивных племен имеется географический ареал, в котором они доминируют, но вокруг которого постоянно перемещаются. Некоторые из них занимаются подсечно-огневым земледелием. По-видимому, с совершенствованием технологии племена становятся больше, а централизованное управление, индивидуальное или групповое, начинает использовать собственную власть для обложения налогами остальных членов и старается не допускать к этому другие племена. Таким образом, налогообложение, охрана правопорядка с целью недопущения конкуренции на местном уровне и военная сила для недопущения

пор, пока не стала свидетелем войны на уничтожение одной стаи против другой.

конкуренции со стороны других племен, вероятно, являлись собой самые ранние компоненты этих общин.

Наиболее старые города, о которых мы имеем достоверные знания, Чатал-Хююк и Иерихон, были хотя и довольно примитивно, но укреплены. И только с развитием сельского хозяйства становятся возможными оседлые поселения. Изначально в экономическом плане они развивались, предположительно, как первобытные сельскохозяйственные поселения, к тому же Иерихон и Чатал-Хююк очень древние города. Несомненно, что там велась значительная торговля: Чатал-Хююк торговал обсидианом — весьма ценным материалом в каменном веке. Результаты археологических раскопок свидетельствуют, что у них, видимо, была сильно развита религия, однако у нас нет непосредственных доказательств существования централизованного правительства. Но, принимая во внимание необходимость мобилизации рабочей силы для возведения массивных стен Иерихона и своеобразной архитектуры Чатал-Хююка, которая, похоже, создавалась из сугубо оборонительных соображений, у них почти наверняка имелось централизованное правительство. Нам неизвестно, выступал ли в этой роли обыкновенный вождь, либо же существовало некое подобие совета. Тем не менее похоже, что у них был вождь, который, как правило, олицетворял собой типичный пример доминирования, наблюдаемого в примитивных племенах. Если продвигаться дальше к письменному обществу, которое возникло в Месопотамии, то обнаруживается, что общественное устройство того времени основывается на орошаемом земледелии, а это требует централизованного контроля и умения мобилизовать большое количество работников (Wittfogel 1957). В этих городах-государ-

ствах имелись сложные религиозные структуры, которые возникали, чтобы также стать центрами правления. Из этих структур явствует, что правительство оказалось способным мобилизовать для собственных нужд достаточно большую часть совокупного богатства общества. Это было продиктовано отчасти необходимостью поддержания ирригационной системы, отчасти потребностью в защите от иноземных грабителей. Самые ранние свидетельства, имеющиеся в нашем распоряжении о действительном управлении этими структурами, — два эпоса о древнем правителе, царе по имени Гильгамеш. Мы располагаем только фрагментами и их переводами, сделанными на более поздний язык. Сам оригинальный текст утрачен. Герой эпоса — царь, но имеется по крайней мере указание на существование некоего совещательного органа. При рассмотрении более позднего времени в том же самом регионе, мы располагаем гораздо большим объемом данных, да и цари обладают уже абсолютной властью. Вполне вероятно, что централизованное правительство владело монополией на применение силы (которая, как мы теперь склонны считать, является отличительной чертой правительства) и применяло ее в собственных интересах. Однако же если взглянуть на это с точки зрения простых граждан, то становится очевидным, что необходимость поддержания функционирования ирригационных каналов означает потребность в мобилизации большого количества рабочих. Кроме того, в те ранние годы существовали и другие подобные города, расположенные в непосредственной близости один от другого. Возможно, защита от соседних городов могла быть необходима для рядового гражданина. Помпезность и церемониалы церкви и монаршего двора, скорее всего,

были для работников хоть каким-то развлечением. Современные диктаторы обычно проводят множество дорогостоящих церемоний и, по всей видимости, считают, что это для них выгодно. Причины возникновения правительства в других регионах, наверное, были такими же, за исключением разве что ирригационных каналов, в которых, очевидно, не было необходимости в Иерихоне и Чатал-Хююке. Очевидно, что некто, обладающий особыми талантами в организации насилия, решил обложить налогами собственных соседей (подданных), дабы иметь от них поддержку самого себя и своего механизма насилия. Надо полагать, что изначально это делалось в интересах граждан, которые таким образом оказывались защищенными от разграбления и набегов. Мансур Олсон, с присущим ему чутьем на беспроницаемые выражения, говорил об «оседлом бандите» (Olson 2000), противопоставляемом «бандиту-гастролеру». У вождя или царя имелись веские мотивы для повышения производительности на своей территории, так как значительная часть продукции оказывалась в конечном итоге в его собственных руках. Это было так только в том случае, если он намеревался оставаться на том же месте, в то время как «бандит-гастролер» грабил и исчезал. То, что возникновение государства происходило именно таким образом, представляется возможным, хотя все это случилось столь давно, что мы не можем быть в этом уверены. В конце XIX века антропологами, посетившими Африку, был обнаружен целый ряд образований, которые они называли «империями». Как правило, они были довольно малы; сосредоточены на площади не более пары тысяч квадратных миль и созданы относительно недавно. Их история во многом была похожа на ту, которая описана нами ранее.

Как только был установлен контроль над данной территорией обитания племени, приоритетной задачей могло стать предотвращение конкуренции. Такая конкуренция могла быть сугубо локальной, когда отдельные люди крали собственность соседей, которая в ином случае могла быть присвоена царем. Следовательно, вполне вероятным может казаться создание своеобразных полицейских формирований. Отметим, что это выгодно как большинству граждан, так и царю. Мы могли бы рассматривать это как устранение экстерналии для граждан, но, скорее всего, это не было основным мотивом правительства. Предотвращение конкуренции со стороны других племен станет также первоочередной задачей для правителя. Значит, он будет развивать армию, чтобы не допустить нападения со стороны других и, может быть, чтобы увеличить свою собственную способность взимать дань с помощью агрессии. Оборонительная же сторона такого использования армии пойдет на благо граждан, и он может позволить им грабить завоеванные территории, чтобы они тоже получали выгоду. Отметим, что оба этих примитивных аспекта правительства, по крайней мере до известной степени, выгодны гражданам, если им удастся сократить внешние издержки. Однако сомнительно, что это являлось фактором, определяющим поведение, по выражению Мансура Олсона, «оседлого бандита».

Если он собирался участвовать в агрессивных войнах против своих соседей, ему понадобились бы дороги. Самые старые из известных дорог — это дороги в Англии, пролегающие по гребню холмов, но мы не обладаем архивными данными, которые смогли бы поведать нам об их происхождении, хотя их практическая очевидна. Первая крупная система дорог была

возведена ассирийцами, могущественными и агрессивными воинами. Они построили первые крупные системы дорог, что позволило их армии пройти обходным путем*. Когда ассирийцы были разгромлены, персы отремонтировали и расширили их систему дорог. Несомненно, мирные граждане, как и армия, также пользовались дорогами, однако, с точки зрения соответствующего правительства, это был побочный продукт. Экстерналия была устранена, но это не являлось определяющим фактором поведения правительства. Должно быть, граждане расценивали необходимость строительства дорог как очевидную.

Над входом многих почтовых отделений в Америке располагается надпись — цитата из Геродота с описанием почтовых систем имперской Персии. Вряд ли эта, хотя и очень хорошо организованная, почтовая служба была первой, но кажется вполне вероятным, что первоначально такая служба была задумана с целью сохранения контроля над империей в руках правителя. Следовательно, некоторые основные функции правительства были изобретены не для устранения экстерналий, а для обеспечения безопасности и благосостояния правительства. Понятно, что другие люди тоже смогут пользоваться дорогами, а почтовые курьеры, возможно, будут перевозить по ним частную корреспонденцию, но эти усилия были направлены не на то, чтобы принести пользу гражданам, а на извлечение выгоды для самого правительства. Персы, конечно, были не последними. Могущественные римские воины возводили дороги по всей тер-

* «Ассириец пришел, как на пастбище волк, И сверкали в войсках его пурпур и шелк». Из «Поражения Сennaхири-ма» Байрона. Перевод В. Рафаилова.

может быть рад, если она оказывается положительной. Приведу пример. Предположим, что в три часа ночи я выхожу на балкон своей квартиры и начинаю упражняться в игре на трубе. Так как квартира находится в большом здании, а неподалеку, в пределах ста метров, расположен еще целый ряд других больших жилых домов, то, вероятно, это вызовет изрядное неодобрение. Понятно, что, скорее всего, появится охранник (из частного охранного предприятия) и заставит меня прекратить мои упражнения. Я явно создал отрицательную экстерналию для своих соседей по дому, а охранник, нанятый жильцами, умерил ее. Отметим, что тот факт, что здание является кондоминиумом, а полицейские функции выполняются частной компанией, сути дела не меняет. Если по каким-то причинам охранник не может остановить меня, то уж полиция города Арлингтон справится с этим наверняка. Естественно, дело может закончиться тем, что я предстану перед судом. Но предположим, что я получаю удовольствие, упражняясь в игре на трубе. Препятствует ли мне этим заниматься та экстерналия, которая генерируется другими жильцами и наносит мне ущерб? Уверен, что большинство моих читателей сочтет такой вопрос неуместным, но почему? Сравнительные числа — не объяснение. Шумная и хулиганистая вечеринка, беспокоящая единственного человека в три часа ночи, также станет сигналом для вмешательства полиции. Очевидным объяснением здесь является простой факт, что в нашем обществе громкий шум в три часа ночи традиционно воспринимается как нарушение общественного порядка и должен быть прекращен. Право собственности на квартиру несет в себе законное право на отсутствие беспокоящего шума в три часа ночи. В других обществах существуют

другие правила. Одной из интересных особенностей Лондона считается то, что вечеринки здесь заканчиваются невероятно поздно. Начало вечеринки в полночь не представляет проблемы.

Это разные обычаи, и нет особых разумных доводов на сей счет для любого из них. Считается, что тот, кто идет против обычаев, создает экстерналии, тогда как то же количество шума, но при других обстоятельствах — уже нет (Coase 1960; Коуз 2007). Невозможно решить, экстерналия это или нет, если не использовать существующие обычаи или юридические определения.

Раз в год, ночью, на улицы Базеля выходят гулять и бить в барабаны практически все его жители. Естественно, это очень похоже на мою ситуацию с трубой, не дающей людям спокойно спать. Но по местным правилам это совершенно законно и даже одобряется, поэтому те, кто так не поступает, особенно если у них имеются маленькие дети, получают свою долю социального осуждения.

У меня немало друзей-либертарианцев. Они не приемлют применения силы и насилия или угрозы, предполагающих привлечение полиции, и выступают за решение такого рода проблем на добровольной основе. Предположим, что, вместо того чтобы нанять охранника, выполняющего полицейские функции, или полицейского, мои соседи собрались все вместе и заплатили мне, чтобы я прекратил играть. Думаю, что общая сумма платежа не превысила бы стоимости содержания охраны или полиции и даже, возможно, была бы существенно ниже. Кроме того, отметим, что при этом никому не будет нанесен ущерб. Я остаюсь в выигрыше, так как предпочитаю оплату, и мои соседи выигрывают, так как стоимость, вероятно, оказы-

вается меньше, чем наем охранника или полицейского. Тем не менее я уверен, что большинство моих читателей думают, что это нелепое предложение.

Почему? Ответ довольно прост, и профессиональными экономистами называется «безбилетничеством» (Olson 1965; Олсон 1995). Если мои соседи сформировали коалицию с целью заплатить мне, чтобы я не играл на трубе, любой индивид мог бы получить ту же выгоду, не присоединяясь к коалиции и, соответственно, не платя никаких денег. Это лишь незначительно уменьшило бы размер общей выплаты и не помешало бы собрать достаточно денег с других, чтобы остановить мою игру на трубе. Это очевидно, но все мы считаем, что на самом деле сформировать коалицию было бы невозможно, так как многие из моих соседей предпочли бы «безбилетничество» за счет других. Это привело бы к увеличению необходимого платежа для тех, кто участвует в коалиции, и, следовательно, усилит мотивы для воздержания от участия. Далее, если бы мои моральные принципы были слабы, я мог бы играть на трубе исключительно для того, чтобы получать плату за то, чтобы прекратить свою игру.

Это далеко не единственный случай. И подобного рода «безбилетничество», как правило, используется для объяснения необходимости принуждения со стороны правительства. Такие вещи, как плата за то, чтобы не играть на трубе в три часа ночи, ошибочно называются «общественными благами». Это придумано не мной, и я бы предпочел другое выражение, но именно это вы найдете в большинстве книг по экономике.

Пройдемся по другим примерам. Когда я переехал в свой дом в городе Тусон, штат Аризона, то обнару-

жил, что муравьи-листорезы (иногда их еще называют зонтичными муравьями) устроили себе гнездо в моем дворе. Эти муравьи, вероятно, самые высокоорганизованные в семействе муравьев, вырезают маленькие кусочки листьев деревьев и других растений и несут их на себе в гнездо (отсюда и название — зонтичные муравьи), где пережевывают листочки и выращивают на них грибы. Эти грибы для них — единственная пища. Так как муравьи могут наголо остричь почти любое растение, в том числе деревья, то они определенно являются наказанием. Кроме того, их очень трудно истребить. Если на землю возле входа в их гнезда положить отраву, то муравьи останутся внутри, питаются грибами, и построят запасной выход.

Когда я только приехал, муравьиное гнездо было маленьким, а растительность на участках моих соседей еще не повреждена, но было очевидно, что это всего лишь вопрос времени. Было ли это экстерналией? Я не активист движения «зеленых», но интересуюсь насекомыми общественными. Я мог бы сохранить их для изучения. Было бы это экстерналией? А если бы мои соседи вдруг начали настойчиво и громко жаловаться, были бы их жалобы экстерналией? Предположим, что мои соседи — защитники окружающей среды, выступающие против изменения природного баланса. Если бы я хотел уничтожить муравьев для защиты своего собственного сада, то эти соседи, наверное, стали бы возражать. Можно усложнить пример: скажем, есть экологи, которые защищают только растения, а не животных. Они могут считать, что для пользы окружающей среды требуется истребление муравьев. Что здесь является экстерналией?

У меня были и иные трудности с общественными насекомыми. Оказалось, что другие местные виды

муравьев — термиты — обустроились под бетонной плитой фундамента моего дома и принялись поедать деревянные части жилища. Игнорируя экологические соображения, я позвонил дезинсектору, который и взялся за решение проблемы с помощью отравы для насекомых. Однако он сообщил, что не смог найти гнезда и считает, что оно может находиться под бетонной плитой, на которой построен мой дом, но с другой стороны. Там было два дома с одной общей стеной на одном общем фундаменте. Мои соседи не горели желанием что-либо предпринимать против термитов. Было ли это тогда экстерналией? И если да, то кто кому наносил ущерб: я — соседям или они — мне? К счастью для меня, в компании, занимающейся дезинсекцией, оказался очень убедительный работник, который весьма преуспел в продаже моим соседям своих услуг по избавлению от насекомых. Жилой квартал, который построен как кондоминиум компанией, занимающейся недвижимостью, располагался со стороны холма с очень красивым видом на город Тусон и горы вдаль. Там уже росли деревья, а компания, занимающаяся недвижимостью, посадила еще. Со временем деревья выросли и стали заслонять обзор для нескольких домов. Мне повезло, потому что, в сущности, для меня они только улучшали панораму, так как находились не прямо между моим домом и городом. Случилось так, что компания, занимающаяся недвижимостью, вполне отдавая себе отчет в том, что это может произойти, внесла в наш устав следующее положение: если деревья будут мешать обзору, их можно вырубить. Это положение, конечно же, может быть изменено «правительством» кондоминиума. Оказалось, что одни хотели вырубить несколько деревьев, другие же решительно выступали

за их сохранение. В этом случае перебранка проходила в рамках избранного правления во время ежегодных собраний жильцов. Что же здесь было экстерналией — деревья, обзор или шумиха во время совещаний правления?

В Тусоне, находившемся на границе тропиков, вокруг было множество ядовитых насекомых. Несколько раз я уничтожал небольшие колонии пауков вида «черная вдова». Возвращаясь к защитникам окружающей среды, которые могли бы возразить против моего снижения разнообразия видов в регионе путем уничтожения термитов и муравьев и т. п.: не думаю, что они когда-нибудь возражали против уничтожения пауков вида «черная вдова» в населенных регионах, особенно там, где имеются дети. Тем не менее вполне возможно, что даже там я создавал экстерналии для защитников окружающей среды, выступающих против уничтожения любого вида или даже против радикальных изменений в «естественном состоянии».

Есть и другие случаи, более сложные. У меня в палисаднике рос цереус, «ночная красавица». Для тех, кто не видел, — он имеет белые цветы от пяти до шести дюймов в диаметре, которые раскрываются около семи часов вечера и закрываются на рассвете. Один бутон цветет всего одну ночь, но сам кактус продуцирует цветочные бутоны достаточно длительное время в течение лета. Мои соседи обожали эти цветы, иногда фотографировали их или даже звали своих гостей прийти и полюбоваться ими. Это можно назвать положительной экстерналией, поскольку все, что я сделал, — это только оставил кактус в палисаднике на радость соседям. К сожалению, именно этот вид цветущего кактуса опыляется летучими мышами. Помню свое изумление, когда, посмотрев на цветок, уви-

дел летучую мышь, пьющую нектар. Но не всем нравятся летучие мыши, особенно если они бешеные. Мой кактус привлекал к себе летучих мышей. Не порождал ли он тогда негативную экстерналию, которая намного превосходила положительную, создаваемую его видом? Может быть, он производил положительные экстерналии для одних людей и отрицательные — для других?

Конечно, мы могли бы субсидировать людей, возделывающих прекрасные сады на благо своих соседей и прохожих. В некоторых регионах устраивают маленькие конкурсы, награждая отличившихся призами за самые привлекательные дворники. В кондоминиуме в Тусоне, где жил я, такие призы не практиковались, но зато там действовали довольно строгие правила, из которых следует, что вам разрешено сажать в своем палисаднике, а именно — только местные виды растений, произрастающие в пустыне; траву же выращивать было нельзя. На заднем дворе, который по большей части не видно с улицы из-за стены, можете выращивать все, что душе угодно. Кроме травы, запрещенной органами самоуправления округа в целях экономии воды; эти правила действовали строго для конкретной местности. Идея заключалась в улучшении общего внешнего вида окрестностей и поддержании цены для перепродажи домов. По той же самой причине существовали и ограничения на проект дома. В результате — очень приятный вид и неплохая стоимость при перепродаже дома.

Я привык к жизни в Блэксбурге, штат Вирджиния, где кизилловые деревья особенно красивы весной. Я привык сворачивать с дороги, чтобы проехать мимо одного дома с театрально выставленными напоказ весенними кизилловыми деревьями. Хозяин дома поро-

ждал положительную или, может быть, отрицательную экстерналию на своих соседей, которым приходилось вынужденно мириться с избыточным трафиком.

Вернемся к Тусону и правилам моего кондоминиума: к той части, где правилами предусматривается цвет дома и материал — один для всех вид кирпича, из которого были построены все дома. Кто-то из вновь прибывших приобрел пустой участок под застройку и начал строительство дома из кирпичей, отличавшихся по цвету от тех, из которых были построены остальные дома. Ассоциация кондоминиума предупредила его на этот счет, в конечном итоге на него подали в суд и взыскали 7000 долларов. Создавал ли он экстерналию или это была экстерналия ассоциации кондоминиума, члены которой вначале высказали серьезные претензии, а затем подали на него в суд? Как насчет положения о цвете моего дома? Предположим, что я бы предпочел другой цвет. Создают ли они для меня отрицательную экстерналию?

В то время, когда я писал эту главу, Соединенные Штаты были всюду увешаны американскими флагами после террористических атак на Всемирный торговый центр. Некая миссис Пэррот воздвигла десятифутовый флагшток, живописно воткнув в клумбу палисадника, и подняла американский флаг. Она была жительницей кондоминиума, правила которого запрещали флагштоки во дворе, хотя разрешалось вывешивать флаги на домах. К моему удивлению, как и, вероятно, большинства других людей, ассоциация кондоминиума возбудила против миссис Пэррот судебное разбирательство. Ее ближайшие соседи не имели ничего против флага, да и в тот момент всеобщего всплеска патриотизма маловероятно, чтобы кто-нибудь действительно возражал. Тем не менее

члены ассоциации кондоминиума выступили против и передали дело в суд*.

Подозреваю, что большинство моих читателей довольно легко приняли в каждом случае свое решение о том, имеют ли здесь место экстерналии. Однако эксперименты показали, что разные люди принимают разные решения. Впоследствии, когда люди начинают тщательно обдумывать каждую из этих проблем, они, как правило, меняют свое мнение, а затем после дальнейших размышлений возвращаются к своему изначальному мнению и т. д. Поскольку эти проблемы не слишком важные, то не стоит тратить на них много времени. Между тем сам факт, что люди приходят к различным решениям и меняют свое мнение, указывает на то, что не существует простого прямолинейного правила, определяющего принятие решений.

Обычно эти проблемы либо решаются неформально в ходе их обсуждения, иной раз — весьма саркастического, либо же перенаправляются неким правительственным представителем. Иногда они могут отсылаться к арбитру, который всего лишь видное лицо в данной области. Однако неверно считать, что проблемы всегда можно разрешить таким образом. Стороны могут оказаться не удовлетворены решением и, возможно, счесть решение правительства или арбитра воздействием на них отрицательной экстерналии.

Правительство — это не истина в последней инстанции, потому что иногда правительства создают экстерналии. Они могут влиять на меньшинство в рамках правительственной зоны либо за ее пределами. Читатель может подумать, что слово «экстерналия»

* См.: *Washington Times*, 8 December 2002, p. A11.

не следует использовать, если речь идет о правительственном учреждении, а жертва является членом сообщества. Это просто вопрос словоупотребления. Бомбардировка городов в чужой стране будет однозначно считаться экстерналией, но говорить о войне в таких терминах не принято. Так, введение нами правила о запрете полетов приблизительно над двумя третями территории Ирака может встретить возражения или быть одобрено без понимания того, было ли это экстерналией или нет. Я полагаю, что бомбардировки Всемирного торгового центра были, строго говоря, экстерналией, созданной одной невменяемой религиозной группировкой. Не думаю, однако, что данная проблема выглядит так же в глазах большинства людей, и в этом случае я буду придерживаться привычного словоупотребления.

Рассмотрим простые примеры правительственных единиц, создающих экстерналии для людей, находящихся за пределами этих единиц. И вновь я возвращаюсь к тому кварталу кондоминиума, в котором жил в Тусоне. За несколько лет до появления этого кондоминиума был построен частный кварталчик, к которому подвели второстепенную дорогу — трассу с парой ответвлений, соединяющуюся с главной улицей. Идея заключалась в том, чтобы обеспечить место для строительства жилых домов, и люди на самом деле покупали участки и строили дома. У них была крошечная коллективная организация примерно на четверть сотни домов.

Когда фирма, построившая кондоминиум, в котором жил я, только начинала строительство, система его улиц была связана с двумя главными улицами. В одном случае, менее важном, соединение осуществили посредством улочки, выстроенной еще преды-

душим застройщиком и предназначавшейся для сообщения с небольшой колонией домов, возведенных на его участке. Этот въезд оказался задействован чрезвычайно активно, в результате чего через небольшой район стало проходить довольно интенсивное движение транспорта. А так как в целом ряде этих домов были дети, которые могли попасть под машину, и все жильцы возражали против шума и других помех, создаваемых этим движением, то было решено пресечь использование «их» дороги, заблокировав ее в самом конце. Жители кондоминиума запротестовали и подняли этот вопрос в органах самоуправления округа. Поскольку их было больше, чем тех, кто проживал на участке короткой дороги (соотношение составляло примерно двадцать к одному), то органы самоуправления округа приняли сторону большинства. Ясно, что большое количество избирателей в данном случае предпочли создать экстерналию для меньшинства.

В качестве общего утверждения: в демократических государствах большинство может создавать издержки для меньшинства и зачастую так и делает. Типичным примером могут служить высокие налоги для богатых. Является ли это экстерналией? Если богатые живут в одном обществе с бедными, то некоторые, вероятно, скажут, что это не так. С другой стороны, черные американцы-южане до 1864 года жили в том же обществе с белыми, и некоторые могут сказать, что законы, облагающие рабство, порождали экстерналии. И вновь в этом случае я пока отложу этот вопрос, потому что в обычной речи «экстерналии» таким образом не используются. В случаях, описанных мною выше, значение слова «экстерналии» расширено, поэтому читатель может возразить против того, что здесь значение этого слова я не расширяю. Если это так, то без ка-

ких-либо серьезных сложностей эти слова можно использовать как угодно.

Существуют, однако, серьезные трудности с этим определением. Часто говорят, что экстерналии – одно из главных обоснований деятельности правительства. Во многих случаях правительство может справляться с экстерналиями, вводя правила. Здесь имеются две проблемы. В первую очередь вводимое правительством правило само может создавать экстерналии, как в случае с дорогой, приведенном выше. Во многих случаях введенное правительством правило всего-навсего предусматривает, что одна из двух сторон, имеющих разногласия по поводу чего-либо, скажем, термитов, должна следовать какому-то определенному правилу. Если предположить, что правительство способно превращать собственные распоряжения в жизнь, то это исключает возможность борьбы или вражды по упомянутому поводу, но правительство делает это, причиняя неудобства одной из сторон, чтобы облагодетельствовать другую. Очевидно, мы должны при случае принять такой итог, но на самом деле это не поможет избавиться от экстерналии. Попросту говоря, одна сторона способна создавать экстерналию для другой. Результат может быть вполне удовлетворительным, но он не устраняет проблему. В сущности, возможны экстерналии и внутри самого правительства.

Возвращаясь еще раз к кондоминиуму в Тусоне, скажу, что в дополнение к частным садам там существовали еще и некие территории общего пользования, которые возделывались садовником, работавшим по контракту. Один очень агрессивный член небольшого товарищества внушил себе, что садовник плохо выполняет свою работу. Затем он развернул энергичную единоличную кампанию, чтобы загрузить садов-

ника еще большей работой. Он досаждал президенту товарищества и членам различных советов телефонными звонками и личными визитами и бесконечными манифестами по этому поводу. В конце концов президент товарищества сложила с себя полномочия, чтобы избавиться от его визитов и звонков. На тот момент, когда я покинул кондоминиум, эта его кампания все еще продолжалась, и можно было бы поспорить, имели ли место какие-либо улучшения в садоводстве на территориях общего пользования.

У меня сложилось впечатление, что, хотя это и крайний случай, внутренние споры в правительственных учреждениях производят нечто, что весьма похоже на экстерналию, даже если это слово обычно не используется. Конечно, как правило, споры в таких очень маленьких правительственных учреждениях, как наш кондоминиум, решаются относительно мирно. Они часто оставляют после себя неприятный осадок как у одной, так и у другой стороны. И чем больше группа, тем острее и дольше длится это болезненное ощущение. Для большинства гражданская война еще не окончена.

Конечно, во многих случаях, если правительство приняло решение по подобному вопросу, люди, вступающие в данное сообщество позже, должны принимать это в расчет, и это на самом деле может уменьшить экстерналию. Вернемся к моему кварталу в кондоминиуме Тусона: решение о цвете дома означает, что всякий, кто берется за строительство нового дома и предпочитает иные цвета, должен будет рассматривать правило как часть своего первоначального контракта. Могут сказать, что тогда это будет не экстерналия, так как стороны согласились с этим. Большая часть законодательства в более крупных и более важ-

ных правительствах обладает таким эффектом. В тот момент, когда закон принят, его простое существование может причинить неудобство одним людям, одновременно благоприятствуя другим. Обычно это не называют экстерналией, но оно соответствует принятому определению. Действия одного человека, выступающего за принятие нового закона или изменение старого, могут нанести ущерб либо принести выгоду другому человеку. Если группа людей, составляющих большинство, выступает за принятие определенного закона, это может привести к значительным издержкам для меньшинства. Конечно, они могут также приносить пользу меньшинству, если оно ошибочно противится закону по недомыслию или вследствие заблуждения.

Другой случай, когда правительство не справляется с экстерналиями, — если наблюдается конфликт интересов двух групп, относящихся к отдельным правительствам. Вышеприведенный случай с дорогой — пустяк. Вторая мировая война куда более значительный пример. Если имеется вышестоящая сила, то вопрос может быть улажен ею, но с теми же проблемами большинства и меньшинства или сильных и слабых, с какими мы столкнулись в предыдущем деле об органах местного самоуправления. Кроме того, экстерналиа может быть чисто правительственной. Хотя мы в США и пытались не допустить борьбы штатов между собой, мы потерпели фиаско — по крайней мере в одном значимом случае в 1860–1865 годах, в результате чего одна группа штатов создала серьезную экстерналию для другой. В этом случае, конечно, мы сегодня считаем этот результат желательным, хотя тогда это не обязательно было единодушной позицией. Международные войны являют собой еще более

заметные примеры экстерналий, создаваемых правительствами.

Как видно из данной главы, проблема экстерналий — не из простых. Большинство экономистов считают, что правительство существует в значительной степени для того, чтобы заниматься устранением экстерналий. Действительно, это так; но оно также создает экстерналии. Эти экстерналии могут воздействовать и на иностранных граждан — людей, находящихся за пределами юрисдикции данного правительства. Когда правительство причиняет ущерб или приносит выгоду своим собственным гражданам, то слово «экстерналия», как правило, не используется, — тем не менее это всего лишь условности.

2. Коуз и все такое

Порой экономисты говорят, что Коуз (Coase 1960; Коуз 2007) решил проблему экстерналий. Хотя мне и не жалко для него Нобелевской премии, должен отметить: то, что им сделано, лишь прояснило проблему, но не решило ее окончательно. В какой-то степени он просто продемонстрировал, что Пигу, являвшийся на тот период признанным авторитетом по экстерналиям, недопонимал данную проблему.

Пигу говорил, что сама по себе частная собственность не обязательно ведет к оптимальным результатам. Зачастую необходимы действия правительства. Индивидуальные действия могут создавать издержки для других лиц, и, следовательно, нам необходимо правительство для решения этой проблемы. До сих пор Пигу (Pigou 1929; Пигу 1985), безусловно, прав, хотя это вовсе не означает, что он ушел здесь дальше Адама Смита. В некотором смысле то, что он сделал, — это пояснил аргументацию в той области, где предшествующими экономическими теориями проблема понималась в общем, но четко сформулирована не была.

Но если рынок и частная собственность не приводят к оптимальному результату из-за экстерналий, то это еще не доказывает, что правительству подобное удастся лучше. Рассматривая древнюю историю правительства, мы замечаем, что тогда оно прилагало значительные усилия для передачи ресурсов мо-

гущественным людям. Могучие воины и строители — ассирийцы — уничтожили практически весь Израиль. Разгрома избежала лишь небольшая южная часть с центром в Иерусалиме — и то не благодаря хорошему правительству, а вследствие внезапной вспышки чумы, которая отпугнула нападавших. Позднее, конечно, Иерусалим был захвачен другим правительством — вавилонянами, которые увели значительную часть населения в центр долины Тигра и Евфрата. И это опять не уменьшило экстерналии, а, скорее, создало их.

Вернемся к современности: я начал писать эту главу по следам второй войны в Ираке. Среди мотивов этой войны по крайней мере упоминалось, что она позволит устранить экстерналии, которые террористы создавали для Соединенных Штатов. Решит ли эта война проблему терроризма, сейчас неизвестно, но я не уверен. В любом случае нет никаких сомнений в том, что мы создали значительные экстерналии для иракского народа, не говоря уже об их правительстве. Конечно, вполне возможно, что положительные экстерналии, производимые в ходе устранения одного из самых худших правительств в мире, которое подвергло иракский народ гонениям, окажутся важнее отрицательных экстерналий. Однако это только время покажет.

В качестве небольшой разгрузки укажу еще на одну второстепенную экстерналию, связанную с той войной. В результате моего довольно своеобразного образования и автобиографии я всерьез интересуюсь внешней политикой и военными вопросами. У меня не было особой неприязни к иракской войне как таковой, но я считал, что мы ввели гораздо меньше войск, чем было бы желательно. Я знал, насколько плоха была иракская армия, но мне кажется, мы не должны

были рисковать, потому что, возможно, несколько ее подразделений — например, республиканская гвардия — были модернизированы. Я опасался, что мы могли увязнуть на какое-то время. Таким образом, наша кампания в некотором смысле создала отрицательную экстерналию для меня. Согласен, что каждый читатель подумает, что правительство было право, не обращая на это внимания. На самом же деле, правительство никогда даже не подозревало, что я возражал против его политики; и, строго говоря, трата времени на выяснение того, что думает по этому поводу какой-то безвестный профессор экономики, была бы действительно пустой. Однако это оказалась экстерналия в чистом виде, и создана она была правительством.

Но что мы тогда подразумеваем под «экстерналией»? Каждый из нас окружен огромным разнообразием вещей, одни из них — материальные, а другие — нематериальные, как, например, правила, которые мы вынуждены учитывать. Рассмотрим пару незначительных примеров: когда я вошел сегодня утром в свой офис, я заметил, что расцвело несколько очень симпатичных пурпурных цветов. Я также заметил, что на кусте с другой стороны от входа проявились признаки гибели растения. Я испытал удовольствие от красивых цветов и боль от их гибели: в обоих случаях количество удовольствия и боли было столь незначительным, что я даже не задержался, чтобы рассмотреть эти цветы. Я знаю, что администрация университета посадила их с целью улучшения работы университета, но их воздействие неизбежно ничтожно. Тем не менее решение обойтись без цветов, вероятно, будет неразумным. Это и есть — целенаправленное усилие правительства по созданию положительной экстерналии.

Бытует мнение, что правительства существуют в значительной степени для «интернализации экстерналий», и это уже стало неотъемлемой частью преподавания основ экономики. Одна из идей данной книги заключается в том, что дело обстоит гораздо сложнее. В некоторых случаях, когда правительства создавали экстерналии, нет ничего уникального или необычного. Правительства могут создавать экстерналии. Они, безусловно, могут создавать одну экстерналию, пытаясь избавиться от другой. Как специалист в теории общественного выбора, я в полной мере знаком с приведенными здесь аргументами и не отрицаю, что нам нужно правительство для того, чтобы избегать экстерналий или по крайней мере уменьшать их, — но оно делает другие вещи.

Экстерналии чрезвычайно разнообразны. Напомню, что в ряде случаев они производятся действиями отдельных лиц или небольших групп, в других — деятельностью правительств. Далее, при определенных обстоятельствах правительство, уменьшая своей деятельностью данную экстерналию, может создавать еще одну, возможно, более сильную. Вернемся к Коузу (Coase 1960; Коуз 2007) и Пигу (Pigou 1929; Пигу 1985). Последний указывал, что согласно техническому устройству своего времени паровоз создавал искры, которые могли стать причиной возгорания пшеничных полей вдоль железнодорожных путей. Пигу полагал, что для того, чтобы минимизировать эту «экстерналию», нужны были действия правительства. Коуз, который не был большим поклонником Пигу, отметил, что на самом деле данная конкретная проблема была вызвана действиями правительства. В соответствии с нормами общего права, тот, кто создает искры, несет ответственность за любой ущерб, который

они могут причинить. В целях поощрения строительства железных дорог парламент изменил это правило и переложил издержки на тех, кому был причинен ущерб пожаром, вызванный искрами от локомотива. Это, конечно, не устранило экстерналию. На кого бы закон ни возлагал ответственность за возмещение ущерба, экстерналия по-прежнему сохранялась, так как огонь в любом случае причинит ущерб.

Опасность возникновения пожара может быть уменьшена путем оснащения тепловоза искрогасителем, а также если фермер оставит площадь вдоль железнодорожных путей незасаженной или засеет ее культурами, которые не горят. Предположительно, то или другое было наиболее экономичным способом снижения пожароопасности. Коуз утверждал, что независимо от того, что предусмотрено законом, решением был бы наиболее экономичный из них. Если фермер несет ущерб и для него было бы дешевле поставить искрогаситель на локомотивы, то фермер заплатит железнодорожной компании за их установку. Если дешевле оставить полосы земли вдоль железнодорожной линии незасаженными или засеять их культурами, которые не горят, то это будет сделано либо фермером (в том случае, когда он несет прямую ответственность за возмещение причиненного ему ущерба), либо железнодорожной компанией, которая заплатит фермеру, чтобы тот оставлял землю невозделанной (в том случае, когда ответственность за возмещение ущерба лежит на компании).

Но даже на таком простом примере Коуза можно обвинить в излишнем упрощении. Если железнодорожной компании нужно заплатить фермеру, чтобы тот не засеивал возгораемые культуры вдоль путей, то это повлечет за собой по меньшей мере

издержки на проведение переговоров. Следует также отметить, что здесь появляется и поиск ренты*. Каким бы ни было правило, несомненно, что это — результат политического маневрирования, предполагающего использование ресурсов. Значит, бесплатного решения нет, когда действия одного лица — физического или юридического — влияют на действия другого. Поскольку такие эффекты в реальности повсеместны, то действительно безупречное решение — в том смысле, что оно не создает из-

* Впервые поиск ренты был систематически рассмотрен в работе Таллока (Tullock 1967; Таллок 2004). Сам термин «поиск ренты» был впервые использован для описания рассматриваемой деятельности в работе Крюгер (Krueger 1974). Я в своей работе описал сообщество из ста фермеров, в котором доступ к главному шоссе осуществляется через небольшие дороги, каждая из которых обслуживает лишь четырех-пяти фермеров. Проблема заключалась в том, должно ли все сообщество из ста человек было финансировать ремонт всех дорог из налоговых поступлений сообщества. Очевидно, можно представить уровень ремонта и налогов для отдельных фермеров, при котором такое предложение было бы принято единодушно. Но при действии правила большинства некоторым выгоднее поддержать предложение восстановить только половину дорог из налога, выплачиваемого всем населением. Таким образом, можно представить формирование коалиции из пятидесяти одного фермера и предложение, чтобы за счет налоговых поступлений сообщества были восстановлены только те дороги, которые обслуживают их. Такое предложение будет принято большинством голосов и, очевидно, повлечет за собой перераспределение: от сорока девяти фермеров, которые платят налоги и не получают дорожного ремонта, — к пятидесяти одному фермеру, чьи налоги покрывают только немногим более половины стоимости ремонта дороги.

держек, — маловероятно. Единственное, на что можно рассчитывать, — это низкие издержки, но не их полное отсутствие.

Однако существует еще одна, более важная проблема. Предположим, что железнодорожная компания готова заплатить фермерам за выращивание культур, которые не горят. В этом случае необходимо оформить сделку с каждым фермером. Фермер, который настоял на большей, чем у других, оплате, получит прибыль. Вполне возможно, что, если железнодорожная компания платит большинству фермеров по 10 долларов, а кто-то требует 50, общая сумма все равно будет достаточно низкой, чтобы железнодорожная компания была готова платить. Но это предполагает, что другие фермеры не пытаются получить 50 долларов. Если один фермер хочет получить 50 долларов, то сделка может не состояться, потому что другие захотят того же. Дальше мы, вероятно, будем ждать результата.

С другой стороны, предположим, что фермеры решили оплатить установку искрогасителя железнодорожной компанией. Здесь возникает та же проблема. Несмотря на то что выплаты для фермеров настолько велики, что каждому было бы выгодно заплатить одинаковую сумму или если бы сумма зависела от расстояния от железной дороги, отдельные фермеры могли бы заработать, отказавшись платить, и надеяться, что другие обеспечат установку искроуловителя. Простое решение этой задачи Коузом предполагает, что издержки ведения переговоров отсутствуют и не существует проблемы уклонения от оплаты. Что кажется маловероятным.

С давних пор, в «простых» правительствах в Месопотамии, индивидуальные сделки были обычным

явлением. Фермер Джонс, например, хотел бы получить немного пшеницы, и у него имеется больше коров, чем ему нужно. Фермер Смит, напротив, хотел бы получить еще одну корову и готов для этого продать пшеницу. После некоторых переговоров они достигли предварительного соглашения по пять мешков пшеницы за корову. Но есть еще один фигурант: фермер Браун тоже хотел бы получить корову; и, если бы Смит не сделал свое предложение, Джонс продал бы ее Брауну за четыре мешка. Таким образом, мы можем сказать, что сделка между Смитом и Джонсом наносит ущерб Брауну. Мы не называем это экстерналией. Но почему?

Объяснение простое и, вероятно, было открыто много столетий назад. Считается, что если каждый человек заключает лучшую для него сделку, то чистый результат эффективен. Смит нуждается в корове больше Брауна, и для общества будет лучше, если он ее получит. Здесь слово «экстерналия» не используется, хотя очевидно, что есть еще третье лицо, — тот, кому сделка причинила ущерб. Полагаю, что все мои читатели согласятся с тем, что корова должна отойти Смигу.

Если мы и не говорим, что Смит создал для Брауна экстерналию, то лишь потому, что достигнутый результат эффективен. То, что частные сделки обычно приводят к эффективности, было обнаружено давным-давно. Но это относится только к совершенной переговорной ситуации. В случае с железной дорогой и фермерами переговоры могут не привести к эффективному решению.

Вернемся к Коузу и рассмотрим один из его забавнейших примеров. Хотя пример выглядит так, как будто был составлен для развлечения или в назидательных целях, на самом деле это настоящий англий-

ский случай. Жил один врач, который владел домом и двором по соседству с фабрикой, где использовались шумные машины. Вначале шум не причинял врачу особенного беспокойства, но со временем он решил построить у себя на заднем дворе смотровой кабинет, и шум не давал ему возможности должным образом диагностировать пациентов. Он предъявил иск с требованием, чтобы фабрику обязали работать тише. Это было бы дорого, хотя, вероятно, не невозможно, поэтому фабрика наняла юриста и попыталась опровергнуть иск.

Это непростая проблема. Фабричный шум не вызывал больших неприятностей, пока врач не построил у себя на заднем дворе смотровой кабинет. Статус-кво изменил именно врач, а не фабрика. По сути, врач говорил, что имел подразумеваемое право на тишину, даже если, пока он не построил смотровой кабинет, это было для него не столь важно. Мы можем считать, что тот, кто меняет свое поведение, как раз и является тем, кто в действительности и создает экстерналию. Существует теория, называемая «coming to the nuisance», согласно которой ответственность ложится на того человека, который меняет свое поведение, и этот случай совершенно очевиден. Однако суд придерживался иного мнения и сделал ответственной фабрику. Я счастлив, что не я должен был выносить решение по этому делу, потому что оно кажется мне очень трудным. Возможно, создание громкого нежелательного шума, когда нет никого, кто бы его слышал, — это в известном смысле незначительное злоупотребление привилегированным правом, а прочие люди обладают свободой действий и, следовательно, могут испытывать неудобства и заставлять человека, который не менял своего поведения, изменить его.

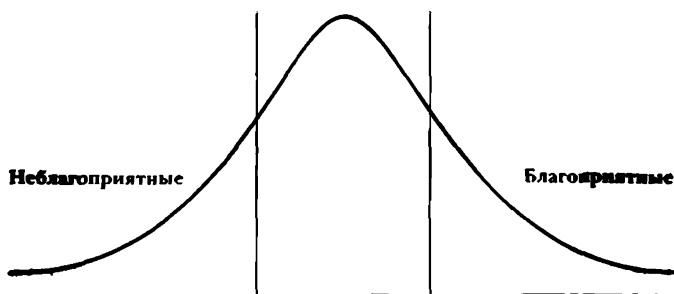
Сомнительно, что эти две стороны — единственные люди, вовлеченные в создание экстерналий. Можно было бы поспорить, что система прав собственности устроена неверно и что каждая часть собственности имеет особую в своих правовых границах, где смежная собственность имеет свои права. Например, в большинстве городов и в общем праве Великобритании есть правила о больших зданиях, которые заслоняют собой солнечный свет для соседней собственности. В сущности, чем здание выше, тем права собственности более ограничены. В вышеупомянутом случае с шумной фабрикой можно было бы утверждать, что истинная экстерналия, задействованная здесь, была создана теми, кто первоначально составляли земельные законы, не предусматривая этих мер охраны прав. В целом, но за многими специфическими исключениями, вы не можете предъявить иск правительству, хотя, возможно, в этом состоит несовершенство нашего закона. Действительно, можно было бы утверждать, что даже наш основной конституционный порядок создает экстерналии для людей, чьи права собственности на недвижимость не могут защитить их от других видов экстерналий. Можно рассматривать несовершенство норм права, регулирующих правоотношения в области недвижимого имущества, которые делают возможной экстерналию, как экстерналию, созданную людьми, написавшими закон.

Но мы должны где-нибудь подвести черту. В некотором смысле те господа, которые встретились в Филадельфии, создали экстерналии, когда составляли американскую конституцию таким образом, что правовая система, возникающая из этого, разрешит законы, которые ограничивали защиту прав собственности. С другой стороны, если бы защита была неограничен-

ной, то об этом так же можно было бы говорить, как и о создании экстерналий на сотни лет вперед. Повторим, что экстерналии бывают как положительными, так и отрицательными. Я бы привел в качестве доводов, что Филадельфийский конвент создал положительные и отрицательные внешние эффекты для людей, которые не только не присутствовали там, но еще даже не родились и могли двести лет спустя жить на землях, которые не входили в юрисдикцию тогдашнего конвента. Невозможно учесть все эффекты, положительные или отрицательные, теперь или в будущем.

Если упорядочить потенциальные экстерналии от самых важных, воздействующих на данного человека или участок земли, до самых незначительных, то получится график нормального распределения. Для примера мы можем поместить положительные экстерналии справа, а отрицательные — слева, как показано на рис. 2.1. Конечно, было бы разумно не учитывать самые незначительные или отдаленные экстерналии, которые мы создаем, но не существует способа, который не был бы произвольным и при этом позволял решить, насколько отдаленные последствия нам следует учитывать. С очевидностью можно сказать, что потомки Мэдисона защищены от исков людей, которые утверждают, что Конституция причинила им ущерб. Возможно, если бы обнищавшие потомки создателей Конституции утверждали, что мы извлекли выгоду из положительных экстерналий, исходивших из действий их предков, то им можно было бы посочувствовать. Но все, что мы сделали бы, чтобы помочь им, было бы при этом актом сочувствия, а не правовой обязанностью.

Экономисты, как правило, любят диаграммы, поэтому я привожу график нормального распределе-

**РИСУНОК 2.1. Нормальное
распределение выгод и потерь**

ния экстерналий, который воздействует на некоего человека или группу людей неким набором действий. Благоприятные экстерналии размещены справа, неблагоприятные — слева. Мною проведены две произвольные вертикальные линии, призванные показать точку, в которой прекращаются правовые обязательства и где нельзя вести речь о возмещении ущерба или компенсации.

То, что следует иметь в виду некий подобный исход, когда мы принимаем решения по этому вопросу, — понятно. Мы живем в мире, в котором в большой степени зависим от других людей, — и не только от тех, с кем у нас есть точки соприкосновения, но и от тех, с кем у нас нет никакого прямого контакта.

Мы можем думать о мире, как состоящем из физических тел, и одни из них являются людьми, а другие — неодушевленными предметами. Некоторые из этих людей или предметов оказывают на нас воздействие — прямое или косвенное. Во многих случаях мы расцениваем их как весьма благоприятные.

В других случаях мы считаем, что лучше бы их вообще не было, и, конечно, огромное большинство не оказывает на нас никакого значительного воздействия вообще. Правовая система, если принимать во внимание экстерналии, должна классифицировать их все, чтобы мы могли предотвратить или ограничить отрицательные экстерналии, которые на графике находятся слева от одной вертикальной линии, и получить положительные экстерналии, которые располагаются справа от другой вертикальной линии. Я предполагаю, что никто из моих читателей не будет на самом деле ожидать, что наши правовые учреждения или, как в этом случае, неофициальные сдержки сделают это безупречно.

Но почему мы обращаемся к правительству для решения проблемы экстерналий? Объяснение простое. Правительство — уполномоченный орган применения силы. У него есть полиция и армия, созданная для силового воздействия на людей, которые отказываются выполнять действия, направленные на устранение экстерналий. Это пережиток, унаследованный из более древнего общества, упомянутого ранее в этом исследовании о происхождении государства и вероятности того, что поначалу оно представляло собой, по выражению Олсона, «оседлого бандита». Эти силовые структуры все еще обладают такими полномочиями, и каждый, кто платит подоходный налог, способен почувствовать, что они пользуются ими сверх меры. Но наше общество действительно нуждается и в полиции, и в вооруженных силах. В тех частях Вашингтона, округ Колумбия, где полиция не может осуществить полный контроль, есть другие организации, обеспечивающие функции насилия, а это куда хуже, чем полиция. Конечно, мы надеемся, что однажды полиция подавит этих других поставщиков насилия.

Предполагается, что полиция и армия используют силу и угрозу силы в благих целях, чего нельзя сказать о бандах.

Но почему «оседлый бандит» принуждает к соблюдению этих контрактов, вместо того чтобы просто захватить и пшеницу, и корову? Ответ прост: потому что у него имеется мотив максимизировать совокупное богатство подчиненных ему людей. Ему хочется, чтобы они чувствовали, что могут обладать вещами, которые они производят, и что эффективная работа (не суть важно — фермерство или заключение сделок) ведет к их еще большей материальной обеспеченности. Подобно современным преступным группировкам, которые контролируют выделенный им квартал, он имеет все основания желать, чтобы подвластные ему объекты и структуры были производительными, и он помнит библейское писание: «Не заграждай рта у вола молотящего» (1 Тим. 5: 18). Насколько мы можем судить, большинство государств живут в состоянии мира, а выгоды широко распространены. Значительная часть наших законов восходит к Законам Хаммурапи. У царя и его подданных имелись веские мотивы поддерживать мирную систему, при которой бы крестьянин получал вознаграждение за свой труд, а условия сделки выполнялись. То же самое можно сказать и о нашем нынешнем обществе.

3. *Еще о том, зачем нужно правительство*

До сих пор мы говорили об экстерналиях и было представлено общее положение, которое предусматривает деятельность правительства с фактической или подразумеваемой угрозой силы, но без указания действительной причины того, почему угроза силы необходима. На деле, конечно, незначительные экстерналии часто упраздняются неформально, вообще без вмешательства со стороны правительства. Термиты, о которых я говорил ранее, не имели никакого отношения к деятельности правительства, но в мире есть места, где проблема решается правовыми актами, заставляющими людей следить за термитами. Законы против насекомых-вредителей, предусматривающие обязанность землевладельцев оберегать свои земли от некоторых их особых разновидностей, хорошо известны. Такие меры чаще используются в отношении переносчиков болезней, чем термитов. Тем не менее подобное использование правительства не является чем-то из ряда вон выходящим.

Но если иногда мы действительно используем правительственное управление, то встает вопрос — почему? Дело не только в том, что правительственное управление используется для решения важных вопросов, а неофициальный контроль — для незначительных, ведь некоторые области, где применяет-

ся правительственный контроль, не очень важны. В большинстве американских городов, если пройти в ту их часть, где расположены частные дома, можно увидеть линию застройки. Таково правило, что все здания должны находиться на определенном расстоянии от задней границы улицы. Конечно, это вопрос не первостепенной важности, хотя очевидно, что большинство домовладельцев одобрит это решение. Использование кирпичей одного цвета, как в моем кондоминиуме в Тусоне, поддерживается всеми домовладельцами, но это — частная договоренность, а не правительственное решение.

Чтобы объяснить, почему мы иногда нуждаемся в силе, обеспечиваемой правительством, рассмотрим один инцидент, который произошел или, вернее, не произошел в районе Арлингтона, неподалеку от того места, где живу я. Тогда велось строительство станции «Кларендон» вашингтонского метро. В это время там располагалась очень маленькая группа магазинов, но в основном это был жилой район с множеством небольших домов на одну семью. Некоторым гражданам пришло в голову, что если бы все эти здания были объединены в один большой участок, то можно было бы построить торговый центр, в результате чего домовладельцы могли бы получить гораздо более высокую цену, чем ту, что они выручили бы от продажи домов по отдельности.

Читатель, несомненно, заметил, что обычно торговые центры располагаются довольно неудобно — в городских предместьях, а не в центре, где легче с транспортом. Причина проста. Если земля уже разбита на небольшие участки, то повторное их объединение обойдется дорого. Мы имеем дело с проблемой требования более высокой цены. Если объединить зем-

лю в один крупный массив, то стоимость участка под каждым из этих домов будет гораздо больше, чем когда земля разделена на небольшие участки. Таким образом, объединение участков земли — очень выгодное занятие, этим как раз и занимаются некоторые компании по работе с недвижимостью. Но обычно, как в ситуации в Кларендоне, если есть много мелких собственников, то такое объединение невозможно без применения или угрозы силы. Основная проблема в том, что люди, которые требуют для себя лучших условий, препятствуют единогласному соглашению, необходимому для получения общей прибыли.

То, что произошло в Кларендоне, думаю, не удивит никого. Было учреждено общество для сбора всех документов на право собственности и продажи их единым блоком. Многим отдельным собственникам тогда пришло в голову, что они смогут получить больше, если станут затягивать с решением. И это действительно было бы так, но только в том случае, если бы остальные собственники оставались в коллективной организации. Искушение оказалось слишком велико, и объединение собственников развалилось. Земли в этом районе до сих пор не объединены, хотя на отдельных его участках уже построено несколько крупных зданий.

Не так давно, в связи с реформами, которые продвигались главным образом левыми, правительство заинтересовалось такими местами. Это приобрело название «реконструкции городов» и привело к получению весьма значительных прибылей теми людьми, чьи дома или фирмы находились в реконструируемой области.

Ощущение, что правительство существует для выполнения согласованных действий, является упроще-

нием. Если бы имелось общее согласие, то не было бы необходимости ни в каком правительстве. Причина, по которой существует правительство, кроется в том, что иногда (часто) согласие оказывается неполным. В случае с демократией, если большинство людей выражает свое согласие, но некоторые — нет, должен быть некий метод, заставляющий всех предпринимать необходимое действие или, в некоторых случаях, необходимое бездействие. При диктатуре дело обстоит проще, но мы, конечно, не можем принять диктаторский подход. Требуется, стало быть, организация, уполномоченная применять силу или угрозу силы, и эта организация — правительство. Это куда менее привлекательная причина существования правительства, чем желание выполнять единогласные решения. Дело в том, что решения редко бывают единогласными. Обычно демократические лозунги призывают выполнять волю большинства. В своей первой статье в этой области я указывал, что голосование простым большинством голосов с высокой степенью вероятности может вести к чрезмерным вложениям в государственную деятельность или предприятия. Как уже, возможно, известно читателям, я высказал идею, что правительство должно пользоваться поддержкой не просто большинства, а двух третей или трех четвертей избирателей (Tullock 1969), но я стремился не столько оправдать применение силы, сколько показать, что этот значительный перевес голосов ведет к более эффективному правительству. Моя идея, первоначально изложенная в документе, зачитанном на собрании Южной экономической ассоциации, была достаточно радикальной — настолько, что у меня были большие трудности с публикацией. В конечном счете работа была издана

на итальянском языке, а слегка отредактированная версия включена в качестве важной части в работу «Расчет согласия: логические основания конституционной демократии» (Buchanan and Tullock 1965; Бьюкенен и Таллок 1997).

К этому вопросу мы вернемся позднее, но я далек от мысли, что моя идея была принята всеми исследователями в данной области. И когда я читаю работы, посвященные этому вопросу, я вижу убежденность в том, что простое большинство – верное решение. Многие думают, что это и есть определение демократии, хотя те же самые люди вообще-то скажут, что простого большинства голосов недостаточно для внесения поправок в конституцию, и поддержат принцип единогласия в случае с вынесением вердикта коллегией присяжных.

Моя рекомендация не возымела здесь большого практического эффекта. Но, возможно, ситуация меняется. Предложенная конституция для нового объединенного рынка в Европе требует, чтобы утверждение любого закона осуществлялось 55 % стран-членов. К тому же некоторые из участников представляют собой очень небольшие страны, поэтому требуется, чтобы в эти 55 % входили страны, население которых составляет 65 % от общей численности населения ЕС. Сомневаюсь, что моя рекомендация оказала хоть какое-то воздействие на разработчиков документа, но в любом случае искренне их поддерживаю*.

Но отложим на время этот вопрос и вернемся к более общему обсуждению правительства. Насколько мы можем судить, демократия всегда была весьма не-

* *Washington Post*, 1 August 2004, p. A6.

типичной формой правления. В настоящий момент приблизительно половина населения в мире живет при правительствах, которые можно назвать демократическими, но эта ситуация является исключительной, если обратиться к общей истории правительства. В Европе было по крайней мере три волны демократического правления. Греция и Рим начинались как демократии, хотя и были в итоге включены в Римскую империю, а в эпоху позднего Средневековья оказалось немало небольших городов, которыми управляли демократические правительства.

Здесь нам придется все же отклониться от темы, чтобы обсудить, что мы подразумеваем под понятием «демократия». Я обычно использую этот термин для обозначения страны, в которой функциональная часть правительства избирается достаточно большой группой людей. Таким образом, я вполне могу говорить об афинской или римской демократии, хотя в обоих случаях количество избирателей было намного меньше, чем общая численность населения. В Афинах рабы, женщины и метеки не имели права голоса. Более того, чтобы проголосовать, нужно было пойти на Пникс, что, вероятно, было невозможным для многих граждан. Римляне пережили немало гражданских войн за расширение избирательного права. И не все в Риме обладали правом голоса. Кроме того, представительное правление тогда было еще неизвестно, и, чтобы проголосовать, надо было явиться в Форум, что могло быть неудобно, если кто-то жил милях в ста от Рима.

В моем любимом правительстве — Венеции — существовал наследственный избирательный класс, который составлял приблизительно 5 % взрослых мужчин, физически являвшихся жителями Венеции. Так как

они управляли значительной по размерам империей, то этот класс представлял собой еще меньшее меньшинство. Иногда это называют «олигархией», хотя далеко не все избиратели были богатыми. Европейские империи, имевшие демократическое правление в метрополии, обычно не позволяли своим многочисленным подвластным народам голосовать за правительство метрополии. После Второй мировой войны левые, как в Англии, так и во Франции, решительно выступали за упразднение своих империй, но они никогда не предлагали, чтобы подданным большей части их империй разрешили выбирать членов палаты общин или Национальной ассамблеи в Париже. Известно, что жители метрополии были гораздо более обеспечены, чем жители колоний, — по вполне очевидной причине. Если бы Индия имела 80% представителей в палате общин, как того заслуживало ее население, то они, конечно, использовали бы это для более серьезного налогообложения членов лейбористской партии, живущих в Англии, чтобы направить полученные средства более бедным жителям Индии. Лейбористская партия ратовала за независимость Индии, а не за принцип большинства для всей империи.

Насколько мне известно, до XX века в мире не было стран, где каждый взрослый гражданин мог бы голосовать. Вашингтон и Линкольн работали в правительстве, в котором могла голосовать только малая часть совершеннолетних. До того как в 1911 году имперская Германия распространила активное избирательное право на женщин, почти везде голосование было исключительно мужским делом. И примечательно, что женщины добивались большего успеха при монархиях, чем при демократиях. Мы много знаем о королевах, но ничего о женщинах-президентах.

Соединенные Штаты предоставили женщинам право только в начале 1920-х годов, но чернокожее население Юга по-прежнему фактически было лишено права голоса*. Итак, только в 1960-х в США было разрешено голосовать всем совершеннолетним гражданам.

Таким образом, мое определение демократии как правительства, избранного большим числом людей, остается единственным определением, позволяющим говорить о продолжительной истории демократического правительства. Большинство людей при упоминании греческой и римской демократии и демократических городов-государств Средневековья используют мое определение, а не то, согласно которому демократия представляет собой «правительство, избранное путем голосования всех совершеннолетних». Последнее считается недавним экспериментом, которому нет еще и ста лет.

Используя свое более общее определение демократии, замечу, что на самом деле демократия просуществовала не так уж долго. В 400 году до н. э. Средиземноморье было окружено рядом городов-государств, которые были, согласно моему определению, демократиями. Сюда входили не только части Греции и Рима, но и Карфаген. Все они исчезли, многие из них — в результате римского завоевания. Сам Рим пал вследствие внутренних причин, и многие другие города-государства, похоже, также потерпели крушение из-за внутренних проблем.

Думается, что города-государства позднего Средневековья с демократическим управлением по большей

* Лишь немногие западные штаты разрешали женщинам голосовать на выборах властей штата до предоставления права голоса всем женщинам в Соединенных Штатах.

части оказались неспособны защитить себя от соседних деспотий. Швейцария и ряд других городов-государств выстояли, но их было меньшинство. Мы склонны считать нашу существующую демократию перманентным состоянием, и, может, так оно и есть. Но исторические прецеденты не очень ободряющи.

Повторюсь, если мы считаем демократией правительство очевидного большинства, состоящего из всех совершеннолетних жителей страны, которые потрудились проголосовать, тогда это исключительно феномен XX века. Ограниченное право голоса, когда, в частности, к голосованию допускались лишь мужчины и зачастую лишь некоторые из них, является особенностью демократий до наступления XX столетия. Если читателю не нравится называть демократией нечто вроде Венеции, полагаю, что он позволит мне пользоваться языком немного иначе. По всей видимости, не существует никакого другого термина для обозначения столь обширной категории правительств. Так как в количественном отношении монархий того или иного рода было значительно больше, чем демократий, было бы неблагоразумно ограничить использование данного термина какой-то частью этой группы и, в особенности, игнорировать весь исторический опыт, сводя его к демократическим привилегиям полного права голоса. В противном случае нам придется игнорировать не только Грецию, Рим и средневековые города-государства, но и создателей нашей Конституции и, безусловно, всю историю Соединенных Штатов вплоть до 1960-х и Великобритании до 1928 года, когда избирательные права были предоставлены самой последней малочисленной группе женщин.

Промежуточные определения, конечно, возможны. Во время дебатов один восторженный, но консерва-

тивный защитник демократии предложил считать демократическими те государства, в которых правом голоса обладает по крайней мере 45 % совершеннолетних. Такое определение оказалось бы неприменимо к Соединенным Штатам до момента, когда женщинам было разрешено голосовать, поскольку чернокожее население составляло больше 10 % совершеннолетних, хотя если сказать, что правом голоса обладало «довольно много» граждан, то Соединенные Штаты можно признать демократическими. Но не будем ссориться из-за определений. Большинство современных демократий позволяет голосовать почти всем совершеннолетним. Некоторые, подобно Австралии, делают голосование обязательным. Таким образом, проблема определения касалась истории, а не современного мира.

Альтернативой является деспотизм. На протяжении многих веков деспотизм был обычной формой правительства, и даже сегодня деспотические правительства существуют примерно в половине государств. Если деспот мудр, он, вероятно, будет стремиться советоваться с другими членами группы, которой он управляет. Макиавелли говорил, что государь всегда должен советоваться, но отвергать советы непрошенные. Несомненно, что для человека, желающего удержать власть, это было хорошим советом. По-видимому, когда «государи» начали понимать необходимость принимать советы людей, которых они сами не избирали себе в качестве советников, деспотизм стал замещаться правительствами с более широкой базой. Но с исторической точки зрения демократия с ограниченным избирательным правом была относительно нетипичным явлением, и, как я говорил, Афины и Рим представляют собой исключительно редкий фе-

номен. Так как и Афины, и Рим потерпели крах, то не очевидно, что этот ранний этап развития демократии представлял собой какое-то усовершенствование по сравнению с предыдущими формами правления. С другой стороны, надо отметить, что многие монархии также потерпели неудачу не потому, что были замещены демократическими государствами, а потому, что один монарх был заменен другим. К тому же крупные демократии начали появляться в современном мире около двухсот лет назад*. Газеты существуют примерно столько же, и они могут быть важны для демократии. Просуществует ли демократия дольше, чем в Риме, — вопрос, конечно, открытый. На смену процветающим демократиям в прошлом пришли другие формы правления, и наша демократия может подвергнуться той же участи.

Если обратиться к другой половине мира, недемократической, то там в основном правит деспотизм того или иного рода. Существует много различных видов деспотизма: от правительства древнего имперского Китая с массой чиновников, прошедших тщательный отбор, до феодализма, где чиновники наследовали свои рабочие места и формировали королевскую армию. Я не собираюсь подробно рассматривать эту безграничную вселенную различных правительств, так как данная книга посвящена демократиям.

Однако, на мой взгляд, будет небезынтересно хотя бы немного взглянуть на те доводы, которые использовали сознательные монархисты для обоснования монархического правления, особенно во Франции. Они указывали, что правитель, если его власть

* За исключением Швейцарии и Исландии.

была абсолютной, не имел никакого конфликта интересов со своей страной. До некоторой степени он находился в той же ситуации, что и молодой человек, унаследовавший крупную корпорацию при капитализме. Его целью была бы максимизация стоимости этой корпорации или королевства, но в обоих случаях он мог потратить слишком много денег на себя самого. Также обстоятельства генетического наследования, вероятно, означали бы, что наследник, или королевства, или компании, скорее всего, окажутся не такими умными, чем основатель. Таким образом, королевство могло постепенно ослабеть или даже оказаться на грани катастрофы. Исторически монархии редко заменялись другой формой правления, но династии сменяли одна другую довольно регулярно. Монарху следовало волноваться о своем троюродном брате, а не об уличных беспорядках или интеллектуалах, поддерживающих демократию. Война Алой и Белой розы в Англии — пример того, что должно беспокоить правителя монархического государства. И, конечно же, борьба династий влечет за собой крушение монополии на применение силы, которая жизненно важна для правительств. Это верно независимо от того, как именно осуществляется управление этой конкретной монополией. Обычно, размышляя о поиске ренты, мы имеем в виду демократические группы особых интересов, деньги, используемые для оказания политического влияния, и т.д. Но если задуматься, то те же вещи происходят при дворах деспотов. Чтение весьма обширной литературы о французской монархии убедит читателя, что наша индустрия поиска ренты не уникальна. Она есть и у деспотизма.

Но нет смысла и дальше рассуждать о том, что монархии не только распространены исторически,

но и часто предлагают довольно хорошие правительства. Я считаю, что большинство людей, рассматривающих различные виды правительства, полагают, что демократия предпочтительнее, одновременно ощущая, что некоторые страны вполне преуспевали и при монархическом управлении. Гиббон (Gibbon 1932; Гиббон 2004), например, думал, что самым счастливым периодом в истории человечества было время правления четырех сменявших друг друга римских императоров. По моему мнению, нам следует запастись более вескими доводами для выбора между возможными формами правления, нежели те, что у нас уже имеются, но это не относится напрямую к данному исследованию. Все, что мы сейчас усвоили, — это то, что для уменьшения экстерналий нужна организация, способная применить силу в случае невозможности прийти к взаимному соглашению. Это одна из важнейших причин желательности правительств. Создание общественных работ, которые иногда неверно называют «общественными благами», и использование правительственных вооруженных сил и полиции для защиты от таких же сил других суверенов или агрессии против других суверенов (деспотических или демократических) составляют основную деятельность правительства. Что-то из этого мы, несомненно, одобрим, что-то — нет, но с точки зрения замысла данной конкретной главы это по большому счету не имеет значения. Правительства делают эти вещи, и одни граждане от этого выигрывают, а другие — проигрывают.

Вопрос, почему мы обращаемся к правительству при рассмотрении экстерналий, поднимается крайне редко. Всегда можно просто заплатить людям, чтобы они прекратили делать то, что вас раздражает, или начали делать то, что, как вы считаете, вам

понравится. Дело тут в том, что сама по себе оплата будет экстерналией. Впрочем, правительство может вместо исполнения своих «обязанностей» по уменьшению экстерналий сделать наоборот — создать экстерналию. Вернемся к моей игре на трубе. Когда мне мешают играть на трубе в три часа ночи, это причиняет мне неудобство и, следовательно, может быть названо экстерналией. Большинство из нас согласится с тем, что конечным результатом будет уменьшение экстерналий, даже если издержки понесу я сам. У нас, очевидно, есть некое представление о том, что считается «нормальным» положением вещей, и мы рассматриваем установление такого «нормального» положения вещей как более желательное действие, чем создание экстерналий. В некотором смысле у нас нет права отступать от «нормального» положения вещей. Но это не решает проблему, а лишь описывает ее другими словами.

Знатоки истории вспомнят, что одной из причин недовольства Старым порядком (*ancien régime*) во Франции, называемой людьми, которые выступали за республику, было то, что при Старом порядке некоторые, по крайней мере дворянство, имели право заставлять своих крестьян не спать всю ночь и не допускать, чтобы кваканье лягушек нарушило сон их хозяев. Сомневаюсь, что кто-либо и самом деле пользовался этой привилегией, но недовольство этим использовалось в качестве пропаганды революции. Где здесь экстерналия? Это неиспользованное и нелепое требование или использование самого факта наличия такой привилегии для свержения правительства?

Читатель, без сомнения, поймет, что это несерьезный вопрос. Я согласен. Я поднял его потому, что у нас нет способа отличить экстерналии от других вещей,

которые либо наносят нам ущерб, либо приносят пользу. Когда я проходил службу в пехоте, мне часто не нравились вещи, которые касались меня и других призывников. Двадцатимильный марш-бросок с полной выкладкой, оружием и боеприпасами – это то, чего бы я никогда не сделал добровольно. Было ли это экстерналией? Думаю, что стандартный ответ на этот вопрос – «нет», но обосновать это проблематично. Утверждать, что это не было экстерналией, потому что я являлся гражданином Соединенных Штатов, представляется затруднительным.

Рассмотрим теперь общественные блага. Это особый вид экстерналий, в которых щедро рассеяна выгода. Эта тема была затронута еще Адамом Смитом, отмечавшим, что возведение мостов выходило за рамки финансовых возможностей отдельных лиц или компаний и, следовательно, они должны были строиться правительством (Smith 1902; Смит 2007). И хотя мы сегодня привыкли к тому, что мосты возводятся правительствами, мы знаем, что частные компании могут и иногда действительно производят такие общественные работы. Платные мосты, платные дороги и даже Суэцкий канал были построены частным образом. Тем не менее есть некоторые вещи, которые сложно отдать на откуп рынку. Это те случаи, в которых было бы нелегко скоординировать действия большого количества совершенно не связанных между собой предприятий. В целом вывод, к которому я здесь пришел, заключается в том, что у нас нет настоящего определения экстерналии. Мы с легкостью можем составить перечень вещей, которые делает правительство и которые иногда обосновываются как уменьшение экстерналий. Проблема подобных перечней в том, что, хотя мы можем достичь согласия отно-

сительно того, каким было действие правительства, нам не удастся договориться касательно его желательности в каждом отдельном случае.

До недавнего времени во многих учебниках по экономике говорилось, что, поскольку множество самых различных людей использовали такие средства, как, скажем, мост, то при возведении моста невозможно опираться на них. Гарольд Демсец (Demsetz 1967), очевидно, после прочтения Адама Смита, отмечал, что если множество различных лиц используют данное средство, то за его применение можно ввести плату, но за некоторые другие стандартные виды деятельности правительства, такие как военные операции, едва ли можно платить подобным образом. Итак, правительственное учреждение, имеющее право взимать налоги, необходимо. Однако говорить в этом случае об общественных благах кажется неправомерным. И все же говорить так принято, и я не стану отказываться здесь от такого словоупотребления. Особый случай, когда встречается более одного средства, представлял бы особую сложность. Для нас нежелательно, чтобы сразу несколько частных компаний рыли траншеи у нас на улицах, строя конкурирующие коллекторы. Они могут и нередко действительно создаются частными компаниями, но у каждой такой компании есть монопольное право на то, чтобы рыть данную улицу. Нет никаких оснований полагать, что разрешенная правительством монополия в этой области — необязательная система, ведь сложно представить иные альтернативы, помимо прямого правительственного обеспечения.

Повторюсь, правительственная деятельность сама по себе может быть экстерналией, а единственным обоснованием задействия в этих случаях именно

правительства, а не торго является удобство. Уверен, что у читателя, как и у меня самого, имеется перечень таких явлений, по отношению к которым ему бы хотелось, чтобы правительство приняло меры для устранения экстерналий. Если он задумывался над вопросом, то мог бы также составить свой перечень вещей, которые делает правительство, которые затрагивают его и которые ему не нравятся. Насколько я понимаю, фактическое распределение деятельности правительства в этой области — в значительной степени вопрос обычаев и удобства, нежели более тщательно обоснованное действие. Только правительство может использовать или угрожать применить силу в этих областях. Но в каких именно областях? Я заканчиваю эту главу, признаваясь в своем невежестве. Если читатели смогут прояснить эту проблему, я буду им очень признателен.

4. Бедные

Давно, когда я только начал работать в университете, Фонд Эрхарта проводил конференции, на которых ведущие ученые в области, как это тогда называлось, «консервативной» экономики или политологии читали лекции более молодым людям, таким как я. В те далекие времена нас, «консерваторов», было очень и очень мало. В университетах безраздельно господствовали те, кого в Соединенных Штатах и тогда, и теперь принято называть «либералами». Эти конференции выполняли две задачи: существенным образом улучшали интеллектуальное содержание консервативного движения (в особенности для молодых ученых) и, кроме того, давали четкое представление о том, что мы не были совсем одиноки в академическом сообществе в целом, даже если и были в значительной степени ограничены компанией более старших ученых в своих непосредственных университетах.

На первой такой конференции, которую я посетил, выступало трое докладчиков, одним из них был Милтон Фридман. Среди множества вещей, о которых он говорил, было также благотворительное распределение, и в частности роль правительства. Подобное не пользовалось большой популярностью в среде ученых-«консерваторов», посещавших конференции.

Им вообще не нравилось перераспределение доходов, и так сложилось, что Соединенные Штаты в те времена были довольно процветающим государством, поэтому бедные на тот момент не являли собой большой проблемы. Тем не менее его аргументация, которая, насколько мне известно, прежде нигде не озвучивалась, заключалась в том, что бедные создавали экстерналию, делая несчастными небедных. Если я правильно припоминаю, он спросил нас, доставило бы нам радость видеть перед своим домом умирающего голодной смертью.

Вопрос вызвал затруднения у этих ученых-противников «Нового курса» и немалое недовольство среди слушателей. Некоторые из них фактически сказали, что не станут ничего предпринимать и позволят человеку голодать. Уверен, что они бы так не поступили на самом деле, но мы, несомненно, были в сильном замешательстве от такого вопроса. В моем случае я согласился с тем, что делать что-то нужно, но совершенно непонятно что. Мой итоговый вывод — а он важен для этой книги — заключается в том, что бедность и страдание действительно создают экстерналию и, следовательно, требуют определенных действий со стороны правительства. Какими должны быть эти действия, рассматривается в этой главе.

Среди ученых я был, вероятно, единственным, кто счел этот аргумент Фридмана наиболее убедительным. В начале жизненного пути, будучи на дипломатической службе, я работал в Китае — во время и сразу же после гражданской войны, а потом в Корее — на конечном этапе корейской войны и тотчас по ее окончании. В обоих этих случаях я был свидетелем продолжительного страдания и уверяю вас, это причиняло мне боль. Безусловно, это была экстерналия. Тем не менее

я, как личность, мало что мог сделать с этим. Проблема в обеих ситуациях была настолько велика, что личный вклад в ее решение, каким бы значительным он ни был, не мог сколь-либо серьезно повлиять на нее. Я бы сказал так: со временем развиваешь в себе своего рода повседневное равнодушие к проблеме. Внимания бы привлекли лишь особые случаи, но не общая бедность, которую мы видим на улицах.

Приведу два характерных примера. Когда я приехал в Китай, старый режим уже умер, но его пережитки были видны повсюду. Профессиональные нищие, зачастую жестоко изувеченные, просили милостыню. В некоторых случаях их родители, такие же профессиональные нищие, искалечили их в детском возрасте, чтобы повысить вероятность того, что они будут привлекать к себе больше сочувствия и денег. Прижигая младенцу глаз горящим углем, тем самым ослепляя его навсегда, или отрезая ноги так, чтобы ребенок, повзрослев, должен был передвигаться с помощью рук, они не только наносили травмы ребенку, но и создавали тяжелую экстерналию для других, включая меня. Нам не следует забывать, что родители, сотворившие такое, фактически пытались принести ребенку пользу, давая ему актив, способный обеспечить ему доход в будущем. Это был пример крайней нищеты, в которой большая часть человеческого рода жила прежде приблизительно до начала XIX века и в которой большинство живет до сих пор, особенно в Африке. Конечно, были и другие, не специально изувеченные попрошайки, а также множество людей, которые не были попрошайками, а чрезвычайно тяжело работали ради убогой жизни.

В Корее со старым режимом было покончено в 1907 году, поэтому таких особенно мучительных кар-

тин, которые я видел в Китае, там не было. Ужасающая нищета была, тем не менее, явлением обычным, и это среди людей, у которых не так давно жизненный уровень хотя и был значительно ниже американского, но все же лучше, чем в Китае, — и намного. С точки зрения гражданина Америки, такая нищета была удручающей. Приведем только один пример: американское посольство располагалось в бывшем японском офисном здании. По соседству находился дом, но в ходе боевых действий он был сожжен дотла. Все, что осталось, — это кирпичный очаг с дымоходом. Этот дом с палисадником был единственным местом жительства компании мальчишек старшего школьного возраста или еще моложе. Точно не знаю, на что они жили, возможно подрабатывая случайными заработками, но они, конечно, не получали столько, чтобы позволить себе снять подходящее жилье. По ночам они теснились вокруг очага, стараясь по возможности залезть внутрь него, чтобы согреться. К счастью, в тот момент, когда я их видел, не было зимы и они не могли замерзнуть до смерти, но можно представить, сколько среди них было по крайней мере не очень здоровых. Ребята разводили небольшие костры в палисаднике, сжигая собранный хлам, и готовили на них, я полагаю, очень скверную пищу. Они действительно создавали для меня отрицательную экстерналию, но я чувствовал себя еще и несчастным оттого, что их простое присутствие вызывало во мне тягостные чувства. По сути, я испытывал двойную экстерналию, что звучит бессердечно. Но все же это верно описывает мои ощущения*. Надо сказать, что у большинства из нас, благопо-

* Если читатель захочет получить настоящее представление о подлинной сущности бедности на задворках мира,

лучных американцев, с течением времени постепенно развивается чувство досады и раздражения при виде таких бедных людей. Во всяком случае, сам я в этой ситуации чувствовал себя виноватым за испытываемое раздражение. Так что в известном смысле у меня была еще одна экстерналия, созданная для меня бедными. Оговорюсь, что я не считаю, что кто-то из вас будет мне сочувствовать, на самом деле я сам себе не сочувствую, и, как уже сказал, я ощущал вину за испытываемые мною чувства.

У меня не было возможности сколь-либо серьезно повлиять на ситуацию своей личной благотворительностью, а сделать какое-то пожертвование нищим определенно было опасно. О факте твоей щедрости пойдут слухи, и ты окажешься в ситуации, когда придется постоянно отбиваться от все новых попрошайек. Существовали, конечно, коллективные организации, в частности те, что связаны с христианской церковью, которые бы приняли твои деньги и потратили их на бедных. Помимо того, было много таких мест, где американские войска, которые также видели эту нищету и хотели помочь, вносили свой созидательный вклад. В частности, инженеры были оснащены и обучены, чтобы восстанавливать дороги, а многие другие регулярные подразделения оказались в состоянии заниматься несложными плотницкими работами. Во многих корейских школах, которые я видел, было

то ему можно порекомендовать книгу Уильяма Истерли «В поисках роста» (Easterly 2002; Истерли 2006). Большую часть этой книги составляет рассмотрение усилий, направленных на содействие росту, но автор часто приводит реальное описание ужасающей нищеты в самых бедных частях света.

много деревянных качелей, горок и другого оборудования для детских площадок, сооруженного войсками. К сожалению, дерево было не очень хорошего качества и со временем постройки разрушались. Тем не менее это продемонстрировало сострадательное отношение части солдат. Они также ощутили воздействие экстерналии.

Итак, Милтон Фридман был прав в этом, как и во многом другом. Открытая бедность производит экстерналию для небедных. Более того, даже когда бедность неочевидна, но мы знаем, что она есть, то мы ощущаем экстерналию и, вероятно, примем меры либо для ее устранения, либо для удаления ее из своего сознания одним из многочисленных способов. Я заметил, что мои более либеральные и добросердечные знакомые явно не желают говорить об ужасающей нищете, которую обнаруживаешь в таких местах, как Конго. Лично я считаю, что та мать в Сахеле, чей ребенок умирает от истощения, заслуживает гораздо большей помощи, чем чернокожий в одном из наших гетто, не обладающий удобствами среднего класса. Нужно сказать, однако, что профессиональные распределители помощи в нашем правительстве помогают скорее вторым, чем первым.

Исторически почти все правительства в том или ином виде занимались благотворительностью для бедных. В некоторых случаях в ней принимала участие религия или организованная церковь, но церковь, как правило, пользуется поддержкой правительства. Обычно объяснения этой помощи носят этический характер, однако сочувствие к бедным, особенно если они испытывают страдания, тоже не редкость. Боль, причиненная страданием бедных, является экстерналией, и я предполагаю, что религиозные санкции дол-

жны также называться экстерналиями. Если я верю, что в будущем попаду в ад (если не исполню свой религиозный долг и не проявлю милосердие), то совершенно очевидно, что я страдаю от экстерналии, созданной существованием бедных.

Хотя почти все правительства предпринимали шаги, чтобы оказать помощь бедным и страдающим, даже если такие шаги бывали очень значительными, нельзя сказать, что этот процесс обходится без потерь. Одной из причин работать является желание не умереть с голоду. При наличии определенного гарантированного дохода люди могут стать менее мотивированными к участию в производительной деятельности. Кроме того, налоговые затраты на обеспечение этой гарантии способны снизить для других людей стимулы к продолжению работы или по крайней мере к усердному труду. В известном смысле и бедность, и меры, принимаемые, чтобы помочь бедным, создают экстерналии, и проблема состоит в том, как уравновесить последние. Не могу сказать, что в ходе истории многие правительства весьма преуспевали в этих усилиях, и, как вскоре читатель обнаружит, у меня нет своего окончательного решения проблемы.

В целом благотворительность приводит к щедрости при общении с менее удачливыми, чем мы сами. Конечно, существуют ограничения. Только святые отдают столько, что сами претерпевают реальные лишения. И все же все мы в какой-то степени снижаем свой жизненный уровень, если измерять его прямым потреблением и не рассматривать получаемое нами удовлетворение от пожертвований людям или организациям, которых мы считаем заслуживающими поддержки. Есть целая индустрия, призванная заниматься сбором и расходованием средств на бла-

готворительность. Но отчасти это церковная деятельность, и большинство религий предлагают хоть какую-то компенсацию за полученные деньги. Освобождение от мучений в аду или определенная выгода в этом мире зачастую входят в «пакет продаж», предлагаемый этими религиозными учреждениями, когда они испрашивают средства на благотворительность.

Во многих случаях, однако, такие ответные обязательства перед простым дарителем отсутствуют. Но есть более сложные примеры. Полагаю, что читатель, как и я, получает множество отправленных по почте сообщений с просьбами о благотворительности на различные благие дела. Мне даже звонят по телефону. Допускаю, что читатель, как и я, обыкновенно не делает слишком щедрых пожертвований на нужды этих организаций, но время от времени все же откликается на их просьбы. В этом случае непонятно, является ли экстерналией страдание, от которого обещают избавить те, кто просит о благотворительности, или же неудобство, которое настойчивые просьбы о благотворительности доставляют получателю. По-видимому, учитывать надо и то и другое. Вполне возможно, что страдания конечного получателя, ставшие причиной появления подобных благотворительных организаций, создают дополнительную экстерналию.

До Великой депрессии проблемой бедных в Соединенных Штатах занимались окружные власти. Это означает, что благотворительные устремления побуждают даже небольшие демократии помогать бедным. В работе Либберготта (Liebergott 1976) собраны данные по совершенным выплатам, которые приведены в табл. 4.1. Существовавший механизм гарантировал доход каждому. Этот доход не был большим

ТАБЛИЦА 4.1. Помощь бедным

Год	% от заработной платы неквалифицированного рабочего
1850	22
1860	26
1870	24
1903	23
1929	31
1940	28
1950	29
1960	29
1970	29

и составлял приблизительно четверть заработной платы неквалифицированного работника. Конечно, это означает, что он был разным в различных округах, но позволял избегать тяжелых лишений. Когда началась Великая депрессия, программа перешла в ведение федерального правительства, и неизвестно, чего она принесла бедным больше — пользы или вреда. Насколько я знаю, до настоящего времени ни один статистик не предпринимал попытку расширения временных рядов Либерготта, и это могло бы стать прекрасной темой для докторской диссертации.

В дополнение к непосредственным усилиям, направленным на повышение уровня жизни бедных, мы занимаемся и другой деятельностью, которая должна приносить пользу другим людям, помимо наших ближайших родственников. Миссионерская деятельность — особый случай. Обычно понятие миссионер-

ской деятельности в нашем сознании связано с христианством, но в ней задействованы в большом количестве и другие религии. И мусульмане, и индуисты имеют в Соединенных Штатах миссии, чтобы обратить людей в свою веру. В обоих случаях они довольно малочисленны, и в обоих же случаях, как и христианские миссионеры в нехристианских землях, есть небольшие церкви для верующих, и миссионеры также имеют дело с ними. Несомненно, люди, которые делают пожертвования на миссионерскую деятельность, стараются принести пользу другим и, конечно, в каком-то смысле лишают себя чего-то для достижения этой цели. Таким образом, можно сказать, что мусульманин, совершающий паломничество в Мекку, создает экстерналию для христиан в Пеории. Непонятно, должна ли эта экстерналия измеряться суммой, которую христиане жертвуют своей церкви на миссионерскую деятельность, или же дополнительной отрицательной экстерналией от простого осознания того, что существуют иноверцы.

Есть и другие случаи, когда деятельность создает отрицательные экстерналии для тех, кто хочет принести пользу действующему лицу и думает, что то, что он делает, вредит ему. Очевидный случай — это законы о борьбе с наркоманией. Люди, которые одобряют эти законы, полагают, что наркомания наносит вред наркоману, и хотят принести ему пользу, излечив его от зависимости. В настоящее время большинство интеллектуалов выступают против ограничений на наркотики, в особенности марихуаны. Прежде чем продолжить обсуждение, я должен обозначить свою собственную позицию по этому вопросу. Когда в 1930-е годы я учился в Чикагском университете, то решил, что такие законы нужно отменить. Я никогда не при-

нимал и не принимаю никаких наркотиков, кроме алкоголя. Да и спиртные напитки я не пил, пока не стал работать в дипломатической службе, где это было требованием этикета. Умеренные дружеские попойки продолжались и после дипслужбы, а теперь я выпиваю по бокалу вина в день для поддержания работы сердца. Я никогда не курил.

Часто приходится слышать, что предотвратить потребление таких наркотиков, как опиум и его производные, невозможно. История показывает, что это возможно, так как в 1930-е годы потребление таких наркотиков в Великобритании и Соединенных Штатах было невелико. Тогда применялись иные, чем сейчас у нас, способы, и, видимо, переключиться на них сегодня очень непросто.

Начать с того, что в Великобритании человек, оказавшийся в зависимости от наркотиков, мог пойти к врачу и получить справку о наркозависимости, которая позволяла ему покупать наркотики в обычной аптеке. Стоили они дешевле и были лучшего качества, чем аналоги, которые провозились контрабандой. Было легко найти какого-нибудь врача, который с готовностью выдаст официальный рецепт, потому что наркоманы — это пациенты, на которых не нужно тратить много сил и которые хорошо платят. К сожалению, в Великобритании современная медицинская система, обеспечиваемая правительством, устроена иначе. Сегодня врач не выставляет своему пациенту счет за каждое обращение, а вносит его в список, по которому ему идет ежегодная оплата за каждого такого пациента. Таким образом, наркоманы с их частыми обращениями за рецептом теперь становятся невыгодными пациентами, а врачи прилагают усилия, чтобы излечить их от зависимости путем сокраще-

ния дозы. Это способствовало развитию незаконной наркоиндустрии, хотя по сравнению с Соединенными Штатами она развита гораздо меньше.

В 1930-е годы в США незаконной была не только продажа наркотиков, но и их употребление. В ведении федерального правительства было две тюрьмы, называемые больницами, где всех наркозависимых содержали под замком и лечили путем постепенного снижения дозы. Это трудоемкий и очень неприятный процесс. Когда человека излечивали и выпускали, он должен был прервать все свои старые связи и находиться под пристальным полицейским надзором. В результате такое лечение зачастую не прекращалось.

Оба этих способа неплохо работали, когда общее число наркоманов было невысоким. С миллионами наркоманов осуществить такое крайне непросто. Сегодня мы главным образом пытаемся пресечь поставки наркотиков, а сделать это необычайно сложно. Факт наличия весьма обширного интеллектуального сообщества, которое выступает против этих законов, даже хотя большинство из его участников лично не употребляет наркотики, делает пресечение их поставок еще более трудным делом. В общем, мы занялись лишенной здравого смысла внешней политикой, пытаясь добиться от других стран, чтобы они не производили наркотики, вместо того чтобы не допускать поставок и продажи наркотиков в Соединенных Штатах. Мне нечего сказать тем, кто искренне считает, что наркомания не только грех, но и заболевание. Так как я — моральный релятивист, то не могу критиковать их позицию, разве что замечу, что это очень трудно осуществить.

Есть и другие области, где люди хотят контролировать поведение других людей по этическим сообра-

жениям. В качестве наиболее очевидного примера рассмотрим сексуальные вопросы. Взять, к примеру, проституцию, которая по крайней мере формально незаконна, хотя обычно мы не прилагаем больших усилий, чтобы принять соответствующие законы. Во времена моей молодости гомосексуализм был самой безнравственной вещью, какую только можно было совершить, но теперь в нем видят чуть ли не достоинство. Другой пример: в прежние времена* аборт был чрезвычайно тяжким преступлением и с точки зрения закона, и с точки зрения морали, но сегодня в нем не видят ничего предосудительного. Употребление алкоголя запрещено некоторыми религиями, и, конечно, вождение автомобиля в пьяном виде считается очень серьезным нарушением.

Во всех этих случаях определенные виды деятельности порождают отрицательные экстерналии, в результате чего предпринимаются действия, направленные на уменьшение или устранение такой зависимости. Конечно, действия, предпринятые для ее ограничения, производят экстерналии для тех, кто намерен продолжать употреблять опиум или прибегать к услугам проституток. Если некоторым людям в обществе жалко бедных и хочется организовать для них некую правительственную программу, финансируемую за счет налогов, то это создает экстерналии для тех, кто не желает платить налоги. Простое физическое присутствие бедных может производить экстерналии, как я уже подчеркнул выше. Простое физическое су-

* Когда я впервые оказался в Китае, детоубийство было там обычным делом, хотя и номинально незаконным. В Соединенных Штатах оно остается незаконным и считается безнравственным.

ществование налоговой службы также может создавать экстерналии для людей, которые возражают против такого использования налогов.

Обычно выплату денег бедным принято называть перераспределением доходов, и она мотивируется желанием устранить экстерналию, которую создают бедные. Запрет покупать наркотики, общаться с проститутками и принимать участие в иных различных видах деятельности, которые вызывают возражения, так как подразумевают нанесение вреда данным лицам, также предполагает уменьшение экстерналий. В некоторых случаях эти экстерналии проистекают из факта, что действующее лицо наносит ущерб самому себе и, следовательно, заставляет благонамеренного наблюдателя испытывать боль. В других случаях эта деятельность фактически наносит ущерб и другим людям, помимо акторов. Моя игра на трубе из первой главы — такой же пример, как и вождение в нетрезвом состоянии. Тем не менее устранение таких действий действительно не считается перераспределением доходов, даже если они ведут к ухудшению состояния действующего лица и ощущению большего счастья у заинтересованного наблюдателя.

5. *Наследие Бисмарка*

Современное государство — в значительной степени механизм для передачи средств от одного человека другому. То, что мы, экономисты, называем общественными благами, обеспечивается государством, но в настоящее время составляет лишь часть его деятельности. Соединенные Штаты не так далеко продвинулись в этой процедуре, как многие другие страны, но в нашем случае федеральное правительство выплачивает в виде различных трансфертов немалый процент средств, которые оно собирает в виде налогов. В большинстве европейских стран наследие Бисмарка играет еще большую роль.

Причина, по которой я называю это его наследием, заключается в том, что он изобрел современную систему социальной защиты. Государственная благотворительность имеет, конечно, давнюю историю, но та система, которой мы пользуемся сейчас, была введена Бисмарком. По иронии судьбы он ввел ее, чтобы победить социалистов на выборах. Это не сработало. Сегодня тщательно продуманная система социального обеспечения — почти определение социализма, так как в настоящее время прямое государственное управление экономикой совершенно немодно и либо отмерло, либо постепенно устраняется везде, где существовало ранее. Мне бы хотелось думать, что так

будет всегда, поскольку введенная Бисмарком система перераспределения не обязательно должна наносить значительный ущерб экономике, как это бывает при плановой экономике. К сожалению, предсказать это сложно и, кроме того, система Бисмарка все-таки наносит ущерб экономике, хотя и иным образом.

Деятельность бисмарковского «государства всеобщего благосостояния» можно условно разделить на три категории. Первое и, в некотором смысле, самое важное направление деятельности — это внимание к пожилым. Точное определение различно в разных странах. В Соединенных Штатах пенсионное обеспечение для большинства граждан начинается по достижении шестидесяти пяти лет. Люди с плохим здоровьем могут получать пенсию по нетрудоспособности раньше. Вторая категория — это государственное медицинское обслуживание по меньшей мере некоторых групп населения. Во многих странах оно распространяется на всех граждан с рождения, но в США начинает действовать с шестидесяти пяти лет, хотя малообеспеченные люди получают государственную медицинскую помощь раньше. Третье направление — оказание помощи безработным. Традиционная благотворительность была широко распространена до введения Бисмарком государства всеобщего благосостояния. В большинстве случаев, конечно, это была помощь частных лиц или церкви, а не государства, но во многих странах правительства принимали в ней широкое участие.

Бисмарк упорядочил ее и изменил способ оплаты. Кроме того, он, по сути, увеличил выплаты пожилым, хотя, поскольку выплаты были нерегулярными, не все получали достаточно большие суммы. Платили так же почти все, поэтому выгода для полу-

чателей была не очевидна. Чтобы доступнее объяснить эту систему, можно сосредоточиться на обсуждении системы пенсионного обеспечения по старости. До Бисмарка пожилые зависели частью от своих сбережений, частью — от своих более молодых родственников, а частью — от выплат благотворительных организаций, одной из которых обычно выступало государство. Бисмарк не стал делать эти первые два пункта незаконными, но пересмотрел долю государства, чтобы выплаты стали регулярными.

В принципе — и помните, мы говорим о помощи пожилым только в то время, — все работники облагались налогом в зависимости от их заработка. Бисмарк был блестящим политиком, и система номинально поддерживалась частично за счет самого работника (вычеты из зарплаты), а частично — за счет работодателя, который платил налог на деньги, которые выплачивал работнику в качестве заработной платы. Конечно, вся сумма выплачивалась самим работником, чья зарплата уменьшалась на величину налога, выплачиваемого работодателем. Но Бисмарк, как я уже отмечал выше, был блестящим политиком и считал, что рабочие этого не поймут. Он оказался прав: большинство из них думали, что заключили выгодную сделку, поскольку сумма, указанная в их расчетном листке, составляла только половину реальной стоимости. Предложение семьи Клинтон о предоставлении медицинской помощи при сходных обстоятельствах превзошло сделанное Бисмарком. Только 20% от стоимости должны были вычитаться непосредственно из заработной платы рабочих, а остальные 80% — поступать от работодателя, и, конечно же, сумма заработной платы, номинально выплачиваемой работнику, должна была быть уменьшена. Программа не прошла по политиче-

ским соображениям, но, насколько я могу судить, почти никто не разглядел махинации. Прочитав газеты, я понял, что пресса, конечно, не осознавала, что все издержки ложатся на работника.

Когда работник в Соединенных Штатах достигает солидного возраста в шестьдесят пять лет, он начинает получать пенсию. Поначалу существовали различные процедуры, позволяющие удостовериться, что он действительно прекратил работать. В Соединенных Штатах изначально из пенсии работника вычитался один доллар за каждый доллар, что был им заработан в возрасте до семидесяти двух лет. В последние годы эта сумма была уменьшена, а теперь отменена совсем. Таким образом, лица старше шестидесяти пяти лет могут жить вполне неплохо в финансовом отношении, если помимо пенсии у них имеется такая работа, с которой пожилой человек может успешно справляться. Тем не менее это совершенно не означает, что кто-то, кто стал участвовать в этой программе, когда только начинал работать, а затем получать пенсию в шестьдесят пять лет, преуспел. Если он инвестировал ту же сумму, то доход, который он начал получать в шестьдесят пять лет вместе с ощутимой основной суммой, которой владеет, возможно, сделает его состоятельнее. Конечно, подразумевается, что деньги были вложены с умом, когда речь идет о частных инвестициях, и что государство не столкнулось с инфляцией, если мы говорим о государственной пенсионной схеме. Неясно, какой из двух видов «инвестиций» предпочтительнее, но я думаю, что причина популярности именно государственных пенсий в том, что мы ошибочно полагаем, что работник платит меньше, чем на самом деле.

Существует, однако, еще одно различие между этой программой и частной программой пенсионного на-

копления. Предположим, Бисмарк предложил, что все работники берут сумму, равную общей сумме налогов, включая доли работников и работодателей, и вкладывают ее в страховой полис. Страховая компания инвестирует ее в ценные бумаги, и будем считать, что инвестиция оказалась успешной. Затем при расчете пенсии, которую компания будет платить, она произведет актуарные расчеты, вычисляя вероятности дожития и смерти. Таким образом, люди, которые умерли рано, по сути, будут платить тем, кто умрет позже. По-иному обстоит дело с личными сбережениями, где не происходит трансферта от людей, которые умирают, тем, кто живет дольше.

Если допустить, что мы считаем страховые компании столь же надежными, как государство, то эта схема представляется лучшей системой пенсий по старости, чем предыдущая система. Но современные последователи Бисмарка не требуют от людей сбережения денег на пенсию. Когда эта система впервые была введена в Соединенных Штатах, то включала в себя платежи, которые сберегались, а затем, по достижении человеком пенсионного возраста, выплачивались. Однако такая ситуация быстро изменилась. С 1940 года и до недавнего времени платежи, поступающие от молодых работников, незамедлительно выплачивались пенсионерам. Откладывалась лишь небольшая сумма в виде резерва на непредвиденные обстоятельства. Когда система впервые коснулась людей уже достаточно старых, чтобы иметь право на пенсионное обеспечение, но плативших мало или не плативших никаких налогов, они получили большую прибыль. Молодые люди, которые заплатили за эту прибыль, оказались не в такой выгодной ситуации, хотя, возможно, они фактически не потерпели сколько-либо серьезного ущерба. В общем, чем

старше ты был на момент введения этой системы, тем выгоднее это оказалось для тебя.

Один из аспектов этой схемы, привлечший к себе в последнее время большое внимание, заключается в том, что граждане, платящие в систему, производят свои платежи задолго до того, как начинают получать пенсию. И поэтому создается впечатление, что отсутствие выплаты процентов на эти ранние денежные взносы не очень-то способствовало их процветанию. Но на деле с повышением уровня жизни Конгресс время от времени увеличивает пенсии. Это не касается пенсионеров, так как им выплатят проценты, а затем еще увеличат выплаты за счет тех людей, что умерли раньше, но в принципе дела обстоят не очень плохо. Скорее всего, Конгресс будет придерживаться этой политики, и в конечном счете если продолжать развивать эту схему, то дела у пенсионеров будут весьма неплохи.

Если посмотреть на схему в целом, то она подразумевает неравномерное перераспределение на протяжении жизни участников. Они платят, когда они молоды, а затем получают выплаты, выйдя на пенсию. Помимо этого, в результате самых последних изменений они не обязаны прекращать работать, чтобы получать пенсионные выплаты. Все, что необходимо сделать, — это состариться. Но это люди, которые вошли в систему в зрелом возрасте. К тому времени, когда она впервые была официально провозглашена, у тех, кто были уже относительно пожилыми, дела шли очень хорошо, а молодое поколение почти выходило в ноль. Политические преимущества такой схемы очевидны, и неудивительно, что очень умный политик (президент Рузвельт) провозгласил ее.

Но что произойдет, если эта схема рухнет? В Советском Союзе существовала система пенсий по ста-

рости, которая также перераспределяла средства от молодых пожилым, поэтому после распада СССР пожилые оказались в тяжелейшем положении. Недавние предложения по изменению системы пенсионного обеспечения в России путем допущения частных инвестиций были подвергнуты критике на том основании, что частные инвестиции могут не сработать, как надо. Это совершенно верно, но следует отметить, что и правительство в действительности не гарантирует стопроцентной надежности. Финансовые проблемы, ведущие к инфляции, могут повлечь за собой значительные убытки для получателей этого вида пенсии. Если система застопорится или инфляция раздувает цены, у пожилых людей дела будут очень плохи. Так ли это или нет, предоставляю судить читателю. Большие прибыли, полученные пожилыми людьми в самом начале, могут обернуться большими убытками для людей, которые были моложе при вступлении в систему и еще не получали пенсию.

Бисмарк также предоставил схему медицинского обеспечения, которой предусматривались выплаты больницам и врачам за оказанные ими услуги. Следует отметить, что, когда он впервые представил эту систему, она могла иметь весьма неблагоприятные последствия для здравоохранения. В то время теоретические знания и понимание роли патогенных микроорганизмов в возникновении заболеваний находились в зачаточном состоянии, а санитарное состояние больниц и врачей было не слишком высоким. Было установлено, что по крайней мере один вид заболевания — родо-вая горячка — передавался пациентам от самих врачей. Таким образом, вероятно, что медицинская программа в первые годы своего существования действительно повлияла на показатель смертности. Конечно, впо-

следствии как врачами, так и больницами в целом были приняты меры по улучшению санитарных условий, а также изобретены специальные препараты для лечения заболеваний, что оказало значительное положительное влияние на продолжительность жизни.

Следует помнить, что увеличение средней продолжительности жизни наступило потому, что те люди, которые в противном случае не получили бы возможности госпитализации или медицинского обслуживания из-за бедности, теперь имели ее. Показатель смертности среди бедных в Англии на самом деле возрос за первые несколько лет действия программы Национальной службы здравоохранения. До ее создания в Англии качественное медицинское обеспечение предоставлялось только двум группам людей. Богатые, конечно, имели достаточно денег, чтобы получать качественное медицинское обслуживание. Правительство обеспечивало превосходное медицинское обслуживание для бедных. Но люди, занимавшие среднее положение между этими двумя классами, считали необходимым, по крайней мере до некоторой степени, экономить на своем лечении. Когда система была преобразована во всеобщую, то есть очень многие медицинские услуги стали предоставляться для группы со средним уровнем доходов бесплатно, то эти люди увеличили потребление медицинских услуг. Это привело к значительному, но, видимо, временному снижению медицинской помощи для бедных, с сопутствующим увеличением смертности (Tullock 1984).

Системы здравоохранения сильно различаются в разных странах. Очевидно, что в большинстве случаев это служит поводом для лучшего медицинского обслуживания бедных слоев населения. Однако такое обслуживание не настолько эффективно, чтобы те,

кто обладает большими возможностями, стремились пользоваться им вместо частных врачей.

Вместо того чтобы описывать системы здравоохранения во всем мире, я лучше остановлюсь на Соединенных Штатах. Здесь эта система своеобразна и обособлена среди спонсируемых государством медицинских услуг. Во-первых, есть отдельные системы медицинского обслуживания для военных и военных в отставке. Помимо этого, имеется своя отдельная система для служащих федерального правительства. Не стану заострять более внимания на специализированных системах: у нас имеется платная программа медицинского страхования для пожилых и отдельная программа для людей, официально признанных бедными. Остальным настоятельно рекомендуется купить частную страховку, но это не является обязательным требованием.

Частное медицинское страхование было изобретено в США в 1930-е годы. Если финансирование Второй мировой войны подпитывалось инфляцией, то правительство захотело замаскировать инфляцию с помощью введения системы цен и контроля над заработной платой. Профсоюзы и частные работодатели, которым стало затруднительно нанимать работников без повышения заработной платы, пришли к компромиссу: компании покупали медицинскую страховку для своих работников, а федеральное правительство вычитало эти расходы из налогооблагаемой базы при исчислении подоходного налога работников. Система была сохранена после войны, в результате чего, если ваш работодатель обеспечивал вас медицинской страховкой, это являлось довольно значительным дополнением к вашим доходам. Если бы эта дополнительная сумма к заработной плате выплачивалась наличными,

то она облагалась бы налогом, и тогда работодатель должен был бы платить работнику больше, чем стоимость страховки, чтобы увеличить на столько же его доход. Ситуация странная, но Конгресс не изъявил желания что-то менять.

Для приобретения медицинской страховки обычно требуется медицинский осмотр, но компания иногда отказывается страховать вас или назначает такую ставку, в которой учитывается некое уже имеющееся заболевание. Это, безусловно, увеличивает стоимость страхования, и факт принятия правительствами штатов ряда второстепенных законов, запрещающих компаниям повышать страховые взносы по причине некоторых последствий для здоровья человека, означает, что частное страхование, как правило, оказывается совсем не выгодным, в частности, для молодых людей с хорошим здоровьем. И люди склонны искать работу в компаниях, которые предоставляют медицинскую страховку для всех сотрудников. Довольно странно, что они не сталкиваются с теми же проблемами, потому что они приобретают страховку для большого числа людей, а страховая компания при проведении актуарных расчетов рассматривает их точно так же, как и любую другую крупную группу людей. К небольшим компаниям численностью не более десяти человек обычно относятся иначе, чем к крупным, и, следовательно, медицинское страхование для них не выгодно. В результате чего многие либо не имеют медицинской страховки вообще, либо понимают, что они платят за нее чрезмерную цену.

Тем не менее все это восполняется некоей странной системой, согласно которой если вы заболели или травмировались, то имеете право на получение скорой медицинской помощи в любой больнице, в кото-

рой есть соответствующее отделение. Больница постарается получить с вас оплату, но при медицинском обслуживании бедных такие попытки редко оказываются сколько-нибудь результативными. И поэтому больница вынуждена повышать ставки по оплате пациентов, вследствие чего регулярные сборы увеличиваются. Приобретение индивидуальной страховки здоровья делает сделку еще менее выгодной, чем это было бы без такого особого дополнительного фактора. Должен подчеркнуть, что Бисмарк не изобретал ничего подобного. Стэн Лорел и Оливер Харди также не имеют к этому никакого отношения.

6. *Некоторые биологические проблемы*

Несомненно, читатель до сих пор чувствовал себя более или менее свободно, читая предыдущие главы, так как в них рассматривалось поведение, которое не слишком отличается от его собственного. Он, без сомнения, делает пожертвования на благотворительность, может внести пожертвования церкви, а иногда чувствует, что должен сделать пожертвование в какой-нибудь фонд для оказания помощи людям, где-то далеко пострадавшим в катастрофе. Если в Турции случается землетрясение, в Венесуэле — наводнение или же голод в Эфиопии, многие американцы непременно, включая по крайней мере некоторых читателей этой книги, сделают добровольные пожертвования для пострадавших. Конечно же, существуют еще и специальные организации, вся деятельность которых сводится сугубо к тому, чтобы попросить сделать такие пожертвования, а затем потратить их — надеюсь, с умом.

Читатель также, несомненно, верит в теорию эволюции. Даже большинство прихожан признает общий процесс естественного отбора. Не уверен, что читатель, дочитавший книгу до этого места, представляет себе бесспорное и очевидное противоречие между этими двумя сторонами его личности. Эволюция выбирает не за красивые глаза, а ради получения максимально го потомства. Если вы делаете пожертвование вместо

вложения денег в более качественное образование или здоровье вашего сына, дочери, внуков, то тем самым уменьшаете вероятное количество своих потомков. По прошествии времени естественный отбор отсеет вашу конкретную семью в пользу более эгоистичной, ориентированной на семью линии наследственности.

Поскольку читатель, несомненно, делает пожертвования в пользу различных благотворительных организаций и поддерживает свое правительство, когда оно берет с него налоги на другие благотворительные выплаты, но не для собственных детей, то вышеприведенные рассуждения могут его озадачить. Я знаю, что, когда говорю об этом даже с коллегами или особенно с теми, кто имеет экономическое образование, они всегда убеждены, что с моей аргументацией здесь что-то не так. Они подчеркивают, что им нравится делать пожертвования. Когда же я говорю, что если их наследственная функция предпочтений ведет к тому, чтобы получать удовольствие от собственных пожертвований, то можно предположить, что их линии наследственности не будут иметь больших перспектив в будущем, — они предлагают различные логические обоснования своего поведения. Кроме того, их пожертвования для чужих людей, как правило, довольно невелики. Они тратят гораздо больше на образование своих детей, чем на воспитание детей из Африки.

Из опыта разговоров с людьми на эту тему возникает ощущение, что их очень трудно убедить, что здесь имеются теоретические противоречия. Они испытывают чувство удовлетворения от своих пожертвований на благотворительность. Как правило, эволюция задумала нас таким образом, что нам нравится то, что хорошо для нас. Юм сказал, что великими правителями нашего поведения были удовольствие и боль. Мы

предпринимаем действие, направленное на достижение нами удовольствия и избегание того, что причиняет нам боль. Юм не знал об эволюции, но, возможно, считал, что здесь есть некий сознательный замысел. Конечно, он был атеистом и, следовательно, мог предполагать, что это всего лишь случайность, что наши предпочтения направлены на вещи, которые для нас благоприятны. Но в любом случае он, как и его добрый друг Адам Смит, считал, что следование своим предпочтениям, как правило, благоприятно для нас, и, несомненно, согласился бы с более широким утверждением, что это благоприятно и для наших потомков.

Общаясь с современниками, которые верят в эволюцию, я убедился, что точка зрения, согласно которой жертвования на благотворительность имеют, до определенной меры, ценность для выживания, широко распространена. В какой-то степени это просто обобщение предположения, что вещи, которые нам хочется делать, благоприятны для нас. Мы любим сладости, и биологи расскажут нам, что в прежние времена пища с высоким содержанием сахара была очень питательна и, следовательно, мы были отобраны для ее поиска. Сейчас, конечно, большинству граждан Соединенных Штатов или Европы столь концентрированная пища не требуется, а консультанты по вопросам здоровья рекомендуют быть осторожными с употреблением сладкого. Но чтобы приспособиться к изменениям в окружающей среде, эволюции требуется много поколений — вот почему мы до сих пор любим сладкую пищу. Если бы сладкие продукты были действительно вредны для нас в современных условиях, то мы, скорее всего, приспособились бы достаточно быстро, но, в сущности, умеренное потребление сладкого не наносит никакого вреда — при условии, что мы чистим зубы.

Общее утверждение, что вещи, которые нам нравятся делать, благоприятны для нас и, вероятно, обеспечат большее потомство по нашей генной линии, является правильным. Так как мы получаем удовольствие, умеренно делая пожертвования на благотворительность, то не обосновательно считать, что это также приведет к большему потомству. Это можно обосновать тем, что поддержание добрых отношений с другими членами группы будет представлять ценность для выживания. Понятно все же, что это не приведет нас к щедрому одариванию пострадавших от наводнения в Венесуэле. Тем не менее даже в такой ситуации можно утверждать, что для людей, с которыми мы общаемся, сам факт, что мы делаем пожертвования, означает, что мы — «хорошие люди».

Тот же аргумент выглядит убедительнее, если мы имеем дело непосредственно с людьми, с которыми общаемся регулярно. Если мы будем милыми и щедрыми с друзьями и знакомыми, это может привести к тому, что они будут милыми и щедрыми с нами и нашими детьми, и, следовательно, к увеличению потомства. Это может также означать, что у нас, таким образом, станет меньше трений в наших постоянных отношениях и, следовательно, опять же, выше ценность для выживания для нас самих и наших потомков. К сожалению, оба эти аргумента, если над ними тщательно поразмыслить, не срабатывают.

Предположим, что мы жертвуем чем-то для других членов нашей группы, а они жертвуют чем-то в ответ. Если бы наши пожертвования были хоть немного меньше, чем их, мы бы оказались в выигрыше и могли иметь больше потомков. Должно быть своего рода состязание, в котором каждый индивид или генная линия стараются отдавать хоть ненамного, но меньше,

чем получают. Со временем это приведет к постепенному сокращению, а в конечном итоге и полному прекращению жертвований. Если посмотреть на наших ближайших родственников — шимпанзе, то можно обнаружить, что эта линия аргументации более или менее полно описывает происходящее. Они очень редко идут на жертвы ради кого-то другого, кроме своих прямых и известных отпрысков*. Иногда шимпанзе убивают обезьян и съедают их. Что касается мяса, то шимпанзе вполне может подарить его друзьям и знакомым. Но это не распространяется на фрукты или орехи, которыми они обычно питаются. Примитивные народы проводят примерно те же самые различия. Охотник может поделиться оленем или какой-либо еще убитой им добычей со своими соплеменниками. Он редко напрямую поделится иными видами пищи.

Существует одно очевидное объяснение такой дифференциации. Мясо, как правило, добывается в достаточно большом количестве, так что его невозможно съесть за один прием в одиночку. Обычно оно очень быстро портится и начинает представлять угрозу для здоровья. Шимпанзе или любой человек каменного века, припрятававшие мясо для себя или своего семейства, подвергались большому риску умереть от пищевых отравлений. Следовательно, отдать мясо другим в надежде на вероятное ответное действие вполне может быть совместимо с эволюционным от-

* Они могут заниматься грумингом практически с любым другим членом стаи. Неясно, кто выигрывает от этого больше — тот, за кем ухаживают, или тот, кто ухаживает (последний поедает блох, которые он обнаруживает в процессе вычесывания шерсти). В любом случае издержки здесь близки к нулю.

бором, принимая во внимание грозящую опасность. Это не относится к фруктам, орехам или иной другой пище растительного происхождения, которая составляет основную часть рациона шимпанзе. У первобытных людей основу их рациона также составляло то, что собирали женщины, а не добыча мужчин-охотников.

Возможно, мне не удалось убедить вас в том, что благотворительная деятельность за пределами непосредственного семейства должна быть исключена в результате эволюционного отбора. Мы вернемся к этой теме ниже. Сначала, однако, позволю себе объяснить вполне разумные биологические причины, которые могут привести к определенной благотворительной деятельности. Мои рассуждения основываются на книге Докинза «Эгоистичный ген» (Dawkins 1989; Докинз 1993), а также на одной из моих статей (Tullock 2002).

По своей сути механизм наследования осуществляется посредством передачи генов, а животные, растения и т. д. выступают лишь в качестве носителей сменяющих друг друга поколений генов. Таким образом, если ген послужил причиной того, чтобы его носителем были приняты меры, которые оказывают благотворное воздействие на другое животное, растение и т. д., содержащее тот же самый ген, то в следующем поколении получится больше копий этого гена. Вот почему сказать, что ген защищает свои дубликаты в других носителях, будет не совсем точно, но зато передаст общий смысл.

Есть одно известное положение, озвученное в баре в ходе неформальной беседы одним видным биологом, что он пожертвует своей жизнью скорее (с вероятностью 50%) для спасения родного брата, чем для спасения брата двоюродного (с вероятностью 25%). Это высказывание часто повторяется биологами, но сама оригинальная цитата не приводится вследствие того,

что заявлено это было неофициально. На самом деле, конечно, вероятность будет немного выше 50 % и 25 % соответственно, но это правильный расчет для гена — если бы гены могли осуществлять расчеты. Хотя гены не в состоянии производить расчеты, они способны побудить своих носителей действовать соответствующим образом. Конечно, жертвы ради прямых потомков были бы больше, если бы можно было знать, кто они. Женщина знает, кто ее дети, но мужчины никогда не могут быть в этом уверены. Тем не менее внутри племени вероятность законнорожденности довольно велика среди людей, у которых наличествуют более или менее постоянные механизмы образования пар. Среди шимпанзе эта вероятность значительно ниже.

Таким образом, у нас есть основания полагать, что взрослые могут пойти на некоторые жертвы ради тех, кого они считают своими потомками. Они также пойдут на жертвы ради двоюродных братьев и их потомков, когда, как это распространено у людей, они живут в группах, превышающих по размеру простую брачную пару, а члены группы в этом случае являются хотя бы дальними родственниками. Можно допустить, что человеческие существа, движимые своими генами, будут доброжелательными к родственникам, причем степень такой доброжелательности тем больше понижается, чем все более и более дальними родственниками они становятся. Конечно, это то, что мы наблюдаем среди людей. Насколько мне известно, ничего подобного среди других приматов не встречается. Не думаю, что нас должна сильно беспокоить эта очевидная разница между нашими ближайшими родственниками, не принадлежащими к человеческому роду, и нами самими.

Теперь обратимся к другому аспекту наследственности. Интербридинг, или скрещивание среди близких

родственников, представляет собой опасность, так как ведет к сохранению плохих генов. Обычно у многих животных, которые живут в больших группах, имеется некий механизм, позволяющий им избежать интербридинга. Например, все мужские особи по достижении ими половозрелого возраста либо сами покидают группу, либо изгоняются из нее. Они ищут себе пару в других племенах, которые имеют схожие обычаи и потому готовы принять их. В случае с шимпанзе, как это ни странно, племя покидают самки.

На самом деле у нас не слишком много информации о людях, живущих в первобытных племенных обществах. У многих из них сохранились механизмы обмена партнерами для спаривания между различными подплеменами. Например, могли проводиться ежегодные общие собрания всей группы. Мне неизвестно ни одного тщательного изучения этого вопроса и его влияния на спаривание, но это, безусловно, хорошо бы согласовывалось с племенным обычаем неродственного спаривания — аутбридингом. Если мы обратимся к более цивилизованным группам, существовавшим, например, в Англии до начала промышленной революции, то там большая часть населения проживала в небольших деревнях и — как мне кажется, следует признать, что это не результат моих или чьих-либо еще серьезных исследований, — практиковала такую же экзогамию. Возможно, хотя об этом нельзя говорить с полной уверенностью, поскольку деревенский дурачок часто встречается в литературе, это может означать, что они занимались инбридингом, вследствие чего возникали случайные плохие генные соединения.

Конечно, в крупных городах, вроде Лондона, такого обычая не существовало. Но вплоть до самого нача-

ла промышленной революции такие крупные города были гиблыми местами. Не было даже речи о восстановлении городского населения после смертей от эпидемий. Они существовали лишь благодаря постоянной иммиграции из деревень. Даже в Соединенных Штатах, где плотность населения была гораздо ниже, а города, следовательно, менее перенаселены, смертность в городах была выше, чем в деревнях. Насколько мне известно, нет никаких исследований брачных обычаев, которые показывали бы, происходило ли в деревнях спаривание неродственных особей или же родственников. Тем не менее маловероятно, что инбридинг был широко распространен в большинстве районов. Возвращаясь к литературной теме, замечу, что горные поселения на юге страны, которые были достаточно изолированы, часто изображаются в произведениях как места с психически неполноценными жителями.

Тогда какое отношение это все имеет к благотворительности в Китае? На первый взгляд, не большое, но если учесть гены, то это вполне объяснимо. Во-первых, ген не мыслит, но зато до некоторой степени управляет мозгами мыслящих субъектов. Типичный пример — половое влечение, которое свойственно многим животным, наделенным мозгом различных размеров, скажем — человек и бабочка. Но сексуальное влечение — это не единственный случай, когда мозг находится под контролем генов. Готов поспорить, что наши благотворительные импульсы, от подарков своим детям до передачи благотворительных взносов миссионерам, пытающимся обратить в свою веру дикарей, находятся под влиянием генов.

Естественно, гены не делают тщательных расчетов, но они оказывают влияние. Вернемся к тому биологу, который сказал, что готов рискнуть своей жизнью

(с вероятностью погибнуть чуть менее 50%) для спасения брата от неминуемой смерти. В результате такого поступка число его прямых потомков сократится. Итак, количество большинства его генов в следующем поколении будет меньше, чем если бы он не совершал этого самопожертвования. Однако количество конкретного гена, который толкнул его на этот поступок, вырастет по сравнению с ситуацией, в которой он просто преследовал бы эгоистичную цель. В некотором смысле данный ген находится в состоянии войны с другими генами, которые он несет. Можно было бы ожидать, что существует некая защита от таких генов в остальной части геной цепочки, но, насколько мне известно, этот вопрос остается невыясненным. В любом случае исследовать такое нелегко.

Это говорит о том, что наши гены поручат нам совершить некую жертву ради близких родственников. А что же насчет более дальних родственников? Ген, приказавший принять пятидесятипроцентную вероятность смерти ради спасения троюродного брата, был бы довольно быстро устранен из популяции. С другой стороны, как сказал бы биолог: «Вероятность гибели один к четырем ради спасения кузена была бы платой за конкретный ген». Конечно, большинство животных и, если на то пошло, большинство людей не располагают очень точными сведениями о своих дальних родственниках, поэтому их гены вряд ли могут быть проинформированы об отношениях родства и, следовательно, «решить», ради кого именно они должны принести жертву.

Но это касается родственников, а не абсолютно незнакомых людей, живущих в Китае. Как объяснить поведение тех, кто делает пожертвования, мотивированные вероятностью того, что тот генофонд, кото-

рый у них есть, будет сохраняться бесконечно долго, чтобы принести пользу некоему незнакомцу в Китае? Для ответа на этот вопрос мы должны вернуться назад и проанализировать, как тогда человек жил в небольших группах, редко вступая в контакт с другими подобными группами. И здесь мы возвращаемся к факту необходимости экзогамии во избежание опасности кровосмешения и сохранения опасных генов.

Присмотримся к жителям небольшого племени людей (или шимпанзе), среди которых практиковался аутбридинг. Допустим, что мужчины всегда уходят из своего племени по достижении ими зрелого возраста. После этого они присоединяются к другим соседним племенам, но иногда удаляются гораздо дальше. В результате этого процесса некие индивиды в племени будут иметь не только некое родство с другими членами племени, но и более слабые родственные отношения с соседним племенем. Между тем в этих племенах также практикуется экзогамия, поэтому человек должен иметь некую разумную вероятность — возможно, один к тридцати двум — для обмена генами с кем-либо в соседнем племени. Эти отношения будут продолжаться и на большем расстоянии с постепенным уменьшением количества общих генов.

Но если вернуться к временам, когда человеческий род развивал свою нынешнюю генетическую структуру, люди просто не знали о существовании племен за пределами тех, что находились достаточно близко. Таким образом, гены могут «думать», что все люди разделяют некоторые из их генов для того, чтобы приносить жертвы, которые позволят сохранить существование генов в природе. По этой причине нами движет побуждение дать хоть что-то людям, страдающим далеко от нас. Наши знания о степени родства будут постепен-

но снижаться с увеличением расстояния. Естественно, гены не думают, но некий ген, который был в этом задействован, будет сохранен — конечно, не он сам, а его дубликаты. Отметим, что ген, поручивший своему хозяину принести жертву ради другого существа, у которого может иметься дубликат этого гена, приведет к увеличению общего количества таких генов в популяции, но уменьшит вероятность того, что он сам будет присутствовать в следующем поколении. Это также уменьшит вероятность того, что другие гены, с которыми он имеет общего носителя, будут присутствовать в следующем поколении. Если такие гены были часто повторяющимися и сильными в данном виде, можно предсказать, что сам вид прекратит свое существование. Итак, чтобы ген сохранился, он должен избегать убийства слишком большого количества своих хозяев. Так как человеческий вид все же существует, наши гены отзывчивости, должно быть, спаслись от этой ловушки.

Все это выглядит очень сложно, но так оно и есть в действительности. Тем не менее это объясняет, почему мы можем приносить жертвы ради очень-очень далеких людей. Повторим сказанное мною ранее: когда я разговариваю с людьми об этом, оказывается, что им очень трудно признать само существование подобной проблемы. Они, как и я, идут на такие же жертвы и испытывают от этого удовлетворение.

Выше я цитировал Дэвида Юма по поводу вещей, что приносят нам чувство удовлетворенности, будучи благом для нас самих. Кажется, мне удалось привести пример, когда это не так. Но все же большинство людей, с которыми мы обсуждали этот вопрос, придерживаются мнения, что дело обстоит гораздо проще, так как они получают удовольствие от приносимых ими жертв. У них обычно даже и не возникало мыс-

ли об их эволюционном значении. Во многих случаях они, похоже, считают, что простое чувство удовлетворения, которое они получают, когда приносят жертву, является доказательством того, что жертва желательна не только для получающего, но и для дающего.

Когда они доходят в своих рассуждениях до этого момента, то обычно говорят, что такие жертвы или дары выгодны тому, кто их приносит или дарит, так как он может получать реципрокные дары, которые будут больше первоначального дара. Это, конечно, поднимает вопрос, почему человек, возвращающий больше, чем он получает, не отсеивается эволюцией. И вновь я обнаружил, что большинство людей считают этот вопрос и саму проблему ошибочными. Во всех этих случаях кто-то отдает больше, чем получает сам. Простейший дарвиновский отбор должен устранить такого рода положение, но этого не происходит.

Еще одно объяснение, с которым иногда приходится сталкиваться, состоит в том, что отношения в целом улучшаются, когда люди думают, что ты — щедрый человек. Таким образом, пожертвования в пользу голодающего Китая выгодны, так как люди твоего круга в Соединенных Штатах воспринимают это как нечто, свидетельствующее о твоём хорошем характере, и, соответственно, относятся к тебе лучше, чем бы отнеслись в ином случае. Я не сомневаюсь, что подобные вещи действительно имеют место, но нельзя забывать, что ты за это платишь. Если всегда отдавать чуточку меньше, но не настолько, чтобы это бросалось в глаза, то это пойдет тебе на пользу в обоих отношениях: твоя репутация упрочится, а кошелек не пострадает. Итак, на протяжении многих поколений обнаруживается медленное, но верное сокращение таких даров с теми, кто приносит их меньше всего, оставляя

больше внуков. Короче говоря, эволюция будет отбирать менее великодушных, щедрых и отзывчивых.

Подытожу все сказанное мною ранее: все это означает, что некоторые наши самые благие устремления постепенно будут устраняться в ходе эволюции. Мое объяснение таково: эти устремления действительно ведут к уменьшению количества потомков своей жертвы в следующем поколении, но увеличивают количество дубликатов конкретного гена, который его вызывает. Это кажется парадоксальным, и я не отрицаю, что так оно и есть, но это лучшее объяснение благотворительности в отношении далеких людей из всех, что известны мне. Если у читателей есть более интересные соображения на этот счет, я надеюсь, что они сообщат мне об этом.

Но, предвосхищая следующую главу, скажу, что большая часть нашей благотворительности осуществляется за счет государства. Если взглянуть на эту часть нашей благотворительности, то всякий раз можно видеть, что приносятся довольно большие дары людям внутри страны, однако уровень таких даров неожиданно резко понижается на государственной границе. Как только покидаешь человека или страну, то вместо постепенного спада возникает некое плато с утесом, а потом — другая равнина, но на гораздо более низком уровне. Это всего лишь приблизительный подход к вышеизложенной теории, но, к сожалению, наши теории действительно редко находятся в полном согласии с природой (Tullock 2002).

7. Богатые

В последних трех главах рассматривались виды экстерналий, воздействие которых мы ощущаем, когда кто-либо еще очень сильно бедствует или страдает либо его постигло иное горе. Конечно, большинство людей действительно наделено таким чувством, и они хотя бы изредка что-то предпринимают для этого. В данной главе мы обратимся к зеркальному отражению этого чувства — тому дискомфорту, который мы можем испытывать, если кто-то имеет слишком много. Например, я мог бы почувствовать, что вы должны дать мне некую часть ваших денег*.

Трансферты и помощь в рамках какого-либо общества или между обществами могут быть следствием этих обоих видов экстерналий, хотя они, как правило, имеют тенденцию к взаимоисключению. Я могу искренне сожалеть о тех, кто болен, но в то же самое время испытывать желание, чтобы какая-то часть его богатства перешла бы ко мне. Если посмотреть на существующие правительства, можно обнаружить, что они участвуют в обоих видах трансфертов. В одних случаях они будут помогать бедным, а в других — «доить» богатых. Конечно, деньги, взятые у богатых, могут быть использованы для оказания помощи бедным.

* Я чувствую.

Во всех случаях мы имеем дело с экстерналией, зависящей от благополучия другого человека.

Помимо того, на то, что мы чувствуем и как сильно это чувствуем, значительное влияние могут оказывать родственные связи или просто расстояние. Я привык проводить эксперименты, когда находился в Тусоне, где большинство сотрудников отделения политических наук были левыми и считали, что мы должны помогать бедным. Я обычно дразнил их, замечая, что Тусон находится всего лишь в ста милях от мексиканской границы и что эта граница — одно из мест в мире, где средний доход менялся наиболее резко. Мне хотелось подчеркнуть, что если они намерены помогать бедным, то бедные в Ногалесе были беднее и ближе, чем бедные в гетто Нью-Йорка. Я привел следующий пример, чем уязвил их: бедная женщина из Ногалеса, которой нечем кормить своих детей, привлекла больше моих симпатий, чем бедолага в Нью-Йорке, у которой не было цветного телевизора.

Было очевидно, что этот вопрос беспокоил их. Обычно в таких ситуациях они старались быстро сменить тему, не пытаясь логически обосновать тот факт, что они одобряют правительственную программу, давая деньги бедной женщине без цветного телевизора вместо оказания помощи бедной мексиканке на пропитание ее детей. Им бы хотелось помочь сразу обоим, но, если бы надо было сэкономить, они бы решили вопрос в пользу чернокожей гражданки США в Нью-Йорке.

Есть, конечно, много людей в мире, кто гораздо беднее мексиканцев. Мексика на самом деле, вероятно, находится где-то посередине между нищим Конго и обеспеченной Швейцарией. Таким образом, если бы мы пытались просто облегчить бедность, мы

не послали бы никаких денег не только в нью-йоркское гетто, но, видимо, и в Мексику. Это предполагает, конечно, некоторые ограничения в плане того, сколь много мы можем дать. Мои друзья, придерживавшиеся левых взглядов, должны были бы выступать за мировое выравнивание доходов, но они этого не делали*. Для них оказалось предпочтительнее, чтобы чернокожие в Нью-Йорке получали более высокие доходы, чем чернокожие в Конго, хотя у них для этого не было никаких оснований.

Ролз в своей знаменитой книге «Справедливость как честность» (Rawls 2001) по большей части избегает рассмотрения этой проблемы. За его известной завесой неведения вы знаете, гражданином какой страны вы являетесь. Самые беднейшие районы мира рассматриваются только в части одного параграфа, где он говорит, что если бы причиной нищеты некоей бедной страны была нехватка природных ресурсов, то, возможно, мы бы помогли ей. Надо сказать, что это было необходимо для огромной популярности его книги. Если бы он предложил фактический эгалитаризм во всем мире, который бы означал, что его коллеги по факультету Гарвардского университета лишатся примерно 80% своих доходов, то он получил бы шквал неблагоприятных отзывов и критики.

Мое мнение, как раньше, так и сейчас, состоит в том, что Ролз и его рецензенты, оставившие благо-

* Иногда крайние эгалитаристы предлагают обложить налогами богатых с целью уравнивать доходы наиболее бедной части населения мира с нами. Конечно, этой суммы явно недостаточно, и они редко говорят о том, что сами должны отказаться от существенной части своего дохода, чтобы уравнивать свои доходы с бедными регионами мира.

приятные отзывы о книге, выразили позицию простого человека гораздо лучше, чем я. Краткое исследование, проведенное среди близких знакомых, подтверждает это. Конечно, мои близкие знакомые зачастую могут быть весьма своеобразной выборкой. Джеймс Бьюкенен, мой соавтор по книге «Расчет согласия» (Buchanan and Tullock 1965; Бьюкенен и Таллок 1997), в разговоре занял откровенную патриотическую позицию, заявив, что, разумеется, вы помогаете гражданам, а не *негражданам*. Некоторые люди говорили мне, что они помогут скорее тем, кто к ним ближе, чем тем, кто от них далеко. Поскольку граждане из Ногалеса были ближе для моих друзей в Тусоне, нежели люди, живущие в Нью-Йорке, то это хотя и не давало логического объяснения их поведению, но, вероятно, подразумевало их социальную близость. В общем, они выглядели озадаченными этой проблемой. В ходе ее обсуждения с сотрудниками организаций, занимающихся оказанием международной помощи, я обнаружил, что обычно они действительно очень сочувствуют людям, живущим в бедных странах, куда они распространяют свою помощь. С другой стороны, эти сотрудники имеют довольно высокой уровень жизни, не платят никаких налогов и редко бывают готовы пойти на существенное сокращение своих доходов, чтобы помочь бедным. Моя позиция в Китае и Корее была такой же, поэтому я способен понять это эмпатически, а не разумом.

Все вышесказанное лишь некий пролог к последней части данной книги. Мы действительно помогаем бедным, потому что их нищета создает для нас экстерналии, но мы также берем деньги у других людей, потому что их благосостояние создает экстерналии для нас. Является ли тот факт, что мы берем деньги у дру-

гих людей, которые богаче нас, и тратим их сами, экстерналией, — это вопрос определения. Выше я упоминал Джеймса Бьюкенена и его отношение к оказанию помощи гражданам страны, а не иностранцам, или, точнее сказать, в большей мере гражданам, чем иностранцам. Он также испытывал сильную неприязнь к наследственному богатству. Однажды мы довольно долго диспутировали с ним на эту тему (Tullock 1997). Я послал статью о наследственном богатстве в один из журналов, и там ее опубликовали. Я рекомендовал, что в случае обложения наследства налогом этот налог должен быть просто суммой, максимизирующей доходы правительства. Бьюкенен не только не согласился со мной, но был чрезвычайно решителен в своем несогласии. Он выступал за полную отмену наследования богатства. Бьюкенен не выступил с письменной критикой моей статьи, но трое его аспирантов, вполне вероятно, вдохновленные его словами, написали к ней крайне отрицательные комментарии.

Повторюсь, в моей статье рекомендовалось, чтобы налоги на наследство не превышали тех, что приносили наибольшие доходы казне. На самом деле я не призывал повысить налоги до этого уровня, а мои разногласия с Бьюкененом были связаны с его желанием уменьшить наследуемое богатство, даже если это приведет к снижению налоговых поступлений, получаемых от состоятельных людей. Феномен уровня налогообложения, приносящего максимальный валовой доход, в то время как более высокие налоги на самом деле приносят меньший доход, принято называть «кривой Лаффера», хотя он намного старше администрации Рейгана. Лаффер, высокопоставленный чиновник в этой администрации, не утверждал, что он изобрел эту кривую, просто он объяснил ее смысл дру-

гим высокопоставленным чиновникам в правительстве. Представление, что снижение налогов при Рейгане должно было привести к большому процветанию и, следовательно, к большим налоговым поступлениям в казну, не входило в оригинальное рассуждение о кривой Лаффера, хотя и было поддержано многими чиновниками в администрации Рейгана. Сам же Лаффер поначалу не был большим сторонником этой точки зрения, но думаю, что спустя какое-то время он присоединился к тем представителям администрации Рейгана, которые ее поддерживали.

Но если не вдаваться в детали новейшей политической истории, то следует отметить, что многие люди, несомненно, ощущают некую отрицательную экстерналию, когда кто-то имеет больше, чем они. Мы можем ощущать отрицательную экстерналию от чьего-то богатства, даже если оно меньше нашего собственного. Рассмотрим феодала, жившего много веков назад, который обнаруживает, что у купца из города дела идут совсем неплохо, даже если он далеко не так богат, как феодал. Он может считать, что иметь столько денег пристало только знатным людям, а не простолюдинам. Большинство из нас посчитают это нежелательными эмоциями, но мы можем это понять. Еще более распространена зависть, которую мы испытываем к людям, имеющим больше денег, чем мы. К таким отрицательным экстерналиям может привести зависть не только к деньгам. Я могу завидовать высокопоставленным ученым, людям, получившим медаль Почета, или президенту Соединенных Штатов. Как правило, моральные авторитеты говорят, что такого рода зависть нежелательна. Я не отрицаю этого, а подчеркиваю, что это довольно распространенное явление.

Ограничиваясь неприязнью к людям, которые имеют больше денег по сравнению с нами, мы видим, что правительства принимают меры для уменьшения подобного рода экстерналии. Когда я пишу эти строки, в Вашингтоне идут острейшие споры между теми, кто хотел бы сократить налоги для наиболее богатых, и теми, кто выступает против. Ограничиваясь временно только второй группой, можно видеть, что испытываемая ими экстерналия складывается из двух компонентов. Одним из них является фактическое желание потратить благосостояние группы с высоким доходом, а другим — ощущение, что они сами идеально подходят для того, чтобы отнять этот высокий доход только потому, что богатые люди не должны иметь его.

Например, налог на доходы корпораций, вероятно, на самом деле не приносит настолько значительных сумм, которые мы могли бы получить от обычного подоходного налога, если бы первый был отменен. В самом деле, есть вероятность, что его наличие снижает общие налоговые поступления. Экономисты в целом возражают против налога на прибыль по нескольким техническим причинам. Этот налог побуждает корпорацию прилагать как можно больше усилий, чтобы получить капитал путем продажи облигаций, а не обычных акций, потому что налогом облагаются дивиденды, а не проценты, выплачиваемые по облигациям. Увеличение процента капитала, представленного облигациями, подвергает корпорацию большому риску, так как снижение выручки может привести компанию к банкротству. Следовательно, наличие налога на доходы корпораций делает экономику в целом менее стабильной.

К сожалению, это нравится простому человеку, потому что ему кажется, что он отбирает деньги у бо-

гатых. Когда экономисты отмечают, что с помощью налогов можно получить больше, если отменить налог на доходы корпораций, поскольку это увеличит совокупные сборы обычного подоходного налога на большую сумму, чем «потери» от отмены налога на доходы корпораций, они обычно сталкиваются с критикой со стороны простых людей. Отчасти это происходит из-за скептического отношения к расчетам экономистов, но отчасти это просто желание, чтобы богачи имели более низкий доход после уплаты налогов, даже ценой более низких общих налоговых поступлений.

Это наглядный пример экстерналии зависти. С моральной точки зрения мы можем это не одобрять, а экономист скажет, что защитник бедных режет курицу, несущую золотые яйца, но нам нетрудно понять людей, которые испытывают такие чувства. Я вижу в местных газетах карикатуры, вновь и вновь представляющие распространенные взгляды, потому что отмена налога на доходы корпораций является в настоящее время политической проблемой.

Зависть, конечно, грех, даже один из семи смертных грехов. Тем не менее она существует, и это пример отрицательной экстерналии, даже если я иногда виноват. Как экономист, я могу понять, какую выгоду мне сулит изобретение нового вида электронных гаджетов, даже если человек, который изобрел его, получает гораздо большую выгоду. Тем не менее я предпочел бы получать часть его денег, а не оставлять их ему. Как экономист, я понимаю, что мое материальное благосостояние улучшается, когда первопроходцы получают большие вознаграждения, но это я понимаю умом, а чувствую же я ревность. И я испытываю ревность к его выдающимся интеллектуальным спо-

собностям и материальному вознаграждению, которое они ему дают.

Эта экстерналия, созданная для нас людьми с высокими доходами, существует и в других местах. Если приехать в Мексику и порасспрашивать вокруг, то обнаружишь, что мексиканцы испытывают те же чувства в отношении почти всех американцев. Мы богаче их, и для большинства из нас это зависит не от наших собственных усилий, а от места нашего рождения. Я полностью разделяю их чувства, но в то же время очень рад, что им не позволяют на этом играть. Мало кто думает о мексиканцах как о вероятных агрессорах, однако они считают, что мы забрали себе Техас, Калифорнию и т.д. в агрессивной войне, что верно. Если бы не огромная разница в военной мощи, то люди, живущие в Калифорнии, могли бы столкнуться с реальной возможностью захвата их домов нашими гораздо более бедными соседями с юга. На самом деле причина того, что мы богаче мексиканцев, кроется не в том, что мы захватили эти регионы. Природных богатств в Аризоне не больше, чем в соседней Мексике. Но мексиканцы никак не понимают, что огромный диспаритет в уровне жизни был создан трудом и социальными институтами Америки. На уровне эмоций это легко понять. Но умом мы осознаём, что это не так. Однако, если бы у них была военная сила, они бы действовали на основе своего восприятия мира, а не нашего.

Желание со стороны некоторых бедных людей поделить богатство богатых существует и является экстерналией, на которую должна быть направлена соответствующая политика правительства. На самом же деле, мы не видим, чтобы все бедные люди получали большие трансферты от богатых. В настоящее время, полагаю, граждане в восточной части Конго живут

хуже всех на планете. Они не получают практически никакой помощи от состоятельной части мира. Люди, живущие в центральной части Вашингтона, округ Колумбия, гораздо более обеспечены и получают очень большие трансферты из мест, которые еще богаче. Причина этого, по сути дела, политическая. Чернокожее население Вашингтона, округ Колумбия, может голосовать на американских выборах. Чернокожее население Конго — нет.

До сих пор я рассуждал с точки зрения экстерналий. Теперь перейдем к другому фактору — поиску ренты*. Для этого нам нужно вернуться к моей ранней работе, в которой я обнаружил ошибку в том, что тогда было обычной вещью в экономической науке. Экономисты недолгобливают тарифы и монополии, но, как правило, сильно недооценивают их стоимость для общества. Сейчас я собираюсь обратиться к другой форме поиска ренты, прямая стоимость которой для общества несколько меньше. Когда люди голосуют за денежный трансферт для самих себя от кого-либо еще, появляются два вида издержек: во-первых, люди могут быть в состоянии сделать использование денег менее продуктивным, чем те, у кого деньги были взяты; во-вторых, они могут быть способны использовать их лучше. Если бы деньги до того, как их изъяли у одних, и после того, как их передали другим, пошли на потребление, то трудно сказать, привело бы это к увеличению или снижению общего национального благосостояния. Мы склонны считать, что, если у состоятельного человека не будет большого бассейна, он пострадает от этого меньше, чем сотня детишек из бедных семей, которую ли-

* Подробнее об этом см. в главе 9 настоящей книги.

шат возможности постоянно посещать общественный плавательный бассейн. Вместе с тем, если богатый человек использовал средства в инвестиционных целях, мы могли бы посчитать это более социально значимым, чем муниципальный плавательный бассейн.

Общая проблема, как разумнее поступить с деньгами: потратить их сейчас или во что-то вложить, — традиционно остается на усмотрение каждого. Я не могу решить эту проблему и не стану прилагать здесь никаких усилий для ее разрешения. Если мы возьмем деньги, которые в ином случае были бы инвестированы, и передадим их тому, кто потратит их, то следующему поколению от этого лучше не станет. С точки зрения простого потребления настоящее поколение будет более обеспеченным. Это компромисс между потреблением настоящим и потреблением будущим. Повторюсь, обычно мы не пытаемся навязать людям какое-либо решение, но в качестве некоего побочного продукта наша налоговая система может изменить их решение. В частности, забирая деньги у богатых и отдавая их бедным, поскольку наше государство всеобщего благосостояния поступает именно так, мы замедлим наши темпы экономического роста и поставим следующее поколение в худшее положение, чем оно могло бы быть, если бы мы поступили иначе. Но оно, вероятно, все равно будет жить лучше, чем нынешнее поколение.

Не думаю, что эти соображения играют важную роль в принятии решений, помогать или не помогать бедным, но при всестороннем обсуждении этого вопроса необходимо хотя бы упомянуть о них. И, сказав о них, я отложу рассмотрение этого вопроса. Читатели могут составить свое собственное мнение по данному вопросу или, если на то пошло, оставить его решение на потом. Насколько мне известно, нет ника-

кого способа определения оптимального темпа инвестиций и вследствие этого определения оптимальных темпов роста. Если читателям удастся разрешить эту проблему, надеюсь, они расскажут мне об этом, или, еще лучше, опубликуют подобное решение.

Частично тогда одним из мотивов для перераспределения доходов является простой случай экстерналии, когда я расстроен печальными обстоятельствами жизни других людей, которые могут быть мне близкими родственниками, дальними родственниками, друзьями или даже незнакомцами, о которых я случайно узнал. Жертвы наводнения в Венесуэле оказались бы отнесены к последней категории, но там же окажутся и те граждане Соединенных Штатов, которые находятся в бедственном положении. Тем не менее существует и другой мотив, который, как я считаю, можно назвать простым эгоизмом. Я страдаю от экстерналии, порожденной существованием других людей, которые находятся в лучшем положении, чем я. В этом нет ничего общего с упоминанием о последнем мотиве для перераспределения доходов, или по крайней мере это не принято называть экстерналией. Однако, если часть или все их доходы полностью будут переданы мне, мое благосостояние улучшится. По моему мнению, большая часть трансфертов правительственного дохода мотивирована этим довольно простым фактом. Не сомневаюсь, что мы сочувствуем бедным и готовы им помочь; но замечу, что помощь, которую мы распределяем для тех, кто может голосовать, значительно больше, чем сумма, распределяемая нами среди людей, которые не могут голосовать на наших выборах — например, граждане Конго.

Наше правительство производит трансферты тем, чей уровень благосостояния не очень высок, или тем,

чье положение без этих трансфертов может заметно ухудшиться. Мы производим также значительные трансферты людям, которые живут в достатке, например фермерам. Все развитые страны имеют обширные программы для повышения цен на сельскохозяйственные товары, произведенные фермерами. Я мало что — если вообще что-то — могу сказать в пользу нашей программы, но она причиняет меньше вреда нефермерам, чем программы в Европейском союзе, Японии или Корее. Полагаю, что худшим единичным примером такого рода трансферта зажиточному меньшинству является поддержка производителей сахара на юге Флориды, большую часть которой получает одна семья. Но все же мы не грабим потребителей так бессовестно, как в других странах.

Во всех случаях эти крупные трансферты зажиточным фермерам объясняются политической властью фермеров. Когда эти программы впервые были запущены в США, фермерское сообщество было не столь преуспевающим на тот момент, как сейчас. Тем не менее они считались далеко не самыми бедными людьми в нашей экономике. Более того, эта программа фактически нанесла ущерб беднейшим слоям населения в сельскохозяйственном секторе — чернокожим издольщикам на юге страны. У владельцев земли, где были издольщики, дела шли хорошо, но они уже были достаточно обеспечены, даже если им было жалко себя. Конечно, в это время наша сельскохозяйственная программа набирала обороты, издольщики были чернокожими и не могли голосовать. Неудивительно, что их интересы по большому счету игнорировались, поскольку они жили на глухом юге. Очень многие из них двинулись на север, и машины большого города, контролирующие политическую жизнь, не только до-

пустили их к голосованию, но и побуждали их к этому, если они голосовали «правильно». И даже больше, чем более поздние решения Верховного суда, способствовали улучшению положения чернокожего населения. Изначальная фермерская программа, хотя и в значительной степени помогала белым фермерам на Среднем Западе и в других областях, где было мало чернокожих, больше поддерживала землевладельцев Юга.

8. Обзор существующей системы

В этой главе внимание сосредоточено прежде всего на описании того, какие, собственно, действия предпринимают правительства разных стран, и в частности американское, в ответ на экстерналии. В ней я опираюсь преимущественно на модель, разработанную мною в моей книге «Экономика перераспределения дохода» (Tullock 1997). В некотором смысле она носит скорее описательный, чем теоретический, характер, но пришлось уделить определенное внимание рассмотрению вопроса о том, почему мы делаем то, что мы делаем.

Современное государство всеобщего благосостояния — отчасти только продолжение привычной деятельности правительства по оказанию помощи тем, кто находится в особенно плохом положении. В нашей собственной истории этим поначалу занималась главным образом церковь, но довольно скоро такие вопросы перешли в ведение местных органов власти. Тем не менее современной системой произведен целый ряд радикальных изменений, начало которым, по сути, как отмечалось выше, было положено Бисмарком, попытавшимся побороть социалистов в кайзеровской Германии. По иронии судьбы вся программа целиком была позаимствована и расширена людьми

ми, называющими себя социалистами. Кроме того, на данный момент это почти все, что осталось от социализма. Государственная собственность в экономике и плановая экономика в настоящее время не в моде. Все правительства, включая социалистические, пытаются избавляться от предприятий, которыми они владеют или управляют. Прогнозировать (как выразился Сэм Голдвин, «особенно будущее»)* трудно, и мне не хочется, чтобы мои читатели чувствовали сильную зависимость от моих прогнозов. И все же я думаю, если предположить, что нынешнее устройство сохранится и, возможно, расширится, — это будет наиболее верным сценарием.

В основном мое внимание уделено тому, что происходит в Соединенных Штатах. Это объясняется тем, что я знаю об этом больше, чем о ситуации в других странах, но время от времени я обращаюсь к опыту таких стран, как Великобритания и Германия, если их системы радикально отличаются от нашей. В принципе, деятельность государства всеобщего благосостояния, в значительной степени представляющего собой наследие Бисмарка, подразделяется на четыре основные категории. Во-первых, пенсионная система для пожилых; во-вторых, оказание помощи больным. В последнем случае американская система менее щедра, чем во многих других странах, хотя здесь ситуация может меняться. В-третьих, некая система

* Давным-давно, когда я впервые услышал эту фразу, мне сказали, что автором ее является Голдвин. Это хорошо согласуется с его обычными языковыми трудностями. Однако позднее я слышал, что эти слова приписываются другим, включая как минимум двух лауреатов Нобелевской премии.

оказания помощи людям, которые просто являются бедными — и чаще всего не потому, что у них нет работы. В-четвертых, множество более или менее разнородных мер — таких, например, как, по словам одной из ежедневных газет, «меры по недопущению резкого сокращения популяции тюленей и каланов китами-убийцами»*.

Рассмотрим по порядку эти программы, начиная с проблемы пенсий по старости. Чтобы было понятно, я расскажу небольшую вымышленную историю о вымышленной стране. Предположим, была такая страна, где все ходили в школу и находились на иждивении родителей до двадцати лет. А затем работали, получая стандартный заработок, до шестидесятипятилетнего возраста и выходили на пенсию. Умирали в восемьдесят, прожив после пенсии пятнадцать лет на свои сбережения и проценты. Предположим, что эти сбережения и выплаты процентов таковы, что после выхода на пенсию можно продолжать тратить почти столько же, сколько тратилось, когда они работали.

И в этот момент появляется Бисмарк со своим предложением. Он предлагает прекратить создавать сбережения, заявляя, что государство получает достаточно налогов, чтобы теперь выплачивать пенсии по старо-

* Обратите внимание, я использую термин «киты-убийцы» вместо «каساتки». В течение длительного времени прогрессивные люди настаивали на использовании слова «касатка» вместо «киты-убийцы». В статье из *Washington Post*, которая сподвигла меня разобраться в этой проблеме, вновь использовалось словосочетание «киты-убийцы», предположительно, из-за злобного поведения этих опасных морских млекопитающих, которые нападали на другие охраняемые виды животных с гораздо большим умением, чем волки — на оленей.

сти тем, кто уже вышел или собирается выйти на пенсию. Так как они не будут получать проценты со своих сбережений, то это может показаться на первый взгляд менее желательным, чем предыдущая система. Тем не менее система, предложенная Бисмарком*, на самом деле приведет к некоторому увеличению пенсий, так как национальный доход на душу населения растет. В некоторых описаниях этой схемы говорится, что налоговые выплаты представляют собой инвестиции в национальный доход, и они растут вместе с ростом национального дохода. Предполагается, что они растут не так быстро, как процентная ставка, но и не значительно медленнее. Таким образом, пенсионеры будут жить почти так же неплохо, как если бы делали сбережения. Налог будет примерно таким же, как и предыдущие сбережения, но здесь важно отметить, что каждый, у кого имелись сбережения, накопленные к моменту принятия этой системы, теперь мог тратить их без ущерба для той суммы денег, которую будет получать в старости. Если предположить, что темпы роста такие же, как и величина процентной ставки, то их положение существенно улучшится. В дальнейшем, если они сочтут правительство полностью заслуживающим доверия, а страховые компании — не настолько, то смогут ощутить, что они оказались в значительном выигрыше.

Вопрос о надежности перспектив частных инвестиций, например страховых компаний, остается, конечно, открытым. Компании разоряются или по мень-

* Здесь я несправедлив по отношению к Бисмарку, так как то, что было создано им первоначально, оказалось гораздо лучше того, что описываю я, хотя довольно быстро превратилось как раз в то, что описано мной.

шей мере ошибаются при выборе инвестиций, что уменьшает выплаты. Это реальная опасность. Однако в XX веке перспектива банкротства правительства казалась еще более реальной. Длительные периоды инфляции или краткие периоды гиперинфляции могут привести к резкому обрушению или даже полной отмене государственных пенсий. Реальная стоимость доллара сейчас составляет всего лишь около 10% от той, какой она была в момент вступления в силу закона о социальном обеспечении. Однако Конгресс повысил пенсии, так что большой потери нет.

Нынешнее положение пожилых людей в бывшем Советском Союзе — хороший пример неосмотрительного доверия властям. Но, конечно, дело не только в этом: сокращение государственных программ из-за инфляции, радикальные политические изменения или иностранные завоевания тоже довольно частые явления. Одна из причин, почему чилийскому президенту Пиночету удалось заменить схему пенсии по возрасту на систему частных инвестиций, не вызывая революции, заключалась в том, что инфляция и другие виды неумелого руководства привели дисконтированную стоимость существующих правительственных программ пенсионного обеспечения к тому, что она оказалась настолько низкой, что их финансирование правительственными облигациями фактически никому не причиняло ущерба. Нельзя зависеть как от частных банков или страховых компаний, так и от правительства. «Не складывать все яйца в одну корзину» — всегда было дельным советом.

Для простоты восприятия предположим, что в моей вымышленной стране рост ВВП в точности соответствует величине процентной ставки. Это означает, что сумма сбережений и годовой налог, необходимые

для частных вариантов пенсионного обеспечения, и выплата пенсии после шестидесяти пяти лет будут одинаковыми при двух различных видах пенсионного обеспечения по старости*.

Следовательно, введение этой схемы Бисмарком выгодно всем, кто был достаточно взрослым, чтобы платить налог или делать сбережения, но для людей старшего возраста это выгоднее, чем для молодых, так как у них больше сбережений, которые теперь можно тратить.

Тем не менее эта схема — ловушка. Любое предложение об увеличении налогов и пенсии или другие преимущества приносят выгоду всем, кто был достаточно взрослым, чтобы платить налог, так как по крайней мере часть налога будет заплачена по прежней ставке, а новая пенсия станет выплачиваться при наступлении шестидесяти пяти лет**.

С другой стороны, любое предложение о сокращении пенсии наносит ущерб всем, кто намного старше того возраста, когда начинается сбор налогов, поскольку та часть налогов, что уже выплачена, назад им уже не вернется ввиду сокращения. Таким образом, эта система — ловушка, вызывающая постоян-

* Читатели легко могут произвести поправки в уме, чтобы привести модели в соответствие с реальной ситуацией. Если же они не хотят заниматься такими расчетами, то могу заверить, что изменения будут невелики.

** Если предположить, что рост ВВП происходит медленнее, чем рост существующих процентных ставок, и если нет банкротств, то порог безубыточности будет достигнут через несколько лет после введения налога. Повторюсь, читатели легко могут произвести корректирующие расчеты, исходя из разницы между темпами роста и процентной ставкой.

ные требования увеличения выплат и постоянное сопротивление их сокращению. Но заметьте, что одно стандартное предложение по усовершенствованию системы — повышение планки пенсионного возраста выше шестидесяти пяти лет, так как теперь люди живут значительно дольше, оставаясь при этом достаточно крепкими, чтобы и работать намного дольше, чем раньше, — не дает никаких преимуществ для вновь выходящих на пенсию и ущемляет всех тех, кто начал платить налоги. И общая сумма пенсий и общая сумма налога могут быть сокращены, хотя та его часть, которая уже была выплачена, не будет возвращена. Не существует никакой суммы, накопленной от предыдущих нераспределенных налогов, чтобы производить такие выплаты (Tullock 1997).

В момент принятия схемы пенсионного обеспечения по старости средняя продолжительность жизни свыше шестидесяти пяти лет была очень низкой, а в настоящее время она значительно увеличилась. Помимо этого, большинство пожилых людей продолжали работать, если у них имелась работа (это было в период Великой депрессии), а не выходили на пенсию по достижении этого возраста. В те времена на пенсию выходило незначительное число людей, исключение составляли только очень богатые. Пожилым людям свойственно было переходить на более легкую работу, и большинство из них жили со своими детьми. Обе мои бабушки умерли в нашем доме. Они выполняли разную работу по дому в последние годы своей жизни, так что нельзя сказать, что они на самом деле вышли на заслуженный отдых. С другой стороны, казалось, что они наслаждались своей не слишком обременительной работой по дому и присмотром за внуком.

Схема, которую мы приняли, делает чрезвычайно мало в плане уравнивания доходов. Когда она впервые начала действовать в Соединенных Штатах, выплачиваемая пенсия зависела до некоторой степени от облагаемого налогом дохода того человека, который выходил на пенсию. С течением времени это свойство было по большей части устранено, но по-прежнему остается верным, что люди с высоким уровнем дохода, как правило, живут дольше людей с более низкими доходами и, следовательно, получают от системы социального обеспечения больше денег. Налог — это процент от заработной платы, имеющий верхний предел, хотя Бисмарку, как блестящему политику, удалось убедить большинство наемных работников, что их работодатели платили половину суммы налога, не вычитая ее из заработной платы работника. Существует максимальный налог независимо от размера зарплаты, так что эта система не слишком прогрессивная.

Все сводится к тому, что я называю «горизонтальным перераспределением». Для среднестатистического работника сумма, которую он получает обратно, уже рассчитанную актуарно, приблизительно равна тому, что было внесено им, плюс проценты. Но эта средняя величина выглядит несколько странно. У тех, кто умирает раньше, выплата пенсии прекращается с их смертью, и, следовательно, они получают значительно меньше того, что было заплачено ими. Те, кто живут долго, получают больше, чем они заплатили. Конечно, тот факт, что некоторые люди практически ничего не платят в силу того, что являются безработными или по крайней мере бедными, действительно уменьшает их пенсии. Тем не менее система, вероятно, производит значительное перераспределение от людей с высоким уровнем дохода

в пользу бедных. И неясно, так ли велико это перераспределение, как и перераспределение от умерших рано, тем, кто живет долго. Милтон Фридман обычно говорил, что это была навязанная покупка плохой страховки*. На самом деле, она не так уж плоха, и я не думаю, что мы могли бы продавать программу страхования на добровольной основе. Даже люди, убежденные в необходимости такой системы и использующие свои голоса в ее поддержку, по всей видимости, не стали бы покупать ее добровольно.

В большинстве стран эта программа представляет собой наиболее значительное перераспределение доходов во всей системе в целом. В первую очередь она помогает старым и ущемляет молодых, в остальных отношениях относительно слабо влияя на распределение доходов. Думаю, ее большая популярность объясняется тем, что основная масса населения выиграла, когда эта система только была установлена, поскольку они начали получать пенсии, на самом деле не оплатив большей ее части; и, если она будет отменена, это заденет очень большое число людей, так как проигравшими опять-таки окажутся люди, которые сейчас живы, по сути, почти все, кто старше, скажем, двадцати пяти лет. Если не принимать в расчет разницы между процентными платежами и темпами роста, то никто за свою жизнь не пострадал от сохранения этой схемы.

То же самое можно сказать и об изменениях в программе. Увеличение налогов и пенсий выгодно всем, кто достаточно стар, чтобы та сумма, которая будет вы-

* «Take It to the Limits: Milton Friedman on Libertarianism», <http://www.hoover.org/multimedia/uncommon-knowledge/26936>.

плачиваться в виде налогов, оказалась не столь же велика, как и должным образом рассчитанная величина пенсии. Это касается почти каждого. С другой стороны, любое сокращение программы задевает всех, за исключением самых молодых, которые еще не произвели платежи в фонд. Конечно, выигрыш или проигрыш меньше для тех, кто только начал вносить платежи, и больше для тех, кто собирается выйти на пенсию или уже на пенсии.

Хочу еще раз высказать свое мнение, что главной причиной широкой популярности программы является решение Бисмарка провозгласить, что половина расходов должна оплачиваться работодателями. Видимо, среднестатистический рабочий не осознает того факта, что он стоит для работодателя меньше, если работодатель должен платить его половину, и, следовательно, его заработок снижается, так как фактически он платит обе половины. На самом деле работодатель предоставляет в фонд один чек, но это не очевидно для работника.

Если посмотреть на это с точки зрения всей экономики, то потери небольшие. Предположительно, с системой люди сберегают денег меньше, чем это было бы с предыдущей программой, следовательно, темпы роста экономики и, конечно, уровня жизни несколько ниже после того, как система проработает определенный период времени. Однако издержки эти косвенные и рассчитать их величину не так-то просто; и я полагаю, что большинство людей, голозовавших по данному вопросу, не представляют величину фактических издержек. После того как Клинтон впервые был избран президентом, была предложена медицинская программа, 80% которой оплачивалось бы работодателями. Программа не прошла, но,

если я правильно помню, ложное утверждение о том, что работодатели будут выплачивать бóльшую часть, не было замечено большинством людей, которым на самом деле пришлось бы платить за все. Бисмарк был настоящим политическим гением.

Вторая крупная реформа Бисмарка — в области медицины. Чтобы объяснить ее, я сделаю небольшой экскурс в историю медицины. Приблизительно до 1880 года место микробов, как причины болезни, было мало известно, и врачи и больницы во многих случаях служили передатчиками заболевания от больного здоровому. Вполне вероятно, что первый этап медицинских реформ Бисмарка, согласно которым больным предоставлялись лекарства и обеспечивалась госпитализация, повлиял на рост смертности. Однако вскоре после этого одним из соотечественников Бисмарка была выдвинута теория передачи заболеваний микроорганизмами, и врачи и больницы принялись чуть ли не фанатично заботиться о санитарии, чтобы пациентам не передавались болезнетворные микробы. Это мало помогло в лечении заболеваний, но резко снизило скорость распространения инфекционных болезней, а также означало, что хирургические операции стали гораздо безопаснее и в этой области был достигнут значительный прогресс. И все же тогда в целом люди, которые были больны, но их заболевания не требовали хирургического вмешательства, не получали сколь-либо существенного лечения. Возможно, пребывание в больнице могло быть для них удобнее, но их выздоровление не происходило от этого намного быстрее.

В 1930-е годы в медицине произошла великая революция. Помню, я увидел сидящую на крыльце соседку, которая выглядела больной. Я спросил об этом маму,

и она ответила, что у соседки — пневмония. Сначала я не поверил ей, потому что это заболевание в те дни означало месяц-полтора на больничной койке и сорокапроцентную вероятность смертельного исхода. Когда я стал расспрашивать дальше, она сказала, что сейчас появилось новое лекарство. Это был сульфаниламид. Мы называли его чудо-препаратом; и действительно, официально одобренное лекарство стало доступным всего несколько лет назад и обладало чудодейственными свойствами. Конечно, появление сульфаниламида было только началом. Сегодня в распоряжении врачей имеется большое количество препаратов, токсичных для микроорганизмов, но не для человека. Инфекционные заболевания, которые были страшными убийцами на протяжении истории человечества, теперь стали относительно несущественными. Есть еще несколько видов микробов, которые нами пока не изучены, и все еще сохраняются серьезные опасности, исходящие, в частности, от вирусов, но в целом мир меняется очень быстро.

В Германии главным фактором здоровья стала поддерживаемая государством система здравоохранения, которая была скопирована многими другими странами, а затем, хотя и не сразу, Соединенными Штатами. До окончания Второй мировой войны у нас не было общего медицинского страхования или государственных программ. Даже на сегодняшний день государственные программы не охватывают большинство людей в возрасте до шестидесяти пяти лет и лиц, достаточно обеспеченных, чтобы не подпадать под действие благотворительных программ.

Прежде чем обратиться к нашей нынешней системе, хотелось бы немного сказать о ситуации накануне Второй мировой войны, когда я был моложе. Во-пер-

вых, власти, главным образом местные, содержали больницы и обеспечивали свободный доступ к ним для бедных. Кроме того, врачи не взимали плату с бедных. Помню, лучшая больница в моем городе находилась в ведении муниципалитета и в ней взималась плата с тех, кто был в состоянии платить, и лучшие врачи обычно посылали своих пациентов туда. Но и бедных, если у них не было неизлечимого заболевания, также направляли туда же. Если они были инвалидами, то имелась другая система, также поддерживаемая городскими властями, которая обеспечивала их лечение. Так как большинство таких людей были пожилыми, его называли домом престарелых. Я никогда не был внутри, но внешне это здание смотрелось весьма впечатляюще. Несколько подобных объектов существуют до сих пор. Как правило, их работа финансируется в рамках общей системы социального обеспечения.

Во время Второй мировой войны в Соединенных Штатах произошли весьма любопытные изменения. Возвращаясь к предыдущему обсуждению, американское правительство, как и многие другие, частично платило за войну посредством инфляции. Чтобы скрыть тот факт, что правительство пошло на инфляцию, был установлен контроль за ценами, что также распространялось и на заработную плату. Для привлечения большего числа рабочих при острой нехватке рабочей силы большинство работодателей хотело бы увеличить их зарплаты. Строго говоря, это считалось незаконным, но был предложен обходной путь. В 1930-е годы больницы и медицинское страхование развивались на частном рынке. В сделке с профсоюзами было решено, что работодатели могут купить медицинскую страховку для своих сотрудников, невзирая на кон-

троль над заработной платой. Помимо этого, стоимость страховки не была частью доходов работников, подлежащей налогообложению. Любое частное лицо, пожелавшее приобрести медицинскую страховку самостоятельно, должно было платить подоходный налог со своего совокупного дохода, причем стоимость медицинской страховки не вычиталась из его налогооблагаемого дохода. Уверен, что никто из тех, кто разрабатывал такую схему во время войны, не осознавал, каковы будут долгосрочные последствия.

В любом случае такой налоговый механизм сохранился и после окончания войны. Это означало, что люди, нанятые достаточно крупными предприятиями, чтобы представлять интерес для страховых компаний, которые будут готовы продавать медицинскую страховку для всей группы полностью без медицинского освидетельствования, получали эту страховку, стоимость которой вычиталась из их дохода до уплаты налогов. Самозанятые работники или работники небольших компаний сталкивались с большими проблемами при получении этого вида медицинской страховки. Они могли бы, конечно, получить страховку на индивидуальной основе, но, так как для этого им надо было платить за страховку из дохода после уплаты налогов, это было довольно дорого. Кроме того, различные государственные законодательные органы приняли законопроекты, делавшие невозможным для страховых компаний принимать во внимание состояние здоровья их потенциальных клиентов при эффективном расчете их премий. В результате чего индивидуальная медицинская страховка, приобретенная в частном порядке, стоила весьма дорого, и многие из тех, кто считали, что у них хорошее здоровье, не покупали страховки.

Большинство европейских стран имели поддерживаемые государством программы медицинского страхования, охватывавшие практически всех. Соединенные Штаты сделали некоторые шаги в этом направлении, начав предоставлять медицинское страхование людям старше шестидесяти пяти лет и тем, кто был признан малоимущим. Но довольно большое количество людей не имеет вообще никакой медицинской страховки. Это никоим образом не было запланировано, а стало результатом действия ряда отдельных программ, которые никто не пытался связать воедино.

К тому же существовала еще четвертая программа медицинского страхования. Большинство больниц имели отделения неотложной помощи, и Конгрессом предписывалось, что они должны принимать всех обратившихся за помощью и обеспечивать пациентов всем перечнем лечебных мероприятий до полного выздоровления или перевода в другую больницу с соответствующим лечебным оборудованием. Больнице разрешалось выставлять этим пациентам счет, но получить оплату было трудно, если у больного не было страховки. В итоге стоимость такой госпитализации оплачивается остальными пациентами больницы, которые платят по более высоким счетам. Так как многие из них имеют страховку, это означает, что взносы, уплачиваемые по такой страховке либо самим пациентом, либо его работодателем, оказываются более высокими и, следовательно, частная покупка страховки становится еще менее выгодным делом.

В подобной системе нет никакого порядка, но мы не можем винить в этом Бисмарка. Движение к полному покрытию страховкой, как и в большинстве других развитых стран мира, представляется вероятным

в будущем. Таким образом, это одна из областей, где американская система не слишком похожа на другие государства всеобщего благосостояния.

Бьюкенен давным-давно указал на существование некоей политической трудности в этой системе. Когда человек болен, он хочет получить как можно лучшее лечение, которое стоит дорого. Когда же он чувствует себя хорошо, то ему хочется сэкономить за счет правительства. В любой временной отрезок здоровых людей всегда больше, чем тех, кто нуждается в лечении. Голосов за экономию всегда больше, чем за дорогостоящие процедуры. Отсюда почти неизбывная политическая проблема. Длительное время ожидания в очередях вызывает жалобы, как и неадекватное лечение. Институт Фрейзера в Ванкувере публикует ежегодные статистические данные об очередях на лечение серьезных заболеваний в Канаде. Одним из результатов таких публикаций стало сокращение очередей, даже если они все равно длиннее, чем хотелось бы тем, кто нуждается в операциях на сердце. Почти все страны проходят через сменяющие друг друга фазы беспокойства о неадекватном лечении и о ненужных затратах. Следует отметить, что частные страховые компании столкнулись с теми же проблемами, и нет никаких оснований полагать, что они справятся с этим лучше. Это характерно для медицинского лечения по страховке.

Медицинское лечение в равной мере идеально подходит для страхования и не поддается ему. Частота заболеваний для общества в целом рассчитывается актуарно и, таким образом, подходит для страхования. К сожалению, существует то, что страховые компании называют «риском недобросовестного поведения». В медицинских областях это носит эндемический ха-

ракти. Выше мы обсуждали это, говоря о желании больных получать как можно больше эффективно го лечения. Повторюсь, это проблема, присущая медицинскому страхованию как таковому, независимо от того, предоставляется ли оно государством или частным образом. Тем не менее об этом говорят чаще, и это вызывает более широкий протест, когда мы имеем дело с государственной, а не с частной программой.

Чтобы избавить читателя от обычно обескураживающего характера данной дискуссии, позволю себе рассказать один забавный случай. В Канаде существует закон, запрещающий оплачивать работу врачей или иные медицинские услуги лично. А так как большинство канадцев живут в непосредственной близости от американской границы, то это не представляет для большинства из них большой проблемы. В Канаде можно купить даже медицинскую страховку, по которой будут оплачены медицинские услуги, предоставляемые в США, так что это правило представляет всего лишь небольшое неудобство для многих граждан. А вот компьютерные томографы — это дорогостоящая диагностическая аппаратура. Когда я впервые узнал об этой проблеме, в Тусоне, где я тогда жил, томографов было больше, чем во всей Канаде. Однако в Канаде эти машины не использовались круглосуточно, потому что по программе медицинского страхования оплачивалась лишь ограниченная часть дня. Каким-то ветеринарам пришла в голову идея, что они могли бы арендовать это оборудование в тот период, когда оно все равно простаивает, для проведения диагностики собак. В *Wall Street Journal* была опубликована статья, в которой говорилось, что в Канаде собаки могут получить направление на компьютерную томографию, а человек — далеко не всегда. Это вызвало скандал.

и канадское правительство отреагировало незамедлительно, приняв закон, запрещающий проводить компьютерную томографию собакам. Не знаю, могут ли они по-прежнему делать ее кошкам.

В этом отношении Канада не далеко ушла от того, что происходит в других странах. Большинство государственных программ, направленных на предоставление медицинской помощи, содержат в себе по крайней мере несколько правил, цель которых — воспрепятствовать обращению людей к частным врачам. Лицам с высоким уровнем дохода свойственно искать частное медицинское обслуживание, а не лечиться по государственной программе, и, видимо, правительство понимает, что это повредит репутации их медицинского обслуживания. Германия представляет собой исключение в том смысле, что там существуют официальные правовые положения, позволяющие лицам с высокими доходами не лечиться по государственной программе. Однако обычно государство не одобряет такой подход, даже если оно и не в состоянии препятствовать этой возможности. Насколько более дорогостоящее медицинское обслуживание для богатых лучше с медицинской или просто с социальной точки зрения — по части комфортности (и лучше ли вообще), — я не знаю.

Обратимся теперь к медицинской проблеме, которая, несомненно, затрагивает экстерналии и которая на протяжении всей истории побуждала правительство принимать меры. Речь идет об инфекционных заболеваниях. В тот момент, когда я писал эту главу, в СМИ много говорилось о синдроме атипичной пневмонии — SARS. На самом деле, это мелочи по сравнению с такими заболеваниями, как эпидемия испанского гриппа в конце Первой мировой войны,

или ряд таких инфекционных болезней, как корь. Китаю, где и возникла эпидемия SARS, число жертв которой достигло трехзначных чисел, с ней до сих пор не удалось справиться. Тем не менее она заслуживает внимания, а китайское правительство критикуется не только людьми, которым оно не нравится по другим причинам. Будем надеяться, что ученые найдут эффективное лекарство.

А теперь обсудим общие проблемы инфекционных заболеваний и наиболее соответствующие действия правительства по предотвращению их распространения. Когда я был ребенком, были широко распространены детские болезни, к которым применялись правовые карантинные меры в отношении семьи, где находился больной малыш. Приходил работник системы здравоохранения и прикреплял на вашу дверь специальный знак, и никто, кроме членов семьи, не мог войти или выйти из помещения. Вероятно, такие правила до сих пор не отменены. Насколько мне известно, против этого не возражал никто: ни сторонники ограничения государства, ни даже анархисты. Конечно, это тот случай, когда экстерналиа столь велика, что единственный орган, который может ввести карантин, — это правительство. Помимо карантинных мероприятий зачастую действенной оказывается вакцинация — путем проведения прививки того или иного вида. Во время путешествий по Дальнему Востоку мне каждый раз при пересечении государственных границ медики делали инъекцию. Даже наличие у меня дипломатического иммунитета не позволяло мне избежать этой немного болезненной процедуры. И поэтому я не сомневаюсь, что им действительно удалось снизить смертность от некоторых заболеваний в отдельных регионах.

Прививки или другие профилактические меры, включая введение препаратов в кровь, представляют собой ту или иную опасность. Обычно вероятность такой угрозы очень мала, но не равна нулю. Всемирная широкомасштабная кампания по уничтожению оспы, когда прививки делались всем, даже тем, кто находился за много миль от очага данного заболевания, оказалась очень успешной. К сожалению, некоторые страны сохранили вирус для возможного использования в будущих войнах. Еще одной досадной характеристикой является то, что сам процесс прививания несет в себе пусть и ничтожно малую, но не нулевую вероятность серьезной болезни. В результате те правила, которые существовали во времена моего детства, требовавшие, чтобы каждый ребенок был привит, были отменены из-за таившейся в прививке предполагаемой угрозы, которую посчитали гораздо выше опасности от почти полностью ликвидированного на тот момент возбудителя. Сегодня угроза возвращается, частично в виде возможности биотерроризма. В настоящее время правительству очень трудно заставить людей, особенно взрослых, пройти вакцинацию, поэтому может возникнуть рецидив конкретно этой болезни. Несомненно, возражения против вакцинации быстро исчезнут, как только опасность болезни станет очевидной для рядового гражданина.

Стоит упомянуть, однако, другой случай, когда заболевание было практически уничтожено, а затем вновь возникло — из-за столь популярных возражений против профилактических мероприятий. Использование ДДТ позволило почти полностью уничтожить переносчиков малярии — малярийных комаров, а вместе с ними и саму малярию. Органы здравоохранения почитали, что они выиграли битву, но потом они обна-

ружили, что было еще одно сражение, которое они проиграли. Одна женщина по имени Рейчел Карсон написала книгу под названием «Безмолвная весна», которая содержала широкие нападки на инсектициды, в частности ДДТ. Слово «малярия» в книге вообще не упоминалось, а речь шла главным образом о судьбе птиц. Малярия вернулась, фактически от нее ежегодно погибают более миллиона человек, в основном дети в Африке. Влияние экологического лобби, однако, настолько сильно, что вопрос о массовом использовании ДДТ в этой связи даже не поднимался. Позднее было высказано предложение о необходимости обучения африканцев пользоваться противомоскитными сетками, распылив на них ДДТ на ночь. Простое распыление инсектицида по стенам африканских хижин тоже может помочь. Тем не менее маловероятно, что в ближайшем будущем мы вернемся к почти нулевой смертности от малярии.

Существуют и другие области, где экстерналии побуждают государство принимать меры по борьбе с болезнями. Некое новое лекарство может быть разработано частным образом для продажи, и есть крупные корпорации, уделяющие все свое внимание данному вопросу. С другой стороны, фундаментальные исследования в области заболеваний, говоря в общем, нельзя отдавать на откуп частному рынку, и очевидно, что они будут иметь положительные экстерналии, если окажутся успешными. Предложение, чтобы частные компании проводили практические исследования лекарств, а правительство занималось фундаментальными исследованиями в этой области, осуществить не трудно, но во многих конкретных случаях довольно сложно будет провести соответствующую грань. Думаю, можно утверждать, что наша нынеш-

няя система делает усилия по борьбе с заболеваниями, используя как раз такое разделение труда. Трудно сказать наверняка, но я подозреваю, что рассуждения, подобные тому, что было приведено выше, лежат в основе нынешней организации медицинского научно-исследовательского сообщества. В любом случае мне на ум не приходит ничего, что можно было бы порекомендовать для усовершенствования.

Теперь перейдем к заключительной части этой главы. Безработица являла собой проблему для многих современных стран. Это, к сожалению, трудноразрешимая проблема, потому что любые усилия, направленные на обеспечение дохода для безработных, приводят к ослаблению их стимулов к труду. Допустим, мы платим 10 000 долларов в год каждому безработному. Вряд ли он согласится пойти работать за 5000 долларов в год, но он будет также слабо мотивирован, если станет получать 12 000 долларов в год. В конце концов, многие работы скучны и утомительны, и если твой выигрыш составляет всего 2000 долларов в год, то вряд ли стоит и беспокоиться. Таким образом, выплаты по безработице вполне могут увеличивать количество безработных. Противовесом, что бы мы о нем ни думали, служит минимальный доход, который станет получать американский или английский гражданин, несмотря на вероятность того, что для некоторых людей он создаст мотивацию оставаться безработным.

В современном мире, там, где существуют очень жесткие ограничения на иммиграцию, значительная часть потенциальной рабочей силы в той или иной взятой стране может состоять из нелегальных иммигрантов, которые на самом деле рады были бы получить разрешение на работу даже за минимальную ставку или того меньше, потому что это все равно на-

много выше того, что они могли бы заработать у себя на родине. Хотя они готовы работать за меньшее вознаграждение, чем установленный законодательством минимальный размер оплаты труда, их работодатель нарушит закон, если наймет их. Это сложная проблема, в которой обычно обвиняют нелегальных иммигрантов, кем бы они ни являлись — мексиканцами в США или турками в Германии.

Тот факт, что минимальная заработная плата достаточно высока, вследствие чего не все трудоспособные лица могут получить работу, нежелателен, но существование слишком высоких выплат по безработице еще хуже. Должно быть, и в Германии, и во Франции есть немало людей, решивших сделать карьеру безработных и жить на пособие по безработице. Такое уже встречалось. В 1920-е годы Англия в целом была весьма процветающим государством, но имела крупномасштабную проблему безработицы. Экономические исследования свидетельствуют о том, что, похоже, основная проблема заключалась в излишне высоком пособии по безработице.

Мы должны надеяться, что выплаты по безработице не будут такими высокими, но их снижение всегда сопряжено с политическими сложностями. Против этого возражают и безработные, и голосующие против политиков, которые сокращали выплаты, и профсоюзы. В этом отношении Франция и Германия сталкиваются с серьезными проблемами, особенно учитывая то, насколько сильны в них профсоюзы. Кроме того, в Германии в любом случае, как только работник нанят, впоследствии его будет очень сложно уволить. В этих условиях тяжело наняться на работу тому, кто является безработным, поскольку потенциальные работодатели считают его неудовлетворительным ра-

ботником, с которым у них будут проблемы. Это также ослабляет для него стимулы к добросовестному и квалифицированному труду, так как работодатель не штрафует за плохую работу.

В Соединенных Штатах и, в сущности, в большинстве западных стран, кроме Германии, увольнять людей можно, даже если это сложно и утомительно. Следует иметь в виду, что трудности при увольнении работников работодателем снижают вероятность найма таких работников, но можно попытаться установить баланс между этими двумя факторами. Другая проблема, когда выплаты по безработице могут быть достаточно высокими, чтобы удерживать людей от работы, является более сложной. Соединенные Штаты недавно приняли новый революционный метод. Если лицо, получающее пособие, устраивается на работу, то выплата ему пособия не прекращается полностью. Она снижается, но чистый доход бывшего безработного будет выше, чем тот, который он имел бы, оставаясь безработным. Предположим, например, что он получает 10 000 долларов в год в виде пособия, устраивается на работу и ему платят 12 000 долларов в год. Его пособие сократится на 6000 долларов, так что его чистый доход оставит 16 000 долларов в год, а 6000 долларов могут оказаться неплохой платой за скучную работу. Отметим, что он даже может пойти работать туда, где платят меньше, чем его пособие. Если он устроился на работу с оплатой 8000 долларов в год, то его пособие сократится на 4000 долларов, поэтому в итоге он окажется в плюсе на 4000 долларов в год. Это новая и экспериментальная процедура, и я надеюсь, что она работает.

Более традиционным способом было простое объявление отказа от работы незаконным. Так, бродяж-

ничество считалось преступлением. Это, кажется, работало достаточно хорошо в США. В 1930-е годы, до «Нового курса» в Соединенных Штатах безработными и бедными занимались местные органы власти — окружные или городские. Либберготт (Liebergott 1976) собрал данные переписей и обнаружил, что с 1830 по 1960 год безработные в Соединенных Штатах получали доход чуть меньше 30% заработной платы неквалифицированного рабочего. Отметим, что с принятием «Нового курса» это соотношение не изменилось, за исключением того, что все затраты взяло на себя федеральное правительство.

В данной главе мы перешли к основным темам, связанным с так называемым государством всеобщего благосостояния, а не с экстерналиями, за исключением случаев, когда сожаление о чужой бедности или страданиях создает некую экстерналию. Это расширяется как расширение традиционного значения понятия «экстерналия», но не думаю, что оно оскорбит тех, кто придерживается общепринятых взглядов. В большинстве современных государств расходы на эту область больше, чем те, что используются для производства так называемых общественных благ. Эти расходы, однако, имеют одну весьма специфическую особенность. Мы сочувствуем бедным в нашей стране и бедным за рубежом. Однако в действительности мы оказываем помощь людям за рубежом в гораздо меньших объемах, чем гражданам нашей собственной страны. Вне всякого сомнения, основное отличие заключается в том, что народ в нашей стране может голосовать и участвовать в других видах политической деятельности, следовательно, они получают больше денег, чем иностранцы. Но это будет главной темой следующей главы.

9. Поиск ренты

В предыдущей главе мы отметили, что трансферты дохода не всегда достаются бедным. На самом деле бедные получают лишь незначительную часть этих трансфертов. Экстерналия, созданная теми, кто попал в бедственное положение, может привести к тому, что мы предоставим им средства или окажем другое содействие. Но непосредственно сумму, предоставляемую нами, невозможно объяснить лишь этой конкретной экстерналией. Существует еще одно объяснение: люди используют свои голоса или иные политические средства в целях получения трансфертов для самих себя. Это не простой вопрос, который требует рассмотрения в относительно новой области экономической науки, занимающейся изучением «поиска ренты». Так как я одним из первых открыл феномен поиска ренты, хотя само словосочетание придумано не мной, а Энн Крюгер (Krueger 1974), то я нахожусь в привилегированном положении, чтобы дать разъяснения. Начну с простого исчерпывающего объяснения того, что можно бы назвать традиционным взглядом на поиск ренты, а затем внесу некоторые изменения, необходимые для понимания нашей существующей проблемы.

Учебники по классической экономической теории объясняли монополии с помощью диаграммы, представленной на рис. 9.1. Существует конкурентная цена, а монополия повышает цену до монопольной цены,

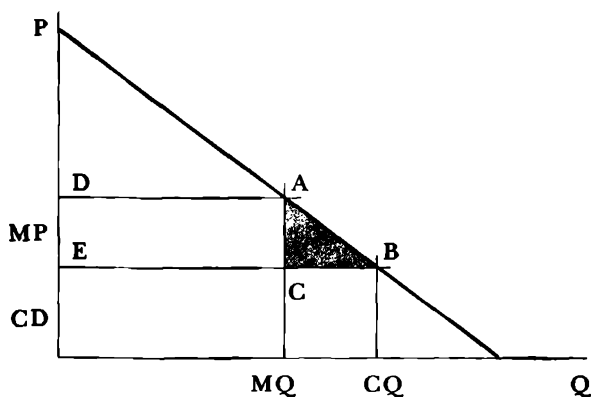

РИСУНОК 9.1. Обычная монополия

указанной на рисунке. Традиционно заштрихованный треугольник A, C, B показывает излишек потребителя, теряемый людьми, которые приобрели некий продукт по предыдущей цене и не стали его покупать за более высокую цену. Прямоугольник между конкурентоспособной ценой и монопольной ценой D, E, C, A изображает трансферт доходов от реализации от покупателей к монополисту. Классическая аргументация, встречающаяся в большинстве вводных учебников по экономике, гласит, что речь о социальных издержках здесь не идет, поскольку монополист является членом общества, и его выигрыш в точности соответствует потерям покупателей. Обычно мои студенты возражали против такой цепочки рассуждений, так как не любили монополистов. Я тоже испытываю неприязнь к монополистам и рад признаться, что теперь могу доказать, что данная цепочка рассуждений ошибочна, а монополия создает издержки для общества.

Проблема заключается, конечно, в том, что колоссальные суммы денег, похоже, поступают людям, которые не сделали никаких инвестиций для их получения. Такое возможно, но обычно никто не ждет, что это произойдет в экономической деятельности. Прибыль, как правило, является результатом инвестиций: либо материальных инвестиций, либо интеллекта и трудолюбия. А где это отображено на рисунке? На первый взгляд кажется, что можно разбогатеть без каких-либо инвестиций вообще. Это представляется маловероятным. С публикацией моего первого объяснения возникли большие трудности: фактически моя статья была отклонена двумя ведущими журналами и одним изданием среднего уровня прежде, чем я нашел журнал более низкого уровня, который принял статью (Tullock 1967; Таллок 2004). Спустя несколько лет Энн Крюгер заново открыла эту идею в более ограниченном масштабе (Kueger 1974). Идея затем получила широкое распространение и теперь очень часто встречается в экономической литературе.

В моей первоначальной статье не говорилось о том, каким образом можно обнаружить поиск ренты в экономической статистике. Можно было объяснить, насколько масштабным было явление, но нельзя было привести фактическую статистику. В течение ряда лет меня волновала эта проблема, но, видимо, только меня одного. Казалось поразительным, что, скажем, тарифы на сталь могли приносить огромную прибыль металлургическим компаниям и их сотрудникам без каких-либо жертв с их стороны для получения этой привилегии. Но где были издержки?

Это был трудный вопрос, и на протяжении многих лет я не находил на него ответа. В течение большей части этого времени я жил в Вашингтоне, в цен-

тре крупнейшей в мире отрасли по поиску ренты. Сложная структура лоббирования в Вашингтоне хотя и была обширна, но не настолько, чтобы можно было объяснить общую стоимость создаваемых особых привилегий. Приведу свой излюбленный пример: я часто проезжал мимо здания лобби молочной промышленности. Это было здание значительных размеров, но вовсе не объясняло тех огромных сумм, что отбирались у потребителей молока, многие из которых — грудные младенцы, и передавались не слишком большому кругу весьма преуспевающих фермеров. Сахарная промышленность Флориды была еще более впечатляющей, но я никогда не видел их офисов.

Следует отметить и такой факт, что американские конгрессмены не могут брать неприкрытые взятки. Они живут далеко не бедно, но если бы они позволили себе «престижные расходы», скажем, один миллион долларов в год, то их оппонент на следующих выборах не преминул бы указать на это, и они бы лишились своего поста либо отправились в тюрьму. Это не означает, что они не извлекают материальной выгоды от деятельности лоббистов, но баснословно дорогие обеды, шикарные блондинки и отдых на Карибах очень далеки от того, сколько на самом деле стоят распределяемые ими блага. Это, конечно, выглядит так, будто особо влиятельным кругам нравятся фермеры, или сталелитейная промышленность, или, что сейчас еще интереснее, пожилые пенсионеры, получающие очень много по сравнению с довольно небольшими инвестициями. Такое возможно в экономике, но мы не ожидаем этого.

Эта проблема озадачивала меня в течение долгого времени, но, видимо, остальных она не очень беспокоила. Министра финансов Саммерса подобный

вопрос волновал, поэтому он позвонил мне, чтобы узнать, почему я его не решил. К счастью, это было уже после того, когда я начал проявлять беспокойство по этому поводу, но только вскоре после разговора мной наконец-то было найдено решение. Это решение — взаимный обмен политическими услугами. Благодаря жизни в Тусоне я знал об одном конкретном невероятно расточительном проекте — проекте центральной Аризоны — деривационном канале протяженностью без малого 400 миль, за который, несомненно, проголосовали избранные нами представители в Вашингтоне, но который вряд ли мог быть принят сам по себе без дополнительных усилий. Есть и другие подобные проекты: судоходный канал в Талсе — канал, идущий параллельно Миссисипи, который предусмотрен в фермерской программе обеих партий. Конгрессмены, голосующие за них, получают кредит доверия благодаря тому, что приносят пользу своим избирателям, и надеются, что их избиратели будут плохо проинформированы насчет остальных. Возможно, в этом и кроется причина того, что обычно избирателям нравятся свои собственные конгрессмены, но не нравится сам Конгресс.

Я мало говорил о финансировании избирательных кампаний, но это играет свою роль. Общая сумма, затрачиваемая на финансирование кампании, в целом очень мала по сравнению с теми выгодами, которые получают люди, заплатившие за нее (Ansola-behere et al. 2003). Следует, конечно, иметь в виду, что эти взносы на самом деле предназначены не для покупки голосов. Голоса покупаются законопроектами, принимаемыми Конгрессом или законодательным собранием, которые приносят выгоду избирателям. Но выделенные на кампанию деньги используются для инфор-

мирования избирателей о том, что сделано их конгрессменом. Поскольку избиратели обращают на это мало внимания, то им постоянно нужно повторять короткое и доходчивое послание, хотя это и вызывает раздражение интеллектуалов. В общем, избирателей привлекают вещи, которые делают для них их собственные и чужие конгрессмены. Финансирование избирательных кампаний необходимо, чтобы избиратели узнали, что конгрессмен сделал для них, и, по возможности, не дать им узнать цену, которую он заплатил за принятие соответствующего закона.

До сих пор я придерживался существующих традиций и говорил о логроллинге только в тех случаях, когда проект сам по себе имел сомнительную ценность. На самом деле тот же самый способ используется для продвижения ценного проекта. Избиратель же, вероятно, вознаградит возведение столь необходимого моста чем-то вроде тарифа на импорт стали. И я хочу подчеркнуть, что мы получаем немалую выгоду от деятельности правительства, даже несмотря на то что отдельные проекты легко уязвимы для критики. Большинство интеллектуалов, включая меня самого, без труда могут составить перечень правительственных проектов, которые негативным образом сказываются на нашем благосостоянии. Однако, взглянув на правительство в целом, можно, несомненно, сказать, что мы получаем весьма ощутимую выгоду. Судоходный канал в Талсе — невысокая плата за немалую пользу, извлекаемую нами в другом месте. Конечно, нам бы хотелось устранить эти расточительные проекты, не нанося вреда желательным.

Тем не менее эти выгоды весьма специфичны и довольно узки. Фермеров много, но все равно их значительно меньше, чем людей, получающих пенсию по

старости. Кроме того, несмотря на существование хорошо организованных групп лоббистов, работающих на пожилых людей, они больше времени уделяют тому, чтобы мотивировать своих сторонников, а не просиживать за обедами непосредственно с конгрессменами. И, конечно, людей старше шестидесяти пяти лет так много, что, если бы они все проголосовали, они могли бы образовать необычайно влиятельную политическую организацию. К сожалению или к счастью, люди, перешагнувшие шестидесятипятилетний рубеж, если поразмыслят над этим вопросом, поймут, что, воздержавшись от голосования или отдав свой голос за партию, которая не выступает за пенсионную систему (если таковые партии вообще имеются), это не будет иметь сколько-нибудь ощутимого значения.

Объяснение тому — логроллинг. «Логроллинг» — это американское разговорное слово. Я надеюсь, что эту книгу будут читать не только американцы, поэтому имеет смысл объяснить в нескольких словах, о чем идет речь. В основе логроллинга лежит торговля голосами. Сенатор от Аризоны согласится проголосовать за законопроект, который делает Талсу глубокководным портом, если сенатор, представляющий Талсу, проголосует за проект для центральной Аризоны. Существует еще один проект, который предполагает строительство параллельного Миссисипи канала примерно в трехстах милях к востоку от реки. Все эти три проекта крайне затратны для страны в целом, но выгодны для некоей определенной области. Они предполагают, что довольно небольшая часть налогов в расчете на душу населения, собранных во всех Соединенных Штатах, будет потрачена в трех определенных областях, где эта сумма в расчете на душу населения становится очень значительной. Но для Соеди-

ненных Штатов было бы лучше, если бы эти проекты не получили финансирования.

Если бы эти проекты приобрели широкую огласку, то люди, живущие в других областях, проголосовали бы против них и стали представлять большинство в законодательном собрании, и в результате проекты бы не прошли. Отметим, что я привел пример трех крайне затратных проектов, но, повторяю, время от времени некоторые проекты логроллинга по отдельности желательны. Два сенатора от Аризоны не только продвинули проект по центральной Аризоне, но и получили средства на расширение автомагистрали между штатами, проходящей через Тусон, которая была сильно перегружена. Логроллинг — основной метод работы Конгресса; хотя он и вправду порождает множество исключительно затратных проектов, но используется для финансирования полезных усовершенствований. Если бы у нас имелся эффективный способ устранения неэкономичных проектов при сохранении оправданных, мы бы от этого только выиграли.

Одна из проблем здесь заключается в том, что большинству избирателей известны лишь те проекты, которые находятся непосредственно в области интересов их собственного региона. В соответствии с нашей Конституцией, налоги должны быть общими, поэтому сложно вводить специальные налоги, поступающие в область, которая получает выгоду от данного проекта. Мы стараемся, чтобы таких затратных проектов было гораздо меньше. Если бы избиратели владели информацией, они могли бы решить проблему, просто выбрав лучший общий проект, а не отдельные. К сожалению, издержки, связанные с получением общей информации, велики, и избиратели вряд ли когда-либо захотят нести их.

Избиратели, как правило, всегда чувствуют, когда заключают невыгодную сделку, даже если они не рассчитывают на какие-то определенные улучшения. Опросы общественного мнения показывают, что избирателям нравится конкретно их конгрессмен, но не нравится сам Конгресс. Видимая причина в том, что они поддерживают своего конгрессмена за получение им особых льгот для своего региона. Совокупные налоговые издержки вменяются в вину всему Конгрессу. Таким образом, логроллинг приносит выгоду отдельным конгрессменам, но не системе в целом. Если читатель знает средство, способное исправить ситуацию, я думаю, что он должен поделиться им со всем миром.

Слово «логроллинг» — американизм, но сама практика универсальна. Оно используется всеми органами, принимающими решения путем голосования. Я не обладаю информацией о внутреннем функционировании коллегии кардиналов, но уверен, что и они тоже торгуют голосами. Этим занимаются и органы, принимающие решения путем голосования, на факультетах, но в большинстве случаев они имеют дело с крайне незначительными вопросами и потому не тратят много сил и времени на торговлю голосами. Должен сказать, что, хотя советы факультетов и занимаются не слишком важными вопросами, а потому и уделяют не так много времени торговле голосами, там все же нередко имеют место сильные эмоции. Признаюсь, что почти не посещаю таких собраний, поэтому, возможно, мои свидетельства здесь не следует брать в расчет.

Помимо бесчисленной небольшой торговли, встречаются случаи общих коалиций, которые всегда голосуют вместе, не заключая конкретных соглашений в каждом случае. Профсоюзы, чернокожие и мексиканцы — вот лишь несколько из множества таких при-

меров. Серьезный торг обычно происходит внутри коалиций, когда принимается решение о том, как будет голосовать вся коалиция, но затем выбирается тот вариант, который ближе всего подходит для голосования блоком. Вероятно, наиболее важная из этих коалиций — получатели различных правительственных выплат, вроде пожилых и тех, кто зависит от государственного медицинского обслуживания. И в этом случае обо всем, что было сделано, обычно сообщают газеты, чтобы те, чьи интересы были ущемлены, знали об этом. В каком-то смысле это вызывает меньше возражений, чем мелкие сделки, о которых упоминалось выше, потому что люди, интересы которых были ущемлены в результате мелких сделок, на самом деле никогда о них не узнают. Им только известно, что они платят высокие налоги.

В Соединенных Штатах эта практика относительно открытая и все об этом осведомлены. В других странах эта деятельность носит более скрытый характер, но это не означает, что она там менее распространена. Например, я знал британского политика, который не только заседал в палате общин, но и стал министром образования. Так как я считал, что логроллинг универсален, и им пользовались все органы, принимающие решения путем голосования, то однажды вечером за ужином спросил его об этом. Он ответил: «В английском правительстве ничего подобного нет». На следующий день он рассказал о том, что происходит в палате общин: «Вы идете в комитет, в котором вы полностью заинтересованы, и голосуете вместе со своим другом. Затем приводите его в свой комитет и поднимаете его руку». Я, естественно, выразил свое недоумение, и он ответил: «Так вот что вы имеете в виду!» Не думаю, что он меня не понял, но все

это так прикрито в британском правительстве, что он даже не подумал об этом в контексте нашего разговора за ужином, а, стараясь объяснить, что происходит изо дня в день, проговорился.

Органы голосования иногда пытаются сделать логроллинг нелегальным. Во многих американских студенческих органах самоуправления существуют правила против него. Обычно в этих правилах говорится, что нужно голосовать по каждому предмету самостоятельно, а не заключать сделки. Само собой разумеется, если на голосовании поднимается важный вопрос, сделки заключаются. Действительно, вполне вероятно, что правила против сделок были получены путем логроллинга. Даже в этих организациях, состоявших из идеалистических студентов, которые не имеют совершенно ничего в плане материальной выгоды от своего голоса, преобладает логроллинг.

Давным-давно, когда мы с Бьюкененом работали над «Расчетом согласия» (Buchanan and Tullock 1965; Бьюкенен и Таллок 1997), я с этой целью провел небольшое исследование на основании поиска в большом количестве учебников политологии. Ни в одном из них логроллинг не упоминался напрямую, но косвенные указания на него были. В них имелся раздел о том, как законопроекты проходят через Конгресс. Инициатор законопроекта, говорилось там, тщательно подготавливал законопроект, включая положения, способные, по его мнению, привлечь голоса, и устраняя условия, способные, по его мнению, оттолкнуть отдельных членов Конгресса. Кроме того, во всех этих учебниках говорилось, что в конце процесса инициатор законопроекта «получал несколько голосов других членов Конгресса, которые были ему обязаны». Очевидно, что это был логроллинг, хотя само это сло-

во не использовалось. Подозреваю, что причины были напрямую связаны с несколько туманными этическими принципами. Сегодня все это проходит под названием «поиск ренты».

Нравится ли вам такое явление или нет, но надо признать, что оно важно при демократическом принятии решений. Чтобы это не посчитали моим убеждением относительно демократии, я должен сказать, что это также распространено при королевских дворах. Придворные заключают сделки и создают альянсы точно так же, как конгрессмены (Tullock 1961). Простое погружение в пространные мемуары, написанные придворными любого королевского двора, предоставит вам очевидное свидетельство этого. Есть также множество описаний происходящего в высокопоставленном окружении современных диктаторов. Гитлер описан особенно подробно. На данный момент существует немного подобной литературы о Сталине, но со временем ее, безусловно, станет больше. Недавно я читал о Цицероне в последние дни Римской республики и подумал, что в палате представителей он был бы, как у себя дома, за исключением того, что ни ему, ни его соратникам не пришлось бы беспокоиться о том, что их могут убить. Короче говоря, поиск ренты и торговля голосами — универсальны и повсеместны. И вовсе не очевидно, что это так уж плохо.

Данная глава посвящена тому, что, как мы все знаем, имеет место, но редко бывает описано точно и тщательно. Я искренне надеюсь, что такая тенденция — умалчивать о важнейших вопросах — уже отмирает, благодаря чему мы немало узнаем об этом явлении в будущем, когда ученые уделят ему больше внимания, чем это было до сих пор.

10. Война

Война редко обсуждается под рубрикой экстерналий, хотя она, безусловно, создает серьезные издержки не только для граждан соответствующей страны. Полагаю, можно было бы возразить, что поскольку и затраты, и выгода достаются странам, участвующим в военных действиях, то это действительно не экстерналии. Однако же ущерб может быть причинен невинным наблюдателям, и даже пурист не назовет такое экстерналией. Тем не менее для наших целей мы будем считать ущерб, причиненный любой из сторон другой стороной или непосредственно самим конфликтом, экстерналией. Сюда входят налоги, взимаемые на оплату военных расходов, и мобилизация*.

Вполне возможно, я не включил бы в настоящее издание главу о войне, если бы не наша война с Афганистаном и вторая война с Ираком, совпавшая по времени с моей работой над этой книгой. Фактически в настоящий момент и война, и моя работа постепенно близятся к концу. Каждый, кто читал историю первых трех афганских войн Великобритании, понимает,

* Мои чувства по этому вопросу могут быть сильнее, чем у читателя. Во время Второй мировой войны я не по своей воле служил в пехоте.

что на самом деле они так никогда и не закончились. Сугубо с военной точки зрения Великобритания выиграла все три войны, но в каждой из них оказалась не в состоянии навязать свои условия, казалось бы, уже поверженному противнику. Афганцы — племенной народ, поэтому разгром нескольких племен или даже их полное уничтожение, с чем и столкнулись значительно позднее русские, совершенно необязательно означает прекращение военных действий. Теперь мы убеждаемся в этом на собственном опыте.

В военном отношении наша афганская операция была некоей демонстрацией силы. Первоначально, используя авианосцы, находящиеся в 1500 милях от зоны боевых действий, и имея в качестве поддержки всего несколько племен северного альянса, нам удалось разбить достаточно хорошо вооруженного и фанатично храброго противника. Но теперь мы столкнулись с рассеянными племенами, что может означать практически бесконечную партизанскую войну. Полагаю, что наши генералы читают историю британских операций в этих регионах и испытывают по крайней мере пессимизм.

Однако нашей целью было избавление от бен Ладена и «Аль-Каиды», и мы во всяком случае вытеснили их из логова. Кроме того, представляется вероятным, что, когда арабские страны увидели, как мы разгромили афганское и иракское государства, никто из них больше не пожелал открыто предоставлять им убежище. Таким образом, мы можем сказать, что главная цель нами достигнута. К сожалению, с терроризмом трудно бороться. В конце концов в течение более века в этом регионе заправляла секта убийц-ассасинов, державшая в страхе всю территорию от современного Таджикистана до Египта. В конечном итоге от них

избавились монголы, которые использовали регулярные войска. В нашем случае вполне естественно, что более важным будет использование ЦРУ, хотя вооруженные силы, конечно, необходимы (Lewis 1987).

В том, что террористы могли создать для нас экстерналию, никто из смотревших телевизор 11 сентября не сомневается. Тогда мы создали для них колоссальные издержки. В обоих случаях многим невинным наблюдателям был причинен серьезный ущерб, который можно рассматривать как экстерналию. Это досадно, но в военной обстановке — обычно. Такой особый вид военных действий, которые в силу необходимости ведутся в областях, где присутствует множество посторонних лиц, особенно богат на создание экстерналий — богат настолько, что граждане Ирака теперь жалуются на причинение ущерба их уровню жизни нашими войсками. В самом деле, это выглядит так, словно американское военное правительство крайне некомпетентно.

Профессору, мирно восседающему в своем кабинете в Соединенных Штатах, всегда легко судить о деятельности людей, несущих реальную ответственность и работающих в чрезвычайно неблагоприятных условиях. Однако не вижу причин, почему бы мне не воспользоваться своей свободой слова для критики. А читатель может осуществить свою свободу, либо проигнорировав сказанное мною, либо написав мне язвительное письмо.

Однако вернемся к рассмотрению более обычных военных действий. Как правило, это дорогостоящее дело для граждан обеих воюющих стран. Но затраты на войну, которые государство взваливает на своих граждан, — это экстерналия иного порядка, нежели ущерб, причиненный враждебным государством.

Тяжелое бремя налогов по оплате военной экономики в военное время — дело обычное для обеих сторон: и для обороняющейся, и для нападающей. Помимо того, многие войны, с точки зрения нападающего, оправданы со стороны морали, в результате чего граждане могут и не считать себя участниками агрессии, даже если они нападают.

Некоторые полагают, что страна, которая подвергается нападению, должна защищаться, и, следовательно, у государства нет иного выбора, кроме как возложить бремя больших расходов по оплате военных действий на собственных граждан. В действительности, нет причин, почему они должны воевать. Они могут просто капитулировать. Мы имеем здесь дело со своего рода естественным экспериментом. После того как Германия и Россия поделили Польшу, Россия напала на бывшие балтийские губернии бывшей Российской империи. Разница в военной силе, которой обладала Россия, и той, что располагали четыре бывших прибалтийских губернии, была огромной. Три из них — Латвия, Эстония и Литва — сдались без боя. Одна из них, Финляндия, решила сражаться.

Представляется вероятным, что решение сражаться могло показаться неразумным. Финляндия не только потеряла очень много солдат, но и в итоге лишилась одного из важнейших своих городов и существенной части экономически значимой собственности. Но зато она осталась независимой и демократической. Когда Гитлер напал на Россию, русские без какой-либо четкой мотивации начали вооруженные действия против Финляндии. Последняя ответила на вызов, и ее армия проявила свою дееспособность как в наступательных, так и в оборонительных действиях. Страна не только вернула себе все земли, отошедшие русским во время

первого конфликта, но и отбросила их далеко за пределы этих границ.

Когда стало ясно, что Германия проигрывает, Финляндия предпочла заключить мир с Россией, и русские позволили ей сделать это, отказавшись от собственности, которая не была присвоена ими ранее. В то время в Финляндии находилась часть немецких войск, а по условиям мирного договора финны должны были избавиться от них. Это привело к короткому, но значительному всплеску борьбы с немцами. После войны Финляндия была обременена по-настоящему огромными репарационными выплатами России. Хотя Соединенные Штаты относились к ситуации сочувственно, но ничего не сделали в плане оказания Финляндии реальной помощи.

Остальные три страны, которые мирно сдались, не понесли военных потерь. Но это была сталинская Россия, и тайная полиция незамедлительно приступила к проведению массовых депортаций. Кроме того, в качестве поселенцев туда было перемещено большое количество русских, и экономика, конечно, перешла в руки оккупационных сил. Когда Германия объявила войну России, то оккупировала три прибалтийских государства и попыталась установить там правительства, дружественные Германии. Это привело к тому, что после восстановления сталинской власти многие из тех, кто работал в этих правительствах, были ликвидированы.

Совершенно неясно, кто выиграл в этом естественном эксперименте. Конечно, когда Россия распалась, завоеванные области восстановили свою бытую независимость, но жизнь там была значительно хуже, чем в Финляндии. Можно ли считать эту потерю сопоставимой с потерями Финляндии во время войны и сразу

после нее — ответить трудно. Что касается меня, я думаю, Финляндия поступила правильно, хотя это и может быть неким выражением моего предубеждения против советской системы.

Иного рода естественный эксперимент имел место в Скандинавии. Норвегия с Данией капитулировали. Швеция объявила нейтралитет, однозначно дав понять, что будет держать оборону. Сильная военная машина вкупе с тем фактом, что некоторые высокопоставленные нацисты любили Швецию, привели к тому, что шведы избежали нападения. Бесспорно, они платили огромные налоги, поддерживающие их военную мощь. Норвегия и Дания были совершенно не готовы к войне, и их капитуляция почти наверняка была вынужденной.

Опять же, и во втором естественном эксперименте неясно, кто поступил правильно, но для меня предпочтительнее шведское решение. Вероятно, следует подчеркнуть, что если бы Германии не удалось взять Норвегию, то это сделали бы англичане. Они фактически приступили к оккупационной операции, когда вдруг внезапно обнаружилось, что немцы их опередили. И вместо того чтобы оккупировать Норвегию, они предприняли попытку выгнать немцев с помощью практически тех же войск и иных военных сил, которые готовили для своего вторжения. Можно предположить, что норвежцы капитулировали бы перед англичанами точно так же, как и перед немцами. Голландия и Бельгия, конечно, боролись и проиграли.

Эта короткая история призвана подчеркнуть, что не обязательно ввязываться в войну, чтобы защитить себя. Здесь есть выбор, а стоимость капитуляции можно рассматривать как экстерналию, произведенную собственным правительством, вместо иной экстерна-

лии, которая была бы создана оборонительной войной с налогами и потерями в живой силе.

Следует также отметить, что наступательные войны могут быть весьма выгодными, так как они содержат в себе оба вида экстерналий: как отрицательные, создаваемые налоговыми и военными операциями, так и положительные. Соединенные Штаты — прекрасный пример положительных экстерналий, создаваемых агрессивной войной. По сути, мы являемся обществом завоевания. Почти все территории, которые мы удерживаем на Американском континенте, были захвачены и насильно отобраны у тех, кто занимал их раньше. Сюда входит и узкая полоса Атлантического побережья, занятая переселенцами в основном из Англии. Интересно, что трудности с индейцами — одна из причин недовольства, выражаемого в адрес короля Англии в Декларации независимости. И, конечно, Декларация была подписана сразу после начала столкновений неподалеку от Бостона. В ней король обвиняется в подстрекательстве индейцев, что, возможно, он и делал в то время. Проблемы с индейцами возникали именно у новых поселенцев на западных рубежах, и пацифисты могли бы сказать, что если бы они не вторгались на эти территории, то у них и не было бы проблем с индейцами. Но, учитывая существование воинственных племен индейцев, это далеко не так.

При любых обстоятельствах мы продолжали продвигаться на запад и вытеснять индейцев, пока не достигли Тихого океана. Нередко говорят, что часть этой территории выкуплена нами у французов, однако это не означает, что Луизиана когда-то действительно принадлежала французам. После окончания войны и падения Наполеона испанцы утверждали, что она все еще принадлежала им или передана была только опреде-

ленная полоса вдоль Миссисипи. В любом случае этот регион был практически неизвестен европейцам. Мы послали Льюиса и Кларка исследовать область, которая не только не была заселена европейцами, но даже не была подробно изучена. Затем мы предприняли длинный ряд малых войн для вытеснения индейцев.

Мы также получили Флориду. Ее купили, но лишь после вторжения Джексона. Однако по-настоящему большой захватнической войной стала мексиканская война, в ходе которой были захвачены Техас, Калифорния и прочие западные штаты. Таким образом, наши владения на Северо-Американском континенте более или менее оформились, и на тот момент мы перестали приращивать земли путем агрессивных войн. Канаду мы попытались заполучить в ходе революционной войны за независимость, затем снова — в 1812 году, но оба раза безуспешно. Мы купили Аляску и приобрели Гадсен довольно мирно. В обоих случаях возникает лишь один вопрос: не заплатили ли мы больше, чем стоили эти земли?

Примечательно, что хотя примерно до 1890 года мы вели в основном захватнические войны, все же затруднительно сказать, была ли наша атака Триполи оборонительной или наступательной, а гражданская война, конечно, была внутренней войной*. С тех пор мотивацией наших войн, похоже, стали либо моральные принципы, либо, проще говоря, ажиотаж. Войну с Испанией можно рассматривать как исключение из этого правила. В конце войны мы удерживали Кубу, Филиппины, Пуэрто-Рико, Гуам и некоторые мелкие острова в Тихом океане. Трудно, однако, утверждать,

* Некоторые неисправимые южане все еще относятся к этому как к «захватнической войне северян».

что цели войны заключались именно в этом. Зверства испанцев при подавлении восстания на Кубе, совпавшие по времени с войной за популярность между газетами в Нью-Йорке и заставившие их уделять гораздо больше внимания испанскому кровопролитию, строили общественное мнение категорически против испанцев. Таким образом, американский броненосец «Мэн», затонувший на рейде Гаваны, послужил поводом для развязывания войны*.

Что касается Кубы и Филиппин, то в обоих случаях там были учреждены демократические правительства, и в конечном счете США ретировались. Пуэрто-Рико оказался небольшим препятствием для Соединенных Штатов, и были предприняты различные усилия, чтобы сделать его либо независимым государством, либо штатом. На острове любое из этих решений до сих пор вызывает не слишком большой энтузиазм. Виргинские острова, приобретенные во время Первой мировой войны, не важны и почти полностью зависят от американского туристического бизнеса. Гуам, захваченный во время войны с Испанией, фактически так никогда и не был превращен в военно-морскую базу, а его возможный потенциал в качестве одного из направлений туристического бизнеса себя не оправдал.

Гавайи — особенно интересный случай. Переселившиеся на остров американцы свергли королевскую власть с помощью направленного американского военно-морского судна. Они намеревались войти в состав Соединенных Штатов, но Конгресс отказал им.

* До сих пор неясно, почему судно затонуло. В те дни взрывы боеприпасов не были редкостью среди военно-морских судов, но, конечно, более вероятен какой-то внешний источник.

И поэтому они создали республику с расчетом вступить в Соединенные Штаты, когда это станет возможным. В конце концов Конгресс их принял.

Если рассматривать только период примерно до 1890 года, то, безусловно, Соединенные Штаты были успешной агрессивной державой. Кроме того, экстерналии, одновременно созданные самими американскими гражданами и для них, в целом были по своей сути положительными. Оглядываясь назад, даже сегодня можно сказать, что в результате мексиканской войны и бесчисленных войн с индейцами мы живем гораздо обеспеченнее, чем если бы придерживались пацифистской политики. Положительные экстерналии были колоссальны, а имевшие место отрицательные приходились по большей части на иностранцев и коренное население. Фактические затраты нашей армии, сражавшейся с индейцами, были очень низкими, неизмеримо меньше ценности захваченной собственности. С точки зрения морали здесь нечем гордиться, но если взглянуть на материальные результаты, то мы действовали правильно.

Ответ на вопрос, верно ли мы поступали в XX веке, зависит от вашего отношения к проблеме. В своих взглядах на внешнюю политику я, что называется, реалист, и в силу этого вижу, что мы могли бы добиться больших успехов. Однако должен признать, что мою позицию разделяет преимущественно меньшинство. Я даже в целом одобряю действия морских пехотинцев и армии в Карибском бассейне, которые, как нетрудно догадаться, не слишком приглядны с точки зрения морали*.

* См.: Boot 2002. Это история о небольших военных операциях, предпринимавшихся американскими войсками

Во избежание кривотолков хотелось бы сказать, что я не одобряю вначале предоставленную, а затем — отозванную поддержку при проведении операции в заливе Свиней или убийство Трухильо. Но все это, включая убийство Нго Динь Зьема, более всего подпадает под описание непродуманных моралистических, а не «реалистических» операций.

Прежде чем обратиться к более значимой американской внешней политике в XX веке, можно рассмотреть некоторые другие случаи агрессивных войн, которые, возможно, имели положительные экстерналии. Не многие знают, что британская, французская и бельгийская империи сложились, по сути, только в XIX веке, а не ранее. По иронии судьбы в то же время, когда возводились эти три великие империи, старая испанская империя и столь же старая португальская находились в состоянии упадка. Частично они сохранились и в XX столетии, но и вся испанская Южная Америка к тому времени уже обрела независимость. Голландская империя в Индии и ее владения в Южной Африке были старше и поддерживались благодаря усилиям белого населения вплоть до распада этих империй после Второй мировой войны. История британского владычества в Индии — это история постепенного распространения власти от нескольких факторий на одну провинцию, а затем уже на весь субконтинент, начиная с Семилетней войны, но в основном — в XIX веке. Другие их колонии, рассеянные

без объявления войны. В Соединенных Штатах о них давно забыли, но жители Южной Америки обычно помнят и негодуют вследствие того, что такое произошло в Западном полушарии.

по Дальнему Востоку, также были приобретены относительно недавно.

Все это было примером успешных агрессивных войн. Была ли экстерналия, которую они создавали для граждан своей собственной страны, плативших налоги для поддержания империй, достаточно значительной, чтобы уравновесить выгоды от империй, остается открытым вопросом. Вообще, несмотря на реальные боевые действия, безусловно приносившие смерть и разрушения, нельзя сказать, что завоеванные народы стали жить хуже. По большей части ими правили мелкие тираны, которые практически все время вели войны. Колониальным державам не обязательно было устанавливать хорошее правительство в колониях, чтобы сделать положение в них лучше. Компания Леопольда II в Конго заслуженно пользовалась дурной репутацией, но из отчета экспедиции Стэнли по Конго, предпринятой с центрального нагорья к побережью, складывается общее впечатление, что компания, возможно, была не такой уж плохой для этих мест.

Голландская империя была выстроена независимой частной компанией, но без финансируемых налогоплательщиками военно-морских сил это было бы невозможно. Компания купцов-предпринимателей (или, как их еще иногда называют, «купцов-авантюристов») также содержала свою собственную армию, но не смогла бы сохранить свои позиции, не говоря уже о том, чтобы продолжить экспансию, без помощи британских налогоплательщиков. Многие экономисты XIX века считали, что империи теряли инвестиции. И хотя значительная часть граждан и чиновников выигрывала от экстерналий в самой империи, большинство граждан имперских держав сталкива-

лись с отрицательными экстерналиями. Следует отметить, что ввиду тропических болезней Африка была колонизирована очень поздно*.

За исключением, возможно, бельгийского Конго, которое, по сути, являлось владением короля Бельгии до 1905 года, некоторые даже утверждали, что существование империй было выгодным делом. Конечно, можно предположить, что граждане страны выигрывали в том, что касалось развлечений и гордости за достижения их империи, которые уравнивали материальные затраты. Сегодня многие американские города тратят огромные деньги на создание всепобеждающей спортивной команды, которая в собственно материальном отношении делает их еще беднее. Возможно, осознание того, что ваш местный полк замечательно сражался на северо-западном фронте, приводило к такому же чувству эйфории. Другими словами, психологическая выгода, видимо, компенсировала материальные затраты.

Если подходить к вопросу с точки зрения всей страны, то, думаю, материальные экстерналии были отрицательными. Кроме того, как было сказано выше, такого мнения придерживалось большинство экономистов того времени. Нельзя исключать возможность психологических экстерналий, которые более чем компенсировали материальные, даже хотя современные интеллектуалы видят для себя в тех же отдаленных исторических событиях отрицательные психоло-

* Некоторые заболевания в отдельных районах Западной Африки были настолько распространены, что даже возникла поговорка: «Будь настороже и остерегайся залива Бенина, куда заходят многие, но откуда не многие выходят».

гические экстерналии. Те же интеллектуалы считали, что распад империй создавал для них положительные экстерналии, преимущественно моральные.

С 1900 года мы не вели войн, нацеленных на захват территорий. Трудно избавиться от ощущения, что причинами наших последних крупных войн считаются эмоциональные и моральные соображения. Морская пехота участвовала в ряде небольших операций, которые, по-видимому, были обусловлены материальными мотивами, но они были несущественными и, вероятно, не слишком выгодными*.

Однако две мировые войны можно сравнить с крестовыми походами. По сути, Первая мировая война явилась простым столкновением европейских держав. Только Франция, заинтересованная в возвращении Эльзаса и Лотарингии, и Сербия, желавшая получить значительную часть Австро-Венгерской империи, поддерживали эту войну. Война началась после убийства наследника Австро-Венгерской империи сотрудником сербской разведки. До сих пор неизвестно, было ли это убийство его собственной инициативой, или он действовал по приказу. Последствия этого политического убийства были поистине трагическими. Это была первая война с огромными потерями из-за применения современных вооружений.

Мотивы для вступления в войну Соединенных Штатов ни в коей мере не были материальными**.

* См. примеч. на с. 163.

** Крайне критическое и в целом несправедливое описание вильсоновской внешней политики см. в: Fleming 2003. Надо сказать, что мать Вильсона была англичанкой, как и оба родителя его основного советника по вопросам внешней политики полковника Хауза. Сомнительно, что

Англичане выкапывали из земли телеграфные кабели, соединяющие Германию с Западным полушарием, и использовали свою почти полную монополию на средства связи и коммуникации для распространения мощной антигерманской пропаганды. Тем не менее похоже, что основной повод для вступления Америки в войну стал конфликт, причиной которого послужили германские подводные лодки. Учитывая, что творили американские подводные лодки в Тихом океане во время Второй мировой войны, трудно поверить, что немецкие подводные лодки спровоцировали наше вступление в Первую мировую войну, но так сказал президент Вильсон и таков, кажется, исторический вердикт.

Исход войны в целом был катастрофическим. Австро-Венгрия распалась, что стало настоящей трагедией, а Сербия выросла, создав тем самым почву для кризиса и отвратительной внутренней вражды, которую мы наблюдали в последнее время. Все, что осталось от турецкой империи после ее военных катастроф в XIX веке, было демонтировано. С тех пор мы провели две небольшие войны против одной из ее бывших провинций. Трудно утверждать, что мы выиграли от этого. Но в основном в 1920-е годы все было не так уж плохо.

этот факт сильно повлиял на ход вещей, но такое могло быть. В любом случае Соединенные Штаты оставались основным финансовым источником для Англии на протяжении большей части войны. Отец Дина Ачесона был епископом англиканской церкви штата Коннектикут. Он и его жена оставались британскими подданными, а в детстве Ачесон ежегодно отмечал день рождения короля. И вновь непонятно, могло ли это оказать какое-то влияние на ход событий.

Вместе с 1930-ми годами пришла Великая депрессия, по сути американский кризис ширился и упорно не заканчивался, пока мы начали готовиться к войне. В Европе, на Украине был сталинский голодомор и великая «чистка» всех, кого подозревали в нелюбви к Сталину. Затем Гитлер стал диктатором Германии и провозгласил политику возобновления войны. Тем временем Япония предприняла не слишком результативную, но кровавую попытку завоевания Китая. Все это было глубоко удручающим, однако не имело непосредственного отношения к Соединенным Штатам. Перспективы были плохими, хотя, вероятно, можно было осуществить некоторые превентивные меры. Тогда мы приняли закон о сохранении нейтралитета, чтобы не быть втянутыми в следующую войну.

Как только в Европе начались боевые действия, мы разъяснили свою позицию, но не делали ничего вплоть до конца 1941 года. Мы стали наращивать мощь нашей армии, авиации и флота. У Японии не было внутренних источников нефти, и нами была разработана схема, по которой британцы и голландцы, используя морские корабли, перекрывали японцам доступ к внешним источникам нефти. Мы также начали конвоировать суда в Англию, обеспечивая им защиту от немецких подводных лодок. Тогда — еще до того, как мы официально объявили о вступлении в войну, — произошло одно незначительное столкновение между американским эсминцем и немецкой подводной лодкой. Потом были Пёрл-Харбор, объявление Гитлером войны и наше официальное заявление*.

* Критики Рузвельта иногда утверждают, что он специально устроил Пёрл-Харбор. Как это ни смешно, но его ошиб-

Если у Соединенных Штатов и была какая-то материальная заинтересованность в войне, то она заключалась в том, чтобы не допустить того, чтобы в Европе господствовала враждебная нам держава. Это также была совершенно традиционная британская политика. С тех пор как мы покончили с одной силой, доминировавшей в Восточной Европе, мы очевидно потерпели неудачу. Помимо того, мы потеряли там всех своих друзей. Последнее частично компенсировалось тем, что русская оккупация в Восточной Европе и в тех районах Китая и Кореи, куда они вошли, была столь неприглядна, что в конце концов мы вновь обрели нескольких друзей, хотя и не слишком сильных.

В 1942 году я прочел книгу Шумпетера (Schumpeter 1942; Шумпетер 1995), речь в которой шла преимущественно об экономике, но и о войне. Он говорил, что это была трехсторонняя война, и, хотя Германия, несомненно, проигрывала, было совершенно неизвестно, кто победит — Соединенные Штаты или Россия? Такой хладнокровный подход к войне не был широко распространен. Знаю, что никто из моих знакомых не согласится с моей точкой зрения, которая совпадает с мнением Шумпетера. И когда я служил в армии, я считал, что лучше об этом помалкивать. Было непо-

ки в диспозиции военно-морских сил дали японцам шанс. Я сейчас неспешно работаю над книгой под названием «Раскрытые тайны американской внешней политики». В ней речь пойдет о случаях ошибочности общепринятых взглядов, а начинается она с подробного рассмотрения Пёрл-Харбора. Вероятно, пройдут годы, прежде чем книга будет готова, но отдельные ее части доступны в Интернете.

нятно, могло ли наше правительство победить Гитлера, не развязав руки России в Восточной Европе. Ясно было лишь, что США никогда не задумывались о возможных действиях в этом направлении. В своем труде о Второй мировой войне Черчилль потом выражал соответствующую обеспокоенность, но никаких практических шагов предпринято не было.

Внешние издержки, вместе взятые, Первой и Второй мировых войн были высокими, а выгода — не значительной. Тем не менее в народной памяти они остались великим триумфом, и, обе эти войны, если конечно, забыть о роли СССР, имели черты крестового похода. Но следует помнить, что в конечном итоге крестовые походы в Палестине потерпели неудачу. Сейчас крах СССР, вероятно, означает, что мы находимся в неплохом положении, но не из-за проявленного нами мастерства и интеллекта во Второй мировой войне. Во внешней политике лучше думать а не проявлять эмоции.

Первая и Вторая мировые войны были крупными войнами, с привлечением значительных сил. С тех пор произошли две малые войны без участия многочисленных войск — в Корее и во Вьетнаме. Для нас они закончились плохо, хотя на это можно возразить, что результатом в Корее стала ничья. А во Вьетнаме мы однозначно проиграли. В обоих случаях у нас были союзники, внесшие свой, пусть и небольшой, вклад в нашу боевую мощь, а последствия для людей, попавших в руки коммунистов, были удручающими.

Я не упомянул о двух наших войнах с Ираком или войне с Афганистаном, потому что они были не слишком значительными. Во всех трех случаях мы одержали легкую победу, хотя операция по умиротворению не увенчалась успехом. До сих пор трудно сказать

что в конечном итоге мы от этого выиграем. Вторая иракская война привела к массовой мобилизации общественного мнения против Соединенных Штатов, даже среди американских интеллектуалов. Подозреваю, что мотивом послужила неприязнь к нынешней американской администрации. Но это чисто субъективное мнение. Конечно, продолжающаяся партизанская война обескураживает.

Читатель заметит, что значительная часть этой главы была посвящена внешней политике Соединенных Штатов. Думаю, что я мог бы написать и историю Британии в этот период, которая привела бы во многом к тем же выводам. И конец Британской империи, подобно концу французской, голландской, бельгийской и португальской империй, обнаруживает ту же общую картину, когда внутренняя политика влияет на внешнюю. Точка зрения, которой придерживаются многие экономисты, что метрополии на самом деле давали своим колониям больше, чем получали от них, кажется, не пользуется большим успехом. Распад колониальных империй не причинил серьезного вреда бывшим метрополиям. Но для бывших колоний отказ от империи нередко оборачивался катастрофой. В Индии дела идут достаточно хорошо, равно как и в Малайзии. Сингапур процветает. Индонезия не процветает, но и не бедствует. В Африке — это настоящая катастрофа. Здесь мы снова наблюдаем внешнюю политику, в которой преобладает плохо продуманная этика, но сомнительно, что другая политика привела бы к лучшим результатам.

Итак, в этой главе рассмотрена область, которую обычно не связывают с экстерналиями. Тем не менее очевидно, что, когда страна действует за пределами своих государственных границ, — здесь имеет место

экстерналия. Когда имеешь дело с такими внешними факторами, необходимо собирать налоги, призывать солдат и вводить жесткие меры безопасности для населения, — и это еще один пример очевидной экстерналии. Если это приносит выгоду, то имеет место положительная экстерналия. Похоже, что избежать таких экстерналий невозможно, но мы можем хотя бы надеяться, что в будущем правительства будут вести себя в этой области более разумно, чем раньше.

11. *Монархии и диктатуры*

До сих пор мы имели дело с различными аспектами демократических правительств. Но на протяжении истории большая часть человечества жила при недемократических правительствах. И опять же, большинство из этих недемократических правительств были монархиями или диктатурами. Заметим, что под «монархиями» в этой главе понимаются также те короли или королевы, которые действительно правят, не являясь лишь церемониальными фигурами подобно нынешнему королю Швеции. Таким образом, мы будем считать монархом Густава Адольфа, но не его сегодняшнего преемника или английскую королеву.

В этой главе я провел различие между монархами и диктаторами в соответствии с методом замещения должности, когда правитель умирает или отстраняется от занимаемой должности каким-то иным способом. Обычно монархия является наследственной, а диктатура находится в руках тех, кто взял власть силой или с помощью политического маневрирования. Мы склонны считать нормальной замену короля его старшим сыном. В Европе, где существует своего рода социальный пережиток, унаследованный от Греции и Рима, королю полагалось иметь только одну законную жену, и он не мог содержать гарем. Очевидным кандидатом на трон считался старший сын.

Конечно, наследование престола часто оспаривалось. Войны Алой и Белой розы в Англии были связаны именно из-за такого спорного вопроса и завершились, лишь когда почти все потенциальные кровные наследники были мертвы. Генрих VII, который вззошел на трон, одержав победу в битве при Босворте, имел очень дальнее кровное родство со своими предшественниками. Тем не менее королем он был весьма успешным, хотя и довольно неприятным.

Необходимо помнить, что, если в Европе наследование трона старшим сыном было обычным делом, то в остальном мире это вовсе не признавалось нормой. Для успешной передачи власти наследнику требовалось, чтобы у правителя была только одна законная супруга. Это считалось нормой в Европе, но, конечно, в других частях мира дело обстояло иначе. Кроме того, традиции наследования у некоторых других рас или групп могут отличаться. Читатель, несомненно, припомнит, что Марко Поло вернулся в Венецию морем, а не пересекал Центральную Азию на лошадях, потому что во время его путешествия из Венеции в Хамбулак (монгольский Пекин), а потом обратно в Центральной Азии разразилась гражданская война.

По монгольскому обычаю наследником собственно человека, в том числе его власти, был самый младший сын, а не старший. То, что Кублай-хан, или Хубилай, был старшим сыном, захватившим трон, было некоторым отклонением от правила. Его младший брат выступил против него и, так как являлся законным наследником, смог получить значительную военную поддержку. В результате в течение нескольких лет в Средней Азии существовала военная зона, где большие, хорошо подготовленные конные армии под командованием превосходных военачальников оспа-

ривали его право наследования. Вследствие этого Марко Поло не мог вернуться домой по суше, поэтому ему пришлось добираться морем. Долгосрочным итогом этой войны, несмотря на то что младший брат был схвачен и казнен, стало фактическое разделение Монгольской империи с выделением двух Западных ханств, более или менее независимых от центральной власти на Востоке.

Понятно, что точное повторение этого в Европе было невозможно, хотя и в ней наследование власти не всегда проходило гладко. Однако, как правило, наследником отца становился старший сын. Если старшего сына не было, то существовал свод правил относительно того, кто в этом случае будет законным наследником. Но это далеко не всегда срабатывало. Когда умер Александр Великий, законным наследником был его сводный брат, который, к сожалению, страдал слабоумием. Была предпринята попытка возвести слабоумного брата на престол, а затем еще одна неудачная попытка избрать королем еще не рожденного сына Александра Великого. По сути, корону водрузили на лоно королевы, но, конечно, ничего дельного из этого не вышло. Конечным результатом стала война между различными военачальниками армии Александра (такие войны обычно называют «войнами за наследство»). Они были невероятно разрушительными, но грекам все же удалось сохранить свою власть на Ближнем Востоке и в Северной Индии.

Как только мы обращаем взор на правителей, поддерживающих гарем, ситуация осложняется. Войны между сыновьями после смерти их отца были обычным явлением. Селим I Грозный решил положить конец этой проблеме с помощью полностью оправдывавшего его прозвище грозного средства. Им был при-

нят дворцовый закон для своей династии, согласно которому тот из его сыновей, кто достигал возраста престолонаследия, должен был убить всех остальных. Потенциальные наследники проводили свои юношеские годы в специальном дворце в окружении евнухов и женщин, считавшихся бесплодными. После смерти правителя в этом дворце возникала небольшая гражданская война, и победитель убивал всех своих родных и сводных братьев. Это позволило избежать масштабных гражданских войн в халифате, но не создало рода выдающихся правителей. В других династиях использовались другие методы. Так, в династии Мин младшим сыновьям императора предоставлялось значительное содержание, но они должны были жить во дворцах, расположенных в живописных местах империи вдали от столицы.

Независимо от того, какие аргументы можно выдвинуть за или против наследственной власти, она создает королей, а не диктаторов. Диктатор прокладывал свой путь наверх, преодолевая множество трудностей. Диктатор — не обязательно хороший человек, и на самом деле в нем практически нет ничего привлекательного. С другой стороны, это весьма амбициозный, умный и беспринципный человек. Неважно, компетентен он или нет, — хотя Наполеон, безусловно, был компетентным. В любом случае он должен внимательно следить за своими придворными, чтобы один из них не занял его место. Великий Капитан — Эрнандес де Кордова — одержал немало побед, сражаясь за испанского короля в Италии. Когда он вернулся в Испанию, король незамедлительно издал приказ, заставлявший его покидать свои поместья. Так как они были обширны, это не было тяжелым наказанием, но гарантировало, что он не сменил короля. Семей-

ство Писарро было уничтожено ревнивым королем, а роду Кортеса пожаловано дворянское звание, но реальной власти ему никто не давал. Вряд ли подобное можно считать большим вознаграждением для того, кто присоединил к землям короля столько территорий. Можно привести еще множество замечательных примеров из других королевских семей. Непокойно спится голове в короне. Над нею постоянно висит дамоклов меч.

Диктатор окружен высокопоставленными чиновниками, которые хотели бы сместить его. Так как они не только кандидаты на престол, но и соперники, то диктатор, как правило, держит их под контролем. Назначение преемника таит в себе очевидную опасность, так как другие высокопоставленные чины захотят быть в хороших отношениях с преемником и, следовательно, не будут в полной мере лояльны диктатору. Обычно диктаторы не назначают преемника до самой смерти. Один из способов минимизировать опасность наличия преемника — выбрать кого-либо, кто может чувствовать себя достаточно уверенным, что его не сменил кто-то еще, поэтому хорошим примером может служить кровный наследник. Если наследник отбирается не самим правителем, а определяется в соответствии с неким общим правилом, как, например, в случае с сыном короля, то это безопаснее. Но у ненаследственного диктатора здесь возникают сложности. Тем не менее назначение преемником старшего сына может оказаться вполне безопасным. Если взглянуть на дело с точки зрения высокопоставленных придворных, хотя каждый из них по отдельности хотел бы после смерти существующего диктатора — или, желательно, еще раньше — занять его место, большинство из них понимает, что им самим, вероят-

но, власть удержать не удастся, и потому они стараются завязать полезные связи с другими людьми, которые, по их мнению, имеют больше шансов. Это приводит к ситуации, напоминающей американские съезды по выдвижению кандидата в президенты в те дни, когда внутри обеих партий не было согласия относительно кандидатуры претендента. Отдельные политики хотели примкнуть к победителю, но опасались не угадать победителя. И поэтому лучше всего было воздержаться от поддержки конкретного кандидата, пока не станет ясен победитель. Но, с другой стороны, победивший кандидат больше оценит тех, кто поддержал его на ранней стадии, чем тех, кто запрыгнет на подножку вагона в последнюю минуту. Это всегда ставит политиков в очень сложную ситуацию, и сомнительно, что они хорошо справляются с ее решением. Придворные, окружающие побежденного диктатора, сталкиваются с той же самой ситуацией, за исключением того, что ошибка в решении чревата встречей с палачом.

Возможно, для диктатора назначение наследником старшего сына — наиболее безопасный выход из этой ситуации. С другой стороны, количество королей или диктаторов, убитых своими преемниками, нельзя назвать незначительным. Убивая отца, чтобы самому стать королем, ты, помимо всего прочего, защищаешь себя от наказания за убийство. Возможно, со старшими сыновьями это происходит чаще, чем с кем-либо еще, потому что первые, как наследники престола, имеют более прочные позиции, чем простой высокопоставленный чиновник. И все же проблема весьма непростая.

Сегодня существует мало наследственных правителей, но очень много ненаследственных диктаторов. Некоторое время назад в своей книге «Автократия»

(Tullock 1987) я предсказывал, что многие из этих диктаторов попытаются сделать свою власть наследственной. Пока мое предсказание сбывается. Действующие диктаторы Северной Кореи, Сирии и Конго — сыновья предыдущего диктатора. Конечно, в случае с Конго ситуация настолько запутанная, что неясно, стоит ли там быть диктатором.

Так обстоят дела с диктаторами, но теперь обратимся к королям. Сегодня диктаторы встречаются часто, а наследственные правители — довольно редко. И действительно, не считая ряда небольших арабских государств, где традиции наследственного правления не слишком глубоки, мы практически его не встречаем. Однако на протяжении истории человечества наследственная власть была самой распространенной формой единоличного правления. Замечу, что я не собираюсь отдельно обсуждать правящих королей. Их было немного, и некоторые из них, подобно английской королеве Елизавете I, были очень важны, но их методы правления не слишком отличались от методов правления королей. Возможно, следует отметить, что при монархии, в отличие от демократии, женщине проще стать главой страны. Те женщины-королевы, что реально правили своей страной, всем хорошо известны, в то время как женщины-президенты сегодня встречаются нечасто. Тем не менее число женщин-правителей — будь то королевы, президенты, премьер-министры или диктаторы — крайне невелико.

Рассмотрим то, что я бы назвал типичным случаем наследственного короля. Фактический основатель династии обладает выдающимися свойствами одаренного человека. Как и диктатор, он сам себе прокладывает путь наверх через всевозможные тернии. И поэтому он обычно бывает исключительно умен, трудолюбив и ис-

кушен в политике. Принимая во внимание случайность генного отбора, способности его сына, как правило, оказываются куда менее выдающимися. В умственном отношении, по энергичности и политическим навыкам он, вероятно, не слишком отличается от среднего американского избирателя. Таким образом, и при демократии, и при монархии нами правят посредственности. В обоих случаях, конечно, окружающие правителя чиновники и советники обладают качествами много выше среднего — как по уму и энергичности, так и по личным качествам, — независимо от того, консультируют ли они монарха и правят напрямую или общаются с массой избирателей через газеты, или выступают на телевидении и по радио. В обоих случаях — и при демократии, и при наследственной монархии — простые люди подпадают, по крайней мере до некоторой степени, под влияние далеких от посредственного советников и чиновников.

Конечно, король в детстве проходил специальную подготовку. Многие в этом обучении касалось проблем государственного правления, однако, к сожалению, столь же много внимания уделялось дорогостоящим способам его собственного увеселения. Тогда же у него завязывались связи со многими людьми, подававшими надежды при его правлении стать высокопоставленными лицами. Встречаются действительно выдающиеся наследственные монархи. Например, Александр Великий. Бывают и откровенно неполноценные монархи. Примером тому — король Франции Людовик XVI и король Англии Генрих VI. Но по большей части распределение способностей, амбиций и моральных принципов среди наследственных монархов, вероятно, не очень отличается от подобного распределения среди избирателей.

Французские монархисты выдвигали весьма неплохой довод в пользу абсолютистской монархии. Мы склонны считать, что если есть король, то его власть должна быть ограничена Конституцией, но у французских монархистов был действительно хороший довод в пользу единовластия. Пользуясь нашим языком, абсолютная монархия устраняла экстерналии и поиск ренты. Без сомнения, они были излишне оптимистичны, но в самой этой идее действительно что-то было. Если король — единоличный хозяин своей страны, то все, что он тратит, он тратит из собственного кармана, а выгода, получаемая от этих трат, идет ему же. Он платит за строительство дороги, однако построенная дорога является его собственностью. В некотором смысле его можно сравнить с гражданином, решающим, заасфальтировать ли ему подъезд к собственному гаражу. Он платит за это, и, следовательно, у него есть стимул к тому, чтобы не тратить свои деньги, но пользоваться этой дорогой будет он сам, и, значит, у него имеется заинтересованность в том, чтобы вложить средства в хорошую дорогу. Он несет все затраты, но и выгоду получает тоже он.

Это, скорее, похоже на ситуацию в крупной корпорации, всеми акциями которой владеет один человек. Примером может служить *Ford Motor Company*. Когда король или собственник умирает, страна или компания переходит старшему сыну. В случае с корпорацией против этого нет никаких возражений. На деле сын зачастую оказывается гораздо менее талантливым, чем его отец. Впоследствии он обычно либо доводит компанию до банкротства и продает ее, либо передает контроль кому-то еще. Случаи, когда сын основателя крупной компании оставляет контроль за собой и ведет дела эффективно, довольно редки. Тем не ме-

нее такое иногда встречается. Нас не волнует ущерб нашей экономике, причиняемый крупными компаниями, которые передаются из рук исключительно эффективных отцов-основателей их менее эффективным наследникам, но отчасти вследствие того, что менее эффективные наследники, как правило, устраняются спокойно и без особого труда. Смещение же неподходящего короля происходит не столь легко и с большей долей вероятности чревато плохим результатом. В случае с монархиями проблема, очевидно, гораздо сложнее, но сам факт, что большинство династий на протяжении многих поколений существовали без катастрофических последствий, указывает на то, что это не фатально.

При демократии практически тот же аргумент французских монархистов может быть применен ко всей массе избирателей. Но для отдельного избирателя нет никакой связи между затратами на активы и выгодой, получаемой от этого актива. Большинство граждан хотели бы благоустроить улицы. Я регулярно езжу по федеральной автостраде номер 66 и регулярно жалуюсь, что там всего по две полосы в каждом направлении вместо трех или четырех. Если бы меня попросили заплатить за дополнительные полосы, то я, конечно, обдумал бы вопрос о расширении дороги гораздо более тщательно. Может, я пришел бы к тому же самому заключению, но, безусловно, решение было бы более продуманным.

Мы регулярно используем подобные доводы, когда предполагаем, что частные фирмы производят более тщательные расчеты, чем правительство. Корпорация, решающая, построить ли ей новый магазин, фабрику или подъездной путь, вероятно, произведет более точные расчеты, чем правительственный ор-

ган, который в конечном счете зависит от избирателей, а доля бремени и потенциальной выгоды для каждого индивида в этом случае очень невелика. Конечно, правительственные чиновники находятся в несколько ином положении, но они сохраняют свои рабочие места, угождая избирателям. Более того, они не должны потворствовать им всем. Они даже не должны нравиться большинству в каждом отдельном случае, хотя потеряют свои рабочие места, если суммарный итог их деятельности вызовет недовольство у значительной части избирателей. Помимо всего, у отдельного избирателя нет сколько-нибудь серьезных мотивов для активного сбора информации или тщательного обдумывания вопроса. В случае с королем это не так. Хотя король может также совершать ошибки, но он руководствуется правильными побуждениями, рассматривая возможные вложения в свое королевство. Так же как и среднестатистический избиратель, король может быть расточительным и уделять внимание чему-либо еще, кроме своей прямой выгоды. И в этом он опять похож на среднего избирателя. Но к проблеме королевской расточительности мы вернемся чуть позже.

Следует заметить, что король-самодержец принимает решения в ситуации, где нет экстерналий. Все принадлежит ему. Новая дорога строится на средства из королевского кошелька, но и выгода от этой дороги также поступает к нему. Если вложения окажутся успешными, то его налоговые поступления будут довольно высоки, чтобы не только окупить стоимость строительства. Если они не будут успешными, причем неоднократно, то он разорится. Вновь используем принятую нами терминологию: здесь нет никаких экстерналий. Он не может переложить затраты на дру-

гих, — и не потому, что он щедр или мудр, а потому, что все затраты и выгоды всего королевства исходят от него и поступают к нему. Тот факт, что он обладает безраздельной властью, создает для него в этих вопросах верные стимулы, даже хотя он может быть недостаточно умен, чтобы произвести правильные расчеты.

Скорее всего, его IQ не слишком отличается от показателей среднего избирателя. В таком случае его вычислительные способности невелики, но и не полностью отсутствуют. Однако тот факт, что вся выгода и все затраты ложатся на него, действительно побуждает его производить расчеты, сильно отличающиеся от расчетов среднего избирателя, сталкивающегося только с их незначительной долей и, возможно, что вполне логично, не очень-то сведущего в том или ином вопросе. По сути, этот аргумент французских роялистов четко указывает на то, что у короля имеются верные стимулы при осуществлении государственных расходов. В этом состоит явное преимущество монархии, хотя навряд ли одного этого достаточно для оправдания абсолютизма.

Теперь перейдем к критике монархического правления. Прежде всего оно может быть расточительным. Ни у кого, кто посещал Версаль или — еще лучше — дворцовый комплекс в Пекине, по сравнению с которым Версаль смотрится, как глинобитная лачуга, не возникнет сомнений, что короли могут потратить огромные суммы на свои собственные удобства. Французские короли расходовали немалые средства и на своих любовниц, но их расходы несопоставимы с тем, сколько тратили китайские императоры на своих многочисленных жен. С другой стороны, это большие страны, особенно Китай, и неочевидно, что стоимость этих дворцов составляла большую долю со-

вокупного национального дохода, чем огромные средства, которые расточают Соединенные Штаты на содержание законодательной и исполнительной власти в Вашингтоне. В действительности это сравнение несправедливо, так как функции, которые выполняет Конгресс, это не только функции короля, но и многих его придворных. И все же сомнительно, что расходы богачей на предметы роскоши в Соединенных Штатах нельзя напрямую сравнивать с расходами королей.

Здесь приведу мое собственное наблюдение, — не знаю, верное или нет. Большинство людей, включая королей, обладают несколько ограниченным воображением. Как только у короля появляется дворец, вдвое превосходящий по роскоши дворец самого богатого из его подданных, он, похоже, уже не думает о какой-то дополнительной роскоши. Версаль огромен, но бóльшую его часть занимают правительственные учреждения или другие государственные службы. Если не учитывать их, то, вероятно, он не намного больше некоторых замков на Луаре. Короли могут быть расточительными, но обычно им трудно придумать, как впустую потратить колоссальные суммы денег. «Поле золотой парчи» часто приводится в качестве примера расточительности королей Франции и Англии. Но оно могло бы с легкостью проиллюстрировать дорогостоящие усилия по достижению внешнеполитических целей невоенными средствами.

Это подводит нас к вопросу войны, которую нередко называют увлечением королей. Конечно, верно, что абсолютистское государство часто участвовало в довольно бессмысленных войнах. К сожалению, то же можно сказать и об относительно демократических государствах. В тот момент, когда я пишу об этом, в Ираке находятся наши войска, которые резко кри-

тикуются интеллектуалами практически во всем мире, но особенно — в Западной Европе. Кроме того, мы рассматриваем вопрос о направлении наших войск в Либерию. В этом случае интеллектуалы, кажется, в целом выступают за проведение такой операции.

Если вернуться назад во времени, можно увидеть, что революционные войны Франции, конечно, были не менее расточительны, чем любые королевские войны. Расширение империй в XIX веке в значительной степени проводилось странами, которые если и были не полностью демократическими, то быстро продвигались в этом направлении. Отказ от империй в этом столетии произошел в основном благодаря демократическим странам, и я думаю, большинство людей, которые смотрят на это со стороны, скажут, что это было не более разумно, чем основание империй в прошлом веке.

Монархиями оставалось все еще много весьма воинственных государств. Тамерлан был монархом и убил невероятно много людей. Монголы, а он произошел от них, также славились массовыми убийствами. Но большинство монархов не вели себя столь расточительно. Важными участниками самых разрушительных войн в истории были демократические государства. Все основные участники Первой мировой войны были либо демократическими государствами, либо вскоре должны были стать таковыми. Но я не хочу сказать, что монархии не были воинственными. Я лишь хочу отметить, что демократии тоже воинственны.

Разговаривая с обычными гражданами о монархии, я обнаружил, что их критика в значительной степени состоит из аргументов, усвоенных ими еще в школе. Я и сам не сторонник монархии, и мне больше

по вкусу демократия, хотя, как вы увидите из последней главы книги, я размышляю о многочисленных изменениях, способных сделать ее лучше. Тем не менее я понимаю, что люди, как правило, возражают против монархических правительств главным образом потому, что переход к ним предполагает резкие перемены, а не потому, что они тщательно обдумали этот вопрос. Это, конечно, не означает, что переход к монархии стал бы усовершенствованием. Действительно, я считаю, что это было бы серьезной ошибкой. Но я на самом деле думаю, что нам следует уделять больше внимания различным формам правления, чем мы это обычно делаем.

Существует своего рода промежуточная стадия между монархическим правлением и демократиями. Это наглядно видно на примере феодальной Европы. При такой крайне децентрализованной организации управления король зависел от своих вассалов не только потому, что они осуществляли власть на местах, но и потому, что они составляли его армию. Если он желал напасть на чужую страну, защитить свою собственную страну от нападения или подавить восстание, он обращался к своему дворянству, чтобы те привели своих воинов в его лагерь. У него самого имелось множество вооруженных воинов, но недостаточно для того, чтобы победить в большом сражении. В таких обстоятельствах он обладал мудростью, чтобы посоветоваться со своими высокопоставленными вассалами прежде, чем вторгнуться в иноземные владения или сопротивляться вторжению в собственную страну. Был ли у него формальный совет, или он просто созывал вассалов в случае крайней необходимости, не так уж важно.

В результате большинство феодальных монархий со временем стало иметь более или менее формаль-

ное собрание верховных феодалов, на советы и военную поддержку которых они опирались. Большинство читателей этой книги лучше знакомо с английской историей, чем с какой-либо другой, и у английских королей, конечно, была такая же проблема. Но подобные органы существовали почти во всех королевствах Европы. У королей, обладавших обширными владениями, могло быть несколько таких органов в их различных частях. Карл V Габсбург имел дело примерно с двадцатью двумя небольшими органами и потратил уйму времени на разъезды по Европе, спрашивая у них средства. Как правило, в самом начале в совет входили только высшие феодалы, но со временем в него стали включать и простолюдинов, которые были состоятельны и с которыми было лучше консультироваться прежде, чем забирать у них деньги.

Как известно, королю Иоанну Безземельному не удалось договориться со своими высшими феодалами, и они сформировали против него коалицию, вынудив его в Раннимиде подписать Великую хартию вольностей. Однако, кажется, это не сильно повлияло на отношения между королем и его высшими феодалами. Сомневаюсь, что это хоть как-то улучшило положение простолюдинов. Ведь их угнетали местные феодалы, а не король. Читая этот документ, я всегда подозревал, что в его разделе, посвященном судебным вопросам, дворяне выступали против того, чтобы король позволял жюри, состоящему из простолюдинов, судить знатных феодалов. В любом случае, в соответствии с Великой хартией вольностей, это было запрещено.

Спустя продолжительное время после события в Раннимиде, граф Лестер Симон де Монфор поднял восстание, которое потерпело провал. Но в ходе восстания он просил каждое графство в Англии прислать

ты, постепенно свел роль короля к простой церемониальной фигуре. То же самое произошло в большинстве других стран Европы, которые принято называть «конституционными монархиями». Обычно этот процесс требовал длительного времени и мог сопровождаться временным регрессом, но в целом он был направлен на переход к демократическому правлению. Однако такой переход мог осуществляться и иначе. Людовик XIV просто объявил Генеральным штатам об их роспуске. Конечно, его приказу повиновались. Позднее Людовик XVI попытался восстановить Генеральные штаты, но в результате сам лишился головы. В этом случае имело место не постепенное движение, а два резких изменения. Единственный известный мне случай, когда и король, и совет обладают по меньшей мере некоторой властью, — это современное королевство Марокко. Основываясь на историческом опыте, я бы предположил, что здесь произойдет переход либо к демократии, либо к более деспотическому королю.

Есть другая форма правления, которая выглядит весьма своеобразной, но в одном случае оказалась очень успешной. Папа римский назначает совет кардиналов, который консультирует его и выполняет определенную административную работу. Когда он умирает, они выбирают его преемника. Хотя система работает не идеально, она зарекомендовала себя вполне неплохо. Одна из причин ее успеха, возможно, заключалась в том, что все церковные высшие чины официально не должны были иметь детей.

Интересная особенность этой системы с современной точки зрения состоит в том, что некое ее подобие, похоже, было принято коммунистами. Сталин назначил Политбюро, а затем, когда он умер, они избрали его преемника. Позже Политбюро фактически

отстранило от власти одного «генерального секретаря», но в целом система не сработала, как и в католической церкви. Можно утверждать, что коммунистическое правительство Китая следовало тому же самому правилу. Более или менее подобным образом был избран Дэн Сяопин, хотя, как и в случае с Россией, формальное собрание законодательного органа было чисто символическим.

Дэн сохранил значительную власть даже после того, как официально вышел на пенсию. Когда он умер, все опять повторилось, хотя и не столь гладко. Возможно, я принадлежу к немногочисленному меньшинству тех, кто считает существующее китайское правительство довольно нестабильным. Будет ли оно работать нормально, как полагают почти все, или же потерпит провал, как подозреваю я, с уверенностью сейчас сказать не может никто.

Внешне эта система напоминает кабинетное правление при демократии. Но это только внешнее сходство, и, на мой взгляд, весьма сомнительно, что она действительно станет подлинным кабинетным правлением. Постоянное правительство, где действующий правитель назначает консультативный совет, который выберет его преемника, в Советском Союзе потерпело крах. Точно так же оно потерпело крах во всех «народных демократиях» Восточной Европы, но там оно с самого начала было фарсом. Фактически все официальные лидеры в тех странах назначались русскими. С распадом Советского Союза некоторые из этих лидеров смогли обрести реальную власть. Лидеры тюркской языковой группы Средней Азии оказались способными превратить свое прежнее бюрократическое положение в настоящую диктатуру, но я сомневаюсь, что так будет всегда.

Этот обзор стандартной формы правления людьми — правителя, который может обращаться за советом, но не обязан следовать ему, — довольно краток. Кроме того, не могу сказать, что, как исследователь, я силен в этой области. Достоинство моего обсуждения этого вопроса заключается лишь в том, что большинство других людей, обеспокоенных этой формой правительства, склонно игнорировать все, за исключением некоторой формы демократии или монархии.

Как раз перед своей первой поездкой в Венецию я столкнулся с другом, который только что впервые побывал в ней. Он был полон восторга и рассказал, что там стоит зайти в каждую церковь, а каждое второе здание достойно того, чтобы остановиться и осмотреть его. Хотя в действительности я не останавливался перед каждым зданием в Венеции и не рассматривал их, но, конечно же, наслаждался собранием блестящей архитектуры. Она особенно впечатляла не только своей красотой, но и техническим совершенством. Все эти здания — одни из которых были довольно большими, другие представляли собой высокие башни — были построены на песке. Тот факт, что венецианцы смогли построить здания, фундаментом которых были сваи, глубоко вбитые в песок, отражает и художественный вкус, и инженерные способности. А тот факт, что это было построено сотни лет назад, поражает еще сильнее.

Венеция возникла как часть Византийской империи и потом постепенно перешла от правления назначенными императором представителями к правительству, которое принято называть республиканским. С XII по XIX век она находилась под конституционным правлением, которое не похоже ни на что другое. Принимая во внимание большой успех, достигнутый

при этой конституции, имеет смысл рассмотреть этот вопрос более подробно. Заметьте, что другим таким правительством, которое оставалось под бесспорным контролем в течение подобного периода, была только корейская династия Чосон, которая правила страной на протяжении почти шестисот лет. Но Корея являла собой совершенно особый случай вследствие своей подчиненности Китаю. Ни одно другое правительство даже близко не подошло к такому рекорду. При монархическом правлении, как я отмечал выше, преемственность, как правило, время от времени прерывалась, а династия заменялась дальними родственниками. Так как это работало в течение долгого времени и приводило к хорошим результатам, думаю, подобное устройство заслуживает одобрения, но не могу себе представить, каким способом можно провести дальнейшие эксперименты в этом направлении. Представление о том, что существующая форма нашего правительства идеальна, по-видимому, обусловлено главным образом привычкой и консерватизмом. Полагаю, мы всерьез должны рассмотреть возможные радикальные изменения, и следующую главу я посвящаю этому вопросу.

Венецианские достижения в области культуры и искусства, преимущественно в период Возрождения, были выдающимися. Несмотря на свое незавидное географическое расположение, Венеция — одно из поистине живописнейших мест мира. Понятно, что сегодня она привлекает в основном туристов, но ее нетуристические достижения для многих поколений были гораздо важнее, а культурный прогресс во многих областях впечатляет. Например, венецианцы были первопроходцами в печатном деле, а Галилео и Везалий преподавали в ее университете как раз тогда, когда

они совершили наиболее важные из своих научных открытий.

С точки зрения экономики купцы Венеции играли важную роль на Ближнем Востоке, а ее флот подавлял пиратов в большей части Средиземноморья. Именно венецианцы стали основателями современного банковского дела, и в течение многих столетий валюта Венеции была самой надежной в Европе. Современные дипломатические службы построены по образцу венецианских посольств. Марко Поло отправился в Китай и первым донес до европейцев знания об этой великой империи. Венеция на протяжении долгого времени была важным центром цивилизации.

Но, с точки зрения самих венецианцев, это были не самые значимые достижения. Они построили огромную империю в долине По и еще более крупную империю на Востоке, а их утверждения, что они «выставили прочный заслон туркам», было не таким уж большим преувеличением. Но в ходе войн им приходилось постепенно отступать. Учитывая разницу в размерах турецкой империи и владений Венеции, то, что им удалось сделать, просто поражает. Европейцы должны помнить, что на протяжении долгого времени турецкая угроза сдерживалась главным образом венецианским флотом, и быть благодарными им за это.

Да, безусловно, я — сторонник Венеции. Читатель может воспринимать мои похвалы скептически. Но вряд ли он станет отрицать, что достижения венецианцев были выдающимися, а нынешняя ситуация, когда песчаный остров является одной из главных красот мира, кажется почти невероятной.

Основная идея этого краткого обсуждения состоит в том, что политическая система Венеции также

была выдающейся. На протяжении почти семисот лет — с того времени, когда она получила независимость от Византии, и до тех пор, пока Наполеон не завоевал Венецию, — они жили при одной и той же конституции. Нельзя сказать, что все оставалось неизменным, но средний венецианец едва ли в ходе своей жизни замечал серьезные изменения. Сегодня может показаться, что их система правления была странной, но она определенно работала.

Назовем ли мы это демократией или олигархией, зависит от определения. В выборах правительства участвовала довольно небольшая группа, вероятно, около 5% взрослых мужчин, действительно проживавших в Венеции. Требование присутствия в Венеции имело определенное значение, так как многие граждане отсутствовали, управляя империей или выполняя дипломатические миссии. По возвращении они, конечно, снова могли голосовать.

Помимо того что эта небольшая группа людей избирала всех своих чиновников, многие принимали активное участие в голосовании по ключевым политическим вопросам. Если вы посетите Дворец дождей в Венеции, то увидите огромные залы. Там часто собирались граждане для голосования. Они не только выбирали высших чиновников, но также проводили дебаты и голосовали по вопросам политики. Принимая во внимание тот факт, что многие из них были купцами, удивительно, что они могли находить время для участия в больших общественных собраниях.

Практиковавшийся там метод избрания чиновников кажется, с нашей точки зрения, весьма своеобразным. При выдвижении кандидатов многое зависело от случайности. Я вкратце описываю процедуру в своей книге «О голосовании» (Tullock 1998). Если

читателю интересно более тщательное и полное исследование, то ему можно порекомендовать книгу Фредерика К. Лейна «Венеция: морская республика» (Lane 1973).

Наличие существенного элемента случайности призвано было предотвратить семейственные маневры, раздиравшие большинство итальянских республик. На современный взгляд эта система видется довольно необычной, но она работала. Большинство людей, голосовавших на таких выборах, были лично знакомы с кандидатами, но, с другой стороны, непредсказуемость процесса вкупе с фактом, что члены одной семьи не могли даже присутствовать при проведении голосования за кандидата из их семьи, вероятно, вели к тому, что отбирались компетентные люди. В любом случае система была успешна в течение более длительного периода, чем любое другое известное нам правительство.

Учитывая успешность этого правительства и мое восхищение им, читатель может недоумевать, почему я уделяю ему так мало места. Дело не в моих предубеждениях, а в том, что я совершенно не вижу возможности принятия такой системы ни в ближайшем, ни даже в отдаленном будущем.

12. Что делать и надо ли вообще что-то делать?

Мир сегодня, кажется, находится в довольно хорошей форме. Должны ли мы рассматривать возможные усовершенствования? Я бы не удивился, услышав в ответ от читателя непоколебимое «нет». Но я по своей природе — реформатор и поэтому хотел бы рассмотреть как существующие в мире трудности, так и то, что мы можем с ними сделать.

Начнем с внешней политики: Соединенные Штаты только что выиграли незначительную войну, но теперь им приходится иметь дело с партизанами. Нас сейчас также не любит интеллектуальное сообщество практически во всем мире. Можно было бы подумать, что у режима Саддама Хусейна вообще не будет защитников, но, хотя никто, кроме его министра дезинформации и нескольких коррумпированных министров, не защищал этот режим, есть немало людей, утверждающих, что у него не было оружия массового поражения. Так как уничтожение этого оружия было одним из доводов американского правительства в пользу уничтожения Саддама, даже те, кто не любят его и рады его поимке, критически настроены по отношению к американской политике.

Подозреваю, что все это — отражение латентных антиамериканских настроений многих европейских интеллектуалов в сочетании с антибушевскими настроениями многих американских интеллектуалов. Но теперь у них есть оправдание более сильной неприязни. С таким складом ума практически ничего невозможно сделать, тем не менее он не выглядит слишком опасным. «Палки и камни могут сломать мне кости, но слова никогда не причинят мне вреда».

Пока у стран, которые столь резко возражают против наших действий в Ираке, нет фактически никакой военной силы, мы можем вообще не обращать на это внимания. Было бы неплохо, если бы мы нравились им больше, а сами они помогали нам, направляя больше войск для борьбы с партизанами. Но маловероятно, что мы можем достичь какой-либо из этих целей.

Партизаны, конечно, представляют проблему. Фактически предшествующую террористическую кампанию можно рассматривать как начальный этап партизанской войны. К сожалению, у меня нет предложений относительно того, что можно добавить к тому, что мы уже сейчас делаем. Тем не менее нам не следует ожидать высокой степени эффективности в этом вопросе*.

Я уже ссылался на книгу Бута «Дикие войны мирного времени» (Boot 2002). Большая часть ее посвящена борьбе с партизанами, которую вела морская пехо-

* Лично я считаю, что тяжелое обмундирование наших войск в том климате только вредило делу. Когда британцы оккупировали этот регион, их войска носили шорты и рубашки с коротким рукавом. Я думаю, что наши солдаты должны быть одеты так же, но и иметь дополнительно защитную одежду на случай газовых атак.

та. В целом такая борьба заканчивалась успешно, хотя мы и несли потери. Это похоже на сегодняшнюю ситуацию в Ираке, за исключением того, что морских пехотинцев раньше действовало гораздо меньше и, следовательно, их реже убивали. Если бы мы проявили терпение, мы могли бы ожидать такого же результата, но я не уверен, что оно у нас будет.

Слово «ассасин» («убийца») происходит от названия мусульманской секты, использовавшей в качестве своего главного инструмента убийство, как для распространения своей особой мусульманской ереси, так и для обретения значительной власти на Ближнем Востоке. Ее расцвет почти совпал по времени с крестовыми походами, но никакой серьезной опасности для крестоносцев она не представляла. В своей «Истории крестовых походов» де Жуанвиль (De Joinville 1963; де Жуанвиль 2008) отмечал, что убивать великих магистров орденов крестоносцев было бесполезно, потому что на смену убитому немедленно избирался новый. Великий враг крестоносцев Саладин, однако, платил ассасинам, шантажировавшим его. По-видимому, он ценил свою жизнь больше, чем великие магистры—свои. В конечном итоге секта была уничтожена монголами.

Гораздо позднее «Народная воля» в России вела долгую кампанию политических убийств, жертвами которой стали царь и многие чиновники. С политическим терроризмом удалось покончить только Столыпину, который ввел военные трибуналы и казни. Примерно в то же самое время группы анархистов, не связанных напрямую с Россией, совершили множество политических убийств и взрывов в Западной Европе. Среди их достижений на этом поприще значится небольшое столкновение в центре Лондона с небольшим отрядом британских военных. Наконец

они попросту вымерли. Прояви мы терпение, то же самое произошло бы и с «Аль-Каидой». Мне бы хотелось иметь лучшее решение этой проблемы, но его у меня нет. Я призываю своих читателей попытаться найти ее решение, но, должен признаться, здесь я не слишком оптимистичен.

Если оставить в стороне эти печальные, но на самом деле малозначительные проблемы, то в настоящее время мир находится в неплохом состоянии. Мне самому, как интеллектуалу, особенно интересно наблюдать за тем, как меняются представления. Сегодня демократия и свободный рынок, по-видимому, получили широкое признание среди интеллектуалов.

В моей молодости все обстояло иначе. Когда я учился в Школе права при Чикагском университете, большинство моих интересовавшихся политикой однокурсников были социалистами. Все они были настроены продемократически, хотя диктатура в СССР и других социалистических странах как будто их не особенно беспокоила. Помню, как один из лидеров нашей группы в Школе права терпеливо объяснял мне, такому отсталому студенту, что плановая экономика неизбежно будет расти быстрее свободной рыночной экономики, потому что центральная группа, руководящая экономикой, обладает полной информацией о каждом ее уголке, в то время как при капитализме руководители владеют информацией только об одной ее части — своей собственной.

Сегодня, конечно, подобные доводы в защиту социализма используются нечасто. Но до недавнего времени многие интеллектуалы считали, что при хорошем централизованном управлении можно было добиться большего успеха, чем при стихийном рынке. На заре 1950-х годов мой друг, Уоррен Наттер, получил круп-

ный исследовательский грант на изучение темпов роста Советского Союза. Он обнаружил, что они были намного ниже заявленных официально, хотя и не совсем ничтожны. В результате его карьера ученого-экономиста оказалась под ударом. ЦРУ, например, профинансировало два отдельных статистических исследования, где фигурировали практически те же цифры, что и у него, но сам он резко критиковался.

Чтобы дать представление о климате в тогдашней экономической науке, приведу пару примеров. В первом случае, когда я встретился с одним общим знакомым, он спросил: «Что, Уоррен все еще недооценивает советские темпы роста?» И второй случай, когда я оказался за обедом рядом с незнакомым мне экономистом. Я знал, что он занимался исследованиями советской экономики, и потому заговорил с ним об этом. Он сразу сказал, что не может разговаривать со мной об этом, так как ему известно, что я — из университета Виргинии и, следовательно, знаком с Уорреном Наттером, а потому могу устроить ловушку своему собеседнику.

Университет Виргинии перевел Уоррена на неудобную должность, и он не имел возможности перейти в другой университет в силу своей репутации человека, сделавшего плохую, политизированную работу по российской экономике. Теперь-то мы знаем, что он был прав — за исключением того, что, вероятно, несколько переоценил темпы роста, представив их более высокими, чем они были на самом деле.

Но все это не слишком существенно, хотя это, конечно, было важно для Наттера. Из известного экономиста он стал никем. К счастью для него, он смог получить высокий пост в министерстве обороны. Тем не менее хорошая карьера была загублена только потому, что он был прав.

Не стану утверждать, что такое было абсолютно типично, но верно то, что примерно до 1980 года и в экономической науке, и во всем интеллектуальном сообществе бытовало мнение, что коммунистическая система работала хорошо. Кроме того, тогда во многом игнорировалась высокая смертность при коммунистическом правлении. Никто не называл коммунистические правительства демократиями, но на их тоталитарный характер обычно не обращали внимания.

Я рассказал об этом главным образом с целью напомнить читателю о том, как было раньше. Но с конца 1980-х годов все изменилось. Думаю, крах коммунистической государственности в СССР и принятие капитализма как в коммунистическом Китае, так и в коммунистическом Вьетнаме, возможно, послужили основной причиной этих перемен. Я не встречал ни у кого из модных интеллектуалов сколько-нибудь разумного объяснения происшедших изменений. Большинство из них даже забыло о том, какого мнения придерживалось раньше.

Вероятно, я уделяю слишком много внимания этой перемене мнений в интеллектуальном сообществе. В конце концов, я и сам интеллектуал и, следовательно, придаю интеллектуальным вопросам большее значение, чем обычные граждане. Я помню немало случаев, когда прежний интеллектуальный климат причинял мне серьезные неудобства, но не было ни одного случая, когда это действительно могло уничтожить или сильно повредить моей карьере. Меня устраивают происшедшие перемены, и я надеюсь, что мое напоминание ученым об их прежних мнениях может оказаться полезным, но сейчас я вернусь к более актуальным проблемам.

На данный момент Соединенные Штаты оправляются от небольшого спада. Экономика, кажется, не слишком хорошо реагирует на меры, предлагаемые чикагскими монетаристами, вроде меня, или кейнсианцами. Забавно видеть, как демократы нападают на дефицитное финансирование. В конце концов, это было бы кейнсианским решением, а демократы в большинстве своем кейнсианцы. Монетаристское решение на самом деле никто и не пытался претворить в жизнь, и некоторые движения Гринспена в этом направлении, по-видимому, совсем не повлияли на рецессию.

Но мы имеем дело лишь с незначительным спадом. Многие другие страны переживают гораздо более серьезные спады. Япония, Германия и Франция испытывают значительные трудности. В случае с Японией, хотя я в известной мере и являюсь экспертом по Дальнему Востоку, мне непонятно, что именно там не так. И Франция, и Германия не могут осуществлять сколько-нибудь значительное кейнсианское дефицитное финансирование в силу своего членства в Европейской валютной системе. Кроме того, обе страны, но в особенности Германия, организовали свое государство всеобщего благосостояния таким образом, что у безработных теперь имеются стимулы к поиску работы. Это не приводит к серьезным страданиям, и безработные живут вполне неплохо. Мой общий оптимизм по поводу нынешней ситуации на самом деле относится не к нашей экономике, хотя проблемы, с которыми сталкивается она, довольно незначительны с точки зрения людей, вроде меня, переживших Великую депрессию.

Если говорить о военном положении, мы выиграли две войны с Ираком без особого труда или серьезных

потерь. Не знаю, насколько легко нашим войскам будет справиться с партизанской войной, но в любом случае мы сможем это выдержать. Сейчас часто говорят, что наш военный бюджет превосходит суммарный военный девяти других стран с большими военными бюджетами. В этот показатель обычно не включается Китай, и в нем не учитывается поправка на разницу в сумме, которая нами тратится на довольствие для наших военных. Кроме того, следует иметь в виду, что мы проиграли войну во Вьетнаме, хотя наши расходы были, конечно, гораздо выше, чем у наших противников, а в войне с Кореей мы «сыграли вничью», хотя, опять же, потратили больше, чем наши противники. Таким образом, к очевидной убежденности прессы в нашем всемогуществе следует относиться с известной долей скепсиса.

Тем не менее, помимо изменения мнения по экономическим вопросам в лучшую сторону, мы находимся в неплохой форме и в других областях. Общий оптимизм кажется оправданным, но необходимо иметь в виду, что в прошлом изменения в экономике или международной ситуации были причиной серьезных разочарований.

Здесь мне бы хотелось перейти к обсуждению наших внутренних проблем, особенно тех, о которых шла речь в девятой главе этой книги, посвященной поиску ренты. Давным-давно мы вместе с Джеймсом Бьюкененом написали книгу «Расчет согласия» (Buchanan and Tullock 1965), где был выдвинут ряд радикальных идей о функционировании демократических правительств*. Хотя тогда эти идеи были радикальными,

* Книга выдержала много изданий и выходила в разных издательствах.

сейчас многие из них стали вполне обычными. Термин «поиск ренты» тогда еще не использовался при обсуждении деятельности правительства, но благодаря реформам, о которых шла речь в нашей книге, мы бы смогли существенно уменьшить возможности для поиска ренты. Эти реформы сделали бы поиск ренты более дорогостоящим для законодателей, и, следовательно, они стали бы реже прибегать к нему. Если вам нужно проголосовать за семь экономически неэффективных проектов водоснабжения, чтобы осуществить один из них в вашем округе, вам будет сложнее сформировать коалицию, чем тогда, когда речь идет только о трех проектах. Конечно, вы и сами можете прийти к выводу, что это обойдется вашим избирателям слишком дорого.

В общем, те предложения, которые будут сделаны мною ниже, как правило, требуют, чтобы больше людей могли принимать участие в работе Конгресса, чтобы спонсорам было бы сложнее получать привилегии для своих округов. Я обнаружил, что большинство американцев шокированы моим предложением ликвидировать голосование простым большинством. Они считают, что в этом состоит суть демократии. Тогда имеет смысл прерваться на короткое время и рассмотреть вопрос о том, так ли уж распространено в нашем демократическом обществе голосование большинством голосов.

Органом, принимающим большинство решений в американском обществе, является жюри присяжных, которое всегда выносит вердикт единогласно*. Это старый обычай, и я не предлагаю его менять, пока мы ис-

* В некоторых случаях в Англии судья может принять мнение десяти из двенадцати присяжных.

пользуем жюри, но это определенно не является голосованием большинством голосов. Есть немало других случаев, когда США уклоняются от голосования большинством голосов при принятии правительственных решений. В настоящее время слушания в Сенате США ограничены правилом, согласно которому попытки любого сенатора забаллотировать законопроект могут быть преодолены только 60% голосов от Сената.

Это правило интересно тем, что вообще левые его не любят, но в данный момент они решительно его отстаивают. Они начали отстаивать это правило, когда Буш выдвинул кандидатуру судьи, против которой они возражали, но которая получила бы большинство голосов в Сенате. В этом случае левые смогли прибегнуть к правилу о прекращении прений. Была еще пара случаев, когда демократы угрожали затян timer слушания, требуя, чтобы решение было принято 60% голосов. В прежние времена именно правые использовали правило прекращения прений, но левых, похоже, не смущает нынешняя ситуация.

Я читаю и *Washington Post*, и *Washington Times*, чтобы получать освещение с обеих сторон. Обычно *Washington Post* пишет о левых, а *Washington Times*—о правых. Сейчас именно *Washington Post* выступает за использование правила для прекращения прений 60% голосов, и такое изменение позиции левых, похоже, не сильно беспокоит. Они указывают, что Конституция предоставляет каждой из палат право самостоятельно устанавливать процедуры, регулирующие ее работу. В прошлом, когда к прекращению прений прибегали сенаторы южных штатов, чтобы задержать принятие законопроектов о гражданских свободах, против этого возражали именно левые. *Washington Times* старается не говорить об этой проблеме, но когда речь о ней

все же заходит, то заявляет, что наше правительство основано на принципе большинства и, следовательно, процедура прекращения прений неуместна. Я не могу припомнить случаев, когда они так рьяно отстаивали суверенитет большинства.

Другим случаем, когда сама Конституция США не ограничивается требованием простого большинства для принятия закона, является президентское право вето. В сущности, Конституция предполагает, что орган законодательной власти состоит из трех палат, где третья палата — это президент. Если он отклоняет законопроект, то нужно собрать две трети голосов в обеих палатах, чтобы преодолеть его вето. Кто бы что ни говорил об этом положении, я выступаю за него, и оно, конечно, не считается мажоритарным.

Но и сам Сенат, вероятно, наименее мажоритарный институт. Конгрессмены в палате представителей избираются в округах примерно одного размера и, следовательно, представляют или по крайней мере избираются большинством своих избирателей. И поэтому, не совершая серьезной ошибки, можно утверждать, что большинство в палате представителей представляет большинство избирателей. Это никоим образом не относится к Сенату.

Решение иметь по два сенатора от каждого штата, независимо от численности населения, было принято на конституционном конвенте, чтобы сделать более вероятной ратификацию Конституции. Это было компромиссным решением, когда большие штаты преобладали в одной палате, а небольшие — в другой. Оглядываясь в прошлое, не вижу никаких причин, почему мы должны критиковать это решение. Однако это действительно означает, что большинство в Сенате не обязательно представляет большинство избирателей.

Избиратель с Аляски обладает в федеральном правительстве властью, которая в тридцать раз превосходит власть избирателя из Калифорнии. Сомневаюсь, что сенаторы от больших штатов объединяются, чтобы противостоять сенаторам от малых. Таким образом, маловероятно, что большинство в Сенате постоянно или даже часто не представляет большинства граждан. Но такое случается. Насколько я знаю, еще никто не собирал данных по этому вопросу, но сторонники мажоритарной системы будут обескуражены действительным раскладом сил. Я не сторонник принципа большинства, поэтому и не возражаю, но я действительно считаю, что распределение политической власти в Сенате США нежелательно.

Теперь давайте перейдем к идее, изложенной в главе 16 «Расчета согласия»*. Там я отмечаю, что различия в способах избрания представителей двух палат могут потребовать большей поддержки избирателей, даже хотя они равномерно представлены в каждой из палат. Приведем пример, который я придумал для той главы: в нем одна из этих двух палат представляет все население, причем каждый сенатор представляет одинаковое число избирателей, но сами избиратели выстроены в алфавитном порядке. Когда население выстроено в алфавитном порядке, один сенатор будет избираться первым 1% из этого списка. Следовательно, каждая палата при наличии в ней большинства действительно представляла бы большинство населения. Хотя это и так, для получения большинства в обеих палатах, нам бы потребовалось уже не про-

* Эту главу написал я. Хотя вся книга — плод совместной работы, одни ее части были написаны Бьюкененом, а другие — мной.

стое большинство населения. И это было бы неверно только в случае какого-то дичайшего совпадения географических и алфавитных округов.

Во многих штатах существуют двухпалатные законодательные собрания с различными методами распределения членов законодательного собрания по двум различным палатам. Некоторое время назад Верховный суд постановил, что в случае со штатами было бы неконституционным, если бы одна из палат использовала крайне неравное распределение населения в избирательных округах для распределения мест в палате. Как отмечалось в судебном решении, у избирателя малолюдного избирательного округа было больше власти, чем у избирателя более многочисленного округа. Взять хотя бы столь часто цитируемое заявление: «Деревья не голосуют». Конечно, можно заметить, что, по федеральной Конституции, деревья действительно голосуют на Аляске. Так как неконституционность неравного представительства проистекала из федеральной Конституции, но применялась к штатам, это постановление суда было довольно странным.

Но тогда и многие решения Верховного суда являются странными. Более того, когда мы говорим о принятии решений большинством голосов, а Верховный суд действительно принимает решения большинством голосов судей, никто не станет утверждать, что они представляют собой большинство населения. Но тем не менее они отменяют вещи, принятые более или менее мажоритарными институтами правительства. И снова здесь мы имеем дело с областью, где принципу большинства не придается значения.

Думаю, никто не станет спорить, что существующий метод выборов в Сенат означает, что разные избиратели обладают разной политической силой

в зависимости от штата, где они живут. Большинство исследователей знают об этом, но этому редко придается большое значение при обсуждении реформ. Сейчас интерес к более равномерному распределению власти избирателя путем перераспределения избирательных округов начал постепенно расти. И похоже, что этот вопрос больше интересует левых, а не правых, хотя в любом случае он слишком слаб и совершенно неясно, кто выиграет от такого перераспределения — правые или левые.

Расхождения между правыми и левыми в этом конкретном вопросе никак не влияют на мои собственные взгляды. Мне бы хотелось, чтобы относительная сила избирателей в Сенате была примерно равной и чтобы произошло повышение эффективности системы в целом, а обе палаты при этом и дальше избирались по-разному. Последний критерий обсуждался ранее в связи с вопросом о поиске ренты, и в предыдущем обсуждении приведены основные доводы в пользу моего предложения.

Многие американцы об этом не знают, но во всем мире мажоритарная система, унаследованная нами от Англии и до сих пор используемая, действует в меньшинстве стран. Большинство стран используют пропорциональное представительство по меньшей мере для одной палаты законодательного собрания. Швеция, например, просто отменила палату, которая основывалась на принципе мажоритарного представительства, так что теперь палата, формирующаяся на основе принципа пропорционального представительства, обладает неограниченной властью.

Есть два избирательных метода, которые принято называть пропорциональным представительством. Один из них, названный «методом Хэра», — сложный

и используется в Австралии и некоторых других местах, хотя и не во многих. Я не стану рассматривать его здесь, но если читателю интересно, то краткое, но точное описание этого метода можно найти в *Encyclopedia Americana**. Другой метод, который используется широко, имеет много разновидностей. Нет смысла рассматривать здесь все его разновидности, поэтому я начну с простой процедуры, а затем перейду к краткому обсуждению более сложных способов.

При системе, принятой в Израиле и Нидерландах, каждая партия составляет список потенциальных кандидатов в законодательное собрание, размеры которого обусловлены общим числом мест в парламенте. А число мест зависит от того, как разделена страна. Может быть так, что вся страна — один большой избирательный округ или она разделена на множество избирательных округов, на каждый из которых приходится, скажем, двадцать мест.

Центральный аппарат каждой партии составляет список кандидатов, содержащий столько имен, сколько имеется мест в парламенте. Затем избиратели голосуют за партию, и она получает определенное количество мест пропорционально количеству избирателей в конкретном избирательном округе. При простой системе из них будут избраны те, кто оказался вверху партийного списка. Излишне говорить, что это приводит к очень строгой партийной дисциплине в парламенте.

Есть другие системы, при которых избиратель может голосовать за данного кандидата в его партийном списке или за отдельных кандидатов в нескольких пар-

* 'Hare system of proportional representation', *Encyclopedia Americana*, vol. 19, p. 210 (1969).

тиях. В швейцарской системе избиратель может вычеркнуть одно имя в списке и вписать другое, которое в нем уже есть, тем самым отдавая два голоса за конкретного кандидата. Есть другие пути, позволяющие избирателям действительно выбирать кандидатов из партийного списка. При этой системе или системах, так как есть несколько способов обеспечения этого, число кандидатов, избранных от партии, зависит от числа поданных за партию голосов, но отдельный избиратель может влиять на то, какой именно кандидат получит место в парламенте.

Эта система помогает избежать неверного географического распределения, к которому мы привыкли в американском Сенате. Предположим, например, что мы используем национальный избирательный округ, в котором нужно избрать сто депутатов. По своим размерам это будет тот же самый Сенат в своем нынешнем виде. Большинство этих сенаторов будет избрано большинством избирателей. При нынешней системе большинство сенаторов может быть избрано вовсе не большинством избирателей. Отдельный избиратель на Аляске из моего предыдущего примера обладает гораздо большим влиянием на национальную политику, чем избиратель из Калифорнии.

Эта измененная система честнее нынешней, и она не создает перекосов в пользу менее населенных штатов. Возможно, при ней проводить сельскохозяйственные законопроекты будет труднее, что всем пойдет только на пользу. Кроме того, — и эта черта кажется мне привлекательной, — коалиции избирателей, созданные для поддержки законопроекта, предоставляющего им определенные привилегии, в этой законодательной палате отличались бы от коалиций в палате представителей, где бы я ничего ме-

нять не стал. По сути, это потребовало поддержки большего числа избирателей для тех пакетов предложений, которые, как считается, могут быть приняты с помощью логроллинга.

В настоящее время такие вещи, как обводной канал в центральной Аризоне, интересны сенаторам и представителям примерно одного географического региона или представляющим примерно одни и те же группы давления. Обеспечивая представительство в одной из палат на основе принципа, отличного от географии, мы усложняем создание таких пакетов проектов. Всему, что действительно идет на пользу большинству населения, такое изменение вреда не причинит. Оно может быть принято в обеих палатах.

Повторюсь, что все эти рассуждения можно найти в главе 16 книги «Расчет согласия». Должен сказать, что, хотя эта глава в некотором смысле самая радикальная из всех глав этой по большому счету весьма радикальной книги, она практически не вызвала никаких возражений. Я полагаю, не вследствие того, что всех подкупила эта идея, хотя, конечно, она встретила широкую поддержку, а потому, что такая реформа кажется маловероятной. Тем не менее изменение, которое предлагается мною, не только обладает техническим преимуществом, но имеет очевидные моральные достоинства и, следовательно, провести его будет проще.

В большинстве законодательных органов, где для одной палаты применяется пропорциональное представительство, а для другой — иные методы, как, например, в Германии, используется правление кабинетного типа, когда исполнительная власть избирается одной палатой, как правило, с пропорцио-

нальным представительством. Однако нет никаких причин для того, чтобы это было именно так. Мы могли бы сохранить наши нынешние механизмы для исполнительной власти — избранного президента, который назначает свой собственный кабинет и обладает правом вето, имея при этом одну из двух палат, избранную на основе пропорционального представительства. Это бы означало, что у нас есть две палаты парламента и президент, избираемые различными методами, так что большинство, поддерживающее одного из них, не будет полностью совпадать с большинством, поддерживающим других. Принимая во внимание мое желание, чтобы законодательные органы имели различные поддерживающие их группы, так было бы даже лучше.

Что касается третьего изменения, то президента можно было бы избирать прямым народным голосованием. Это бы увеличило степень, в которой каждый избиратель в Соединенных Штатах обладал бы одной политической силой и властью, и усложнило бы логроллинг и попытки получить привилегии от правительства. Я бы ожидал дальнейшего повышения эффективности.

Большинство людей, которые не изучали проблему, считают голосование и подсчет голосов чем-то бесхитростным с математической точки зрения. К сожалению, это не так. Эта проблема — не из легких. И начиная с работ Кондорсе и до исследований Льюиса Кэрролла, серьезные исследователи голосования знают всю ее сложность.

Блэк и Ньюинг (Black and Newing 1951) напомнили о существовании проблемы циклических большинств. Эрроу (Arrow 1950) предложил простое общее доказательство того, что во всех методах голосования при-

существуют парадоксы. Если взглянуть на реальную историю, это очевидно. Линкольн и Вильсон были избраны удивительно небольшой долей избирателей. И Кеннеди, и Буш-младший получили не только меньше половины всех голосов, но даже меньше, чем их оппоненты. Типичным примером может служить нынешний президент Аргентины, получивший всего 20% голосов на единственных выборах, в которых он участвовал.

Но эти проблемы парадоксов при голосовании про- низывают все известные методы голосования. Мы можем лишь сожалеть об этом и надеяться, что какой-нибудь математик сможет их разрешить. И все же в настоящее время наиболее разумно пренебречь ими и надеяться, что решение вскоре будет найдено. А тем временем мы должны делать все от нас зависящее, исходя из того, что мы уже имеем. Мое предложение по конституционной реформе — как раз из разряда таких попыток. Подозреваю, что большинство моих читателей посчитает, что те джентльмены, что встретились в Филадельфии достаточно много лет назад, уже решили большинство проблем Соединенных Штатов. Я тоже восхищен ими, но понимаю, что теперь мы знаем больше и можем добиться большего.

Библиография

- Бьюкенен, Джеймс и Гордон Таллок (1997). Расчет согласия // Джеймс Бьюкенен. *Сочинения*. Т.1. М.: Таурус Альфа.
- Гиббон, Эдвард (2004). *История упадка и разрушения Великой Римской империи*. В 7 т. СПб.: Наука.
- Докинз, Ричард (1993). *Эгоистичный ген*. М.: Мир.
- де Жуанвиль, Жан и Жоффруа де Виллардуэн (2008). *История Крестовых походов*. М.: Центрполиграф.
- Истерли, Уильям (2006). *В поисках роста: Приключения и заключения экономистов в тропиках*. М.: Институт комплексных стратегических исследований.
- Коуз, Рональд (2007). Проблема социальных издержек // Рональд Коуз. *Фирма, рынок и право*. М.: Новое издательство.
- Олсон, Мансур (1995). *Логика коллективных действий: Общие блага и теория групп*. М.: Фонд экономической инициативы.
- Пигу, Артур Сесил (1985). *Экономическая теория благосостояния*. Т.1–2. М.: Прогресс.
- Смит, Адам (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Таллок, Гордон (2004). Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства // *Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор*. Т.4. СПб.: Экономическая школа. С. 435–448.
- Шумпетер, Йозеф (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.
- Шумпетер, Йозеф (2004). *История экономического анализа*. В 3 т. СПб.: Экономическая школа.

- Ansolahehere, Stephen, John de Figueiredo and James M. Snyder, Jr. (2003), 'Why is there so little money in U.S. politics', *Journal of Economic Perspectives*, 17 (1), 105–130.
- Arrow, Kenneth J. (1950), 'A difficulty in the concept of social welfare', *Journal of Political Economy*, 58 (4), 328–346.
- Black, D. and R. A. Newing (1951), *Committee Decisions with Complementary Valuation*, London: William Hodge.
- Boot, Max (2002), *The Savage Wars of Peace*, New York: Basic Books.
- Buchanan, James and Gordon Tullock (1965), *The Calculus of Consent*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Coase, Ronald (1960), 'The problem of social cost', *Journal of Law and Economics*, 3, October, pp. 1–44.
- Dawkins, Richard (1989), *The Selfish Gene*, Oxford: Oxford University Press.
- De Waal, Frans (1992), *Chimpanzee Politics*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- De Waal, Frans (1989), *Peacemaking Among Primates*, Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
- DeJoinville, Jean and Geoffrey Devillehardouin (1963), *Chronicles of the Crusades*, Baltimore, MD: Malboro Books.
- Demsetz, Harold (1967), 'Toward a theory of property rights', *American Economic Review*, 57 (2), 347–359.
- Easterly, William (2002), *The Elusive Quest for Growth*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Fleming, Thomas (2003), *The Illusion of Victory*, New York: Basic Books.
- Gibbon, Edward (1932), *The Decline and Fall of the Roman Empire*, New York: Modern Library.
- Hume, David (1870), *Essays, Literary, Moral and Political*, London: Ward Lock.
- Krueger, Anne (1974), 'The political economic of the rent seeking society', *American Economic Review*, 64 (3), 291–303.
- Lane, Frederic C. (1973), *Venice, A Maritime Republic*, Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

- Lewis, Bernard (1987), *Assassins*, New York: Basic Books.
- Liebergott, Stanley (1976), *American Economy: Income, Wealth and Want*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Namier, Lewis Bernstein (1957), *The Structure of British Politics at the Accession of George III*, London: Macmillan / New York: St. Martin's Press.
- Olson, Mancur (1965), *Logic of Collective Action*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Olson, Mancur (2000). *Power and Prosperity: Outgrowing Communist and Capitalist Dictatorships*. New York: Basic Books.
- Pigou, A. C. (1929), *The Economics of Welfare*, London: Macmillan.
- Rawls, John (2001), *Justice as Fairness*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schumpeter, Joseph A. (1942), *Capitalism, Socialism and Democracy*, New York: Harper.
- Schumpeter, Joseph A. (1954), *History of Economic Analysis*, New York: Oxford University Press.
- Smith, Adam (1902), *The Wealth of Nations*, New York: Collier.
- Tullock, Gordon (ed.) (1961), *A Practical Guide for Ambitious Politicians, or Walsingham's Manual*, Columbia: University of South Carolina Press.
- Tullock, Gordon (1967), 'The welfare costs of monopolies, tariffs and theft', *Western Economic Journal*, 5, 224-232.
- Tullock, Gordon (1969), 'Problems of majority voting', *Journal of Political Economy*, 67, December, pp. 1-19.
- Tullock, Gordon (1971), 'Inheritance justified', *Journal of Law and Economics*, 14 (2), October, pp. 465-474.
- Tullock, Gordon (1984), 'The economics of British politics', *Economic Affairs*, 4 (2), pp. 5-6.
- Tullock, Gordon (1987), *Autocracy*, Dordrecht, the Netherlands: Martinus Nijhoff.
- Tullock, Gordon (1997), *The Economics of Income Redistribution*, Boston, MA: Kluwer.

Библиография

Tullock, Gordon (1998), *On Voting*, Cheltenham, UK and Lyme, USA: Edward Elgar.

Tullock, Gordon (2002), 'The evolution of self sacrificing behaviour', *International Journal of Bioeconomics*, 4 (2), pp. 99–107.

Wittfogel, Karl (1957), *Oriental Despotism*, New Haven, CT: Yale University Press.